

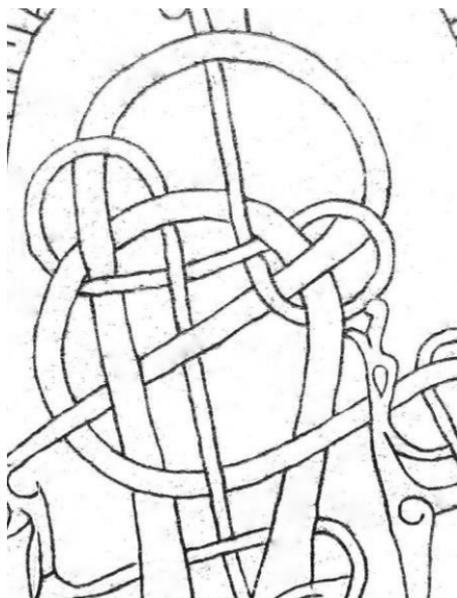
В.В.Брянский
Записки

материалы по истории позднеимперской России
том 04

Издательство Упыря Лихого
2022

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.

Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезец, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.

орнамент на камне U-104 в Уппланде, созданном Упырем Лихим

Всеволод Викторович Брянский

Записки

Издательство Упыря Лихого

2022

Книга издана по тексту электронной публикации издательства «Русский путь» (rp-net.ru)

«Записки» принадлежат секретарю Московского градоначальника и охватывают период с июля 1914 г. по март 1917 г., место действия — Москва.

Очень подробные, со знанием дела написанные воспоминания автор начинает со своего назначения в 1914 г. на должность секретаря Московского градоначальника. Естественно, должность давал молодому человеку возможность узнать эту сторону московской жизни во всех ее проявлениях: интриги вокруг назначения на высокие посты; направление деятельности полиции с началом Первой мировой войны; ее поведение во время проведения «патриотических манифестаций»; «немецкий вопрос» — о выселении немцев (с началом войны) из Москвы и с территории России — издержки решения вопроса; бессилие и несостоятельность жандармов во время немецких погромов; «тупость и продажность» полицейских; характеристики градоначальников, их заместителей, министров, многих других лиц, более и менее значимых и для того времени и для истории России.

И «кухню», и «парадную» сторону жизни московской полиции раскрывает во всех подробностях и со всех сторон Брянский.

Все книги из серии «Материалы по истории позднеимперской России» предназначены для свободного распространения и размещены на сайте library6.com

library6@yandex.ru

Оглавление

Часть I	1
Часть II	68
Часть III.....	145

Часть I

Вот уже более года как меня преследует желание записать все, что мне пришлось видеть и слышать за последние годы Старого режима. Много раз я уже пытался приступить к этой работе, но то обстоятельства последнего времени лишали меня этой возможности иди делали ее опасной, то являлось сознание, что все находящееся в моей памяти не представляет из себя что-либо особенно интересного, что было много людей, которым было гораздо легче наблюдать за всем происходившим, кругозор которых благодаря их положению был значительно шире моего и т.п. Однако вдумываясь в этот вопрос приходится признать, что в конце концов всякая запись событий впоследствии может оказаться весьма важной, тем более, что почти наверное можно сказать, что большинство очевидцев падения Старого Строя никаких мемуаров после себя не оставят, а что излишек свободного времени заставляет меня не откладывать этой записи на будущее, тем более что с каждым днем воспоминания в моей голове слабеют и многое уже совершенно испарилось из памяти.

Если ничто мне не помешает, то хотелось бы зафиксировать события Государственной и политической жизни России за время с середины 1914 г. по Март 1917 г., т.е. до революции. В течение этого времени я состоял Секретарем при Московском Градоначальнике, и эта должность давала мне возможность не только видеть все происходящее в Москве, но и узнавать многие подробности из деятельности высшего правительства и вообще жизни России.

Этому еще способствовало то, что мой отец Виктор Диодорович Брянский в это время занимал должность Товарища

Московского Городского Головы, причем с 1913 г. по 1915 г. исправлял должность Городского Головы, благодаря чему я все время находился в курсе деятельности Общественных организаций и Самоуправлений.

1 Июля 1914 г. я был назначен Секретарем Градоначальника; назначение это было для меня совершенно неожиданно, так как до того я служил в Московской Судебной палате, исполняя обязанности Помощника Секретаря Прокурора Палаты и менее всего думал о возможности перехода в Министерство Внутренних Дел. Между тем в конце Июня освободилась должность Секретаря Градоначальника, и тогдашний Градоначальник, Свиты его Величества генерал-майор Адрианов, знавший меня с I курса Университета, предложил мне это место. Колебался я не долго, т.к. несмотря на короткий срок (1 год) служба в Министерстве Юстиции своею односторонностью и отвлеченностью от действительной жизни меня очень тяготила, и уже через два дня после разговора с Адриановым я сидел в Градоначальстве, тем более что оказавшийся случайно в это время в Москве Товарищ Министра Внутренних Дел генерал Джунковский очень одобрил мое назначение. Приходится оговориться, что столь быстрому моему назначению способствовало не только знакомство мое с Адриановым, но и то обстоятельство, что мой отец, как я уже говорил выше, исполнял обязанность Городского Головы, и Адрианов видимо надеялся, назначая меня своим Секретарем, упрочить добрые отношения между Градоначальством и Думой и получить возможность сноситься с моим отцом не только официально, но и частным образом через меня. Хотя мне это, конечно, никогда не говорилось, но я почти с первого дня моей новой службы ясно это почувствовал, и положение мое в дальнейшем в этом

отношении стало весьма щекотливым и требовало большой осторожности. Отцу моему это также было не особенно приятно, а впоследствии даже и вредно, т.к. когда в конце 1914 г. была выставлена его кандидатура в Городские Головы, левая часть Думы в числе других возражений против нее указывала на службу мою в Градоначальстве.

Хотя я давно знал генерала Адрианова, но в конце концов знал его очень мало, так как обыкновенно встречал его в гостиной его жены или же на вечерах у знакомых, где он аккуратно появлялся, но всегда держался в стороне и хранил гробовое молчание. Его блестящая карьера для него самого более, чем для остальных, явилась полной неожиданностью, и он с большим трудом свыкался со своим положением.

Происходя из небогатой дворянской семьи, Александр Александрович Адрианов по окончании Павловского Военного Училища вышел в самый обыкновенный армейский пехотный полк (108 Саратовский) и, прослужив там три года, поступил в Военно-Юридическую Академию, которую окончил одним из первых. Дальнейшая служба его протекала в Виленском и Варшавском Военных Округах, где он составил себе репутацию добросовестного и трудолюбивого человека, а незадолго до революции 1905 г. он из штаба Манчжурской армии был переведен на должность помощника Военного Прокурора Петербургского Суда. Своим спокойствием и твердостью Адрианов в 1905 г. обратил на себя внимание своего начальства и в частности Вел. Кн. Николая Николаевича, командовавшего тогда войсками Петербургского Округа. На Адрианова стали возлагать наиболее серьезные следствия, ему предоставлялись широкие полномочия и все это время он был занят ликвидацией революционного движения. Вскоре он был переведен Воен-

ным Судьей в Москву, где обратил на себя внимание Генерал-Губернатора Гершельмана суровостью своих приговоров и точным исполнением приказаний начальства.

В начале 1907 г. освободилась должность Московского Градоначальника, т.к. прежний Градоначальник генерал А.А.Рейнбот был отдан под суд за взяточничество и превышение власти. За время их совместной службы у Гершельмана с Рейнботом происходили непрерывные столкновения, т.к. Рейнбот, будучи самостоятельным и решительным человеком не всегда исполнял приказания Генерал-Губернатора, вследствие чего последний желал получить в лице нового Градоначальника исполнительного и преданного ему человека. Подыскивая подходящее лицо, он вспомнил об Адрианове, который совершенно неожиданно для себя и оказался в марте 1907 г. назначенным на должность Московского Градоначальника.

Вскоре после этого Гершельман был уволен, а должность его не замещена, почему Адрианов и оказался вполне самостоятельным. Не отличаясь широким умом и почти не зная административной службы, Адрианов, несмотря на свою работоспособность, мог оказаться в весьма тяжелом положении, если его не спасли бы привычки, усвоенные во время его Судебной службы. В основу всей своей дальнейшей деятельности Адрианов положил законность и исполнительность, и какой бы вопрос не встречался у него на пути, он спокойно разрешал его согласно Свода Законов или распоряжений Министерства. Казалось бы, что такая черта являлась весьма подходящей для администратора и она действительно быстро завоевала ему популярность. Однако далеко не все явления жизни предусмотрены Законом, и не всегда Градоначальник имеет возможность узнать волю начальства, тем более что последнее часто

уклоняется от прямых распоряжений в серьезных случаях, поэтому Адрианов, решительно и твердо управляя Градоначальством в спокойное время, совершенно потерялся во время крупных беспорядков и или передавал в тяжелые минуты общее руководство какому-либо другому лицу, или же отдавал противоречивые приказания, равным образом в взаимоотношении с Высшим Правительством Адрианов далеко не всегда бывал в состоянии провести свои взгляды, а обыкновенно точно исполнял волю начальства, даже в тех случаях, когда было ясно, что такое исполнение вредно отразится на деле. Будучи безукоризненно честным человеком, Адрианов не всегда умел выбрать своих подчиненных, вследствие чего неполадочные поступки последних обыкновенно переносились населеением на него и о нем ходили, в особенности после его отставки, самые некрасивые сплетни.

Первые дни моей службы в Градоначальстве были естественно посвящены ознакомлению с моими новыми обязанностями, а также знакомству с сослуживцами. Должности Секретаря при Градоначальнике не было присвоено каких-либо строго определенных функций. Естественно через Секретаря проходила вся личная переписка Градоначальника, и ему приходилось руководить приемом просителей, но все это было не сложно и отнимало немного времени. Поэтому уже и до меня Адрианов сильно расширил компетенцию Секретаря и начал передавать в его производство некоторые дела, имеющие особое значение или требующие срочного исполнения, т.к. благодаря близости Секретаря к Градоначальнику, последнему было гораздо легче сноситься с ним, чем с Управляющим Канцелярией, и без того обремененным текущими делами, не требующими особого наблюдения. Благодаря войне число

срочных и особо важных дел значительно увеличилось, а вследствие этого и компетенция Секретаря до такой степени расширилась, что иногда я прямо оказывался не в силах не только разрешить, но даже просто просмотреть все поступавшие ко мне бумаги.

Мои будущие сослуживцы встретили меня очень радушно. По сравнению с прокурорским надзором в Градоначальстве меня на первых же порах поразили простые и даже сердечные отношения между высшими и низшими чинами Градоначальства, в то время как в палате отношения были строго официальными. Помощниками Градоначальника в то время были полковник Вл. Фр. Модль, впоследствии Марков, и Карл Кар. Заккит, первый по наружной части, второй по административной. Полковник Модль бывший гвардейский офицер, перешедший из строя в Корпус жандармов, при ближайшем знакомстве вызывал к себе чувства искреннего уважения своей удивительной прямоотой и честностью, столь не свойственной, к сожалению, жандармским офицерам. Однако далеко не все его любили, т.к. он, несмотря на свои качества, отталкивал многих своей резкостью и нетактичностью. Полной его противоположностью являлся Заккит, человек очень добродушный и мягкий, который всегда стремился отделаться от своей работы и проводить время более приятным образом.

Первые же дни моей службы в Градоначальстве были осложнены событиями, предшествовавшими объявлению войны и в частности убийством эрцгерцога Франца Фердинанда. Придя в этот день в Градоначальство я застал Адрианова и его близких в полном ликовании и был настолько этим изумлен, что даже высказал ему свое удивление, как истинные монархист могут радоваться террористическому акту по отношению

к коронованной особе. На это Адрианов мне ответил, что он не может не радоваться смерти одного из злейших врагов России и на дальнейшие мои возражения сказал, что он убежден, что все это окончится благополучно. Однако дальнейшие события показали, что над Европой собирается гроза, а вскоре и Адрианов получил веское подтверждение моих страхов.

12 Июля Градоначальником была получена шифрованная телеграмма от Министра Внутренних Дел, которой предупреждал о возможности мобилизации и предписывал принять меры к успешному ее осуществлению и в частности наметить помещения, где могут быть размещены призывающиеся. В этот же вечер у нас состоялось секретное заседание совместно с представителями Городской Управы, все распоряжения Министра были исполнены, но состояние духа было у меня подавленное и я ясно сознавал неизбежность и ужас войны. Последующее дни в Москве протекли спокойно. Разыгравшиеся в начале Июля во время пребывания президента французской Республики Пуанкаре в Петербурге беспорядки, видимо организованные агентами Германии чрез посредство наших социал-демократов и выразившиеся в том, что часть заводов забастовала и во время устроенных по этому поводу демонстраций были сделаны попытки оказать сопротивление полиции устройством баррикад, почти не нашли отклика у нас и все ограничилось несколькими арестами, произведенными Охранным Отделением. В ночь с 17 на 18 Июля, в 3 часа утра, я был вызван в Градоначальство, и мне была вручена для исполнения телеграмма трех Министров (военного, морского и Внутренних Дел) о производстве мобилизации. Все распоряжения были сделаны в течение этой же ночи и, возвращаясь утром домой, я уже встречал на улицах околоточных надзирателей, ходивших

по квартирам и вручавших призывные листки. Вся мобилизация прошла в Москве блестяще (призывные листки были вручены менее, чем в три дня) и приходилось только удивляться как полиция смогла так быстро выполнить свои обязанности. Нельзя сказать, чтобы среди запасных царило бы особое воодушевление, но также не приходилось замечать и недовольства или раздражения, шли они на призывные пункты спокойно и даже весело, со стороны подпольных левых организаций не было сделано ни малейшей попытки вызвать какие-либо беспорядки, и казалось, что все население сознает необходимость этой войны. Мой отец, председательствовавший в Московском Воинском Присутствии, рассказывал, что даже заведомо больные запасные отказывались идти на испытание в госпиталь и требовали, чтоб их прямо отправляли на фронт.

Со дня объявления войны приблизительно в течение двух недель по вечерам все центральные улицы столицы наполнялись толпами манифестантов, шедших с национальными флагами, распевавших народный гимн и направлявшихся обыкновенно к дому Градоначальника. Всякий раз Адрианов выходил на балкон, произносил им короткую речь, они кричали ура и выражали желание его качать, дважды посылалась по их просьбе от имени населения столицы верноподданнические телеграммы Государю, и большинству казалось, что манифестантами действительно руководит патриотическое чувство.

К моему большому сожалению я никак не мог разделять охватившего всех чувства патриотического подъема и воодушевления. Происходило ли это от недостатка во мне патриотических чувств или же меня смущало какое-то предчувствие, но я мрачно смотрел на эту войну, не понимая ее цели я со-

мневался в благополучном ее окончании. Особенно меня раздражали манифестанты. Среди них не было видно запасных, состояли они преимущественно из людей твердо уверенных, что им идти на фронт не придется, и мне казалось, что все их манифестации основаны главным образом на собственном русскому человеку желании на законном основании произвести уличный беспорядок и нарушить общественную тишину и спокойствие. В их действиях всегда сквозила наглость и хулиганство: то они сбивали шапку с зазевавшегося прохожего, то уносили чужие флаги и царские портреты и как-то чувствовалось, что при малейшем воздействии на них патриотическая манифестация превратится или в погром или же в противоправительственные беспорядки. Как сейчас помню мой разговор с Адриановым, выходявшим с балкона после одной речи к манифестантам растроганным и со слезами на глазах: «Вот, Всеволод Викторович, теперь можно сказать, что самодержавие в России упрочилось на долгое время», — сказал он мне. «А мне кажется, Ваше Превосходительство, — возразил я, — что эта же толпа также охотно может ходить и с красными флагами и кричать: долой Самодержавие». Адрианов настолько рассердился, что мне пришлось извиниться и объяснить свои слова ненавистью ко всякой толпе. Модль вполне разделял мои чувства в этом отношении, и мы часто с ним беседовали на эту тему.

Через несколько дней распространились слухи, что Государь со всей Семьей переезжают на жительство в Москву. Это вызвало много разговоров. Все власть предержавшие радовались этому, рассчитывая, что близость Августейшей Семьи повлечет за собою милости и награды, но вскоре выяснилось, что проект переезда в Москву отставили из боязни вызвать

панику в Петербурге, который мог объяснить этот переезд небезопасностью Северной столицы. Однако через несколько дней было получено известие, что в первых числах Августа Государь приедет на непродолжительное время в Москву и во время этого пребывания посетит все общественные и сословные организации, а также всевозможные учреждения, созданные ради войны.

Действительно, 5 Августа Государь прибыл в Москву. Утро было великолепное. Но к полдню погода стала портиться и казалось, что ко времени приезда поезда (2 часа дня) польет дождь. К счастью за несколько минут до Царского приезда показалось снова солнце, и уже до самого вечера погода была прекрасная. Странное дело, но во время Царских приездов в Москве почти всегда повторялась та же история. Стоило Царскому поезду подъехать к Москве, как все тучи рассеивались и показывалось солнце. Когда в этот день я с волнением смотрел на тучи, жена Адрианова успокаивала меня, говоря: «Вот увидите, приедет Государь, и тотчас же появится солнце». Все назначенные для встречи выехали на Александровский вокзал в Царские комнаты, а вся Тверская от вокзала и до Кремля была до такой степени запружена народом, что еще утром задолго до Высочайшего приезда пробраться на эти улицы было невозможно. Особенно много народу было на Воскресенской и Красной площадях. Это было какое-то море голов, ревевшее и неистовавшее во время проезда Царя. Тем, кому не приходилось встречать Царя в Москве, трудно понять то чувство, которое испытывали мы. Расставленные Церемониальной частью в Царских комнатах вокзала, мы не могли видеть картину прибытия поезда, т.к. на перрон выходило только несколько человек: Командующий войсками, Градоначальник

чальник и т.п. Но само ожидание появления Государя в нашем помещении было совершенно необычайно. За несколько минут до прихода Царского поезда, в момент въезда его в пределы Градоначальства начинался трезвон во всех Московских Церквах; этот звон, все увеличиваясь и разрастаясь, создавал приподнятое настроение, и слыша его всякий еще яснее чувствовал, что совершается что то исключительно важное, что через несколько минут появится Державный Хозяин России, то Лицо, которое воплощает в себе всю Россию. Царский поезд как-то особенно плавно подходил к перрону, затем в течение нескольких, казавшихся бесконечно долгими, минут на перроне слышались голоса, звуки команды, крики почетного караула, отвечавшего на приветствие Государя, и мерные шаги солдат, проходивших Церемониальным маршем, наконец, все стихало, еще одно томительное мгновение ожидания и в дверях нашего помещения показывался Государь. К сожалению, должен сказать, что при его появлении восторженное чувство, охватывавшее меня, не только не увеличивалось, но даже несколько уменьшалось. Пока Царь еще не был видим, но присутствие его где-то тут, поблизости, чувствовалось так сильно, мысль работала с особым напряжением, каждый сознавал величие того принципа, того символа, которые в Нем воплощались, и ждал, совершенно не отдавая себе отчета, чего-то необычайного. Но когда вслед за тем появлялся обыкновенный человек, небольшого роста, одетый как все, а пожалуй и проще, который, видимо, стеснялся и тяготился всей этой встречей, восторженное настроение слабело и превращалось в напряженное внимание и любопытство.

Все речи, приветствия, ответы Государя звучали как-то слишком просто, банально, но все это снова исчезало и тонуло

в восторге, охватывавшем всех в ту минуту, когда Государь, выходя из парадных комнат, показывался на крыльце. Рев толпы, неистовое ура, смешивавшееся с перезвоном колоколов, снова заставляло забыть о маленьком человеке, и снова рождался Великий Государь, Самодержец Всероссийский. Невольно вспоминается мне один эпизод проезда Государя. Я еще был студентом, мы сидели компанией у окна Городской Думы и ждали приезда Государя с Тверской. Опять народ, опять трезвон, и опять то же восторженное настроение у меня на душе. Рядом со мной у окна стояли кадет Бахрушин и секретарь Управы А.Я.Никитин, заведомый социал-демократ и впоследствии большевистский комиссар. Оба они, конечно, подсмеивались над толпой и над моим настроением. Подъехала Царская коляска, я весь превратился в внимание, кричал Ура и в то же время с удивлением слышал, что и сзади меня какие-то незнакомые голоса еще более отчаянно кричат Ура. Это были Бахрушин и Никитин. Когда после отъезда Государя я повернулся к ним и насмешливо спросил Никитина, что с ним, то увидел, что у него текут слезы и он страшно взволнован. «Ах, Всеволод Викторович, ведь в этом человеке я вижу всю Россию», — ответил он мне. Да, поразительное впечатление производит лицезрение Государя и, конечно, не его личность, а пробуждение того чувства монархизма, которое веками создавалось в душе каждого настоящего русского. Вспоминая Царя, невольно вспоминаешь, как удивительно странно он себя держал, как в этой мелочи, как и во всем его царствовании, сквозило полное его неумение быть Царем. Как сейчас вижу ревущую толпу с обнаженными головами, крики Ура все возрастают и приближаются как раскаты грома, трезвон, и вдруг появляется коляска Государя. Спокойное, несколько

утомленное, недовольное, а главное совершенно равнодушное лицо. Тяжелый, неприветливый взгляд. Крики и рев толпы ни на минуту не привлекают Его внимания. Он медленно оглядывает шпалеру солдат и кажется даже, что не замечает народа, который в эту минуту только и живет его лицезрением. Пробыл Государь в Москве дней 10. За это время он посетил очень много учреждений, мой отец часто бывал при Нем и все время находился под обаянием Личности Царя, который в этот приезд был особенно весел и приветлив. Несколько раз и мне пришлось Его видеть. Особенно мне запомнилось Его посещение Земского Союза. Случайно я оказался стоящим у стола, на котором кн. Львов (Главноуполномоченный Союза) разложил перед Государем карту России, на которой были отмечены учреждения Союза. Государь обратил внимание на то, что часть учреждений помечены красными кружками, а часть зелеными, и Львов объяснил, что красные — уже открытые, а зеленые — это те, которые будут открыты через год. Государь разглядел усы, улыбнулся и сказал, что они уже не потребуются, т.к. война окончится раньше этого.

Вспоминается мне и Высочайший выход в Кремлевском Дворце. Сумрачные шли министры, особенно бросались в глаза умирающий Кассо и дряхлый, с виду беспомощный Горемыкин. Поражало, что во главе Правительства в такую тяжелую минуту стоит старик, который вот-вот, тут же на глазах, умрет от дряхлости. Зато на этом сумрачном Фоне особенно рельефно выделялись два сияющих довольных лица — Сазонов и Сухомлинов. На лице Сазонова была написана такая радость и удовлетворение самим собой, что невольно закрадывалось удивление, как такое безмятежное спокойствие может царить в душе человека, который все же являлся одним из виновников

затяжной мировой войны. О роли Сухомлинова в объявлении войны тогда говорили мало, и он лишь пожинал лавры успешного проведения мобилизации. Однако теперь можно с уверенностью сказать, что вместе с Сазоновым Сухомлинов был одним из непосредственных виновников объявления войны. 17 Июля им был сделан доклад Государю о необходимости немедленного производства мобилизации, на что он получил Высочайшее Соизволение. Через несколько часов после этого, Государь, кажется, в связи с полученной телеграммой Императора Вильгельма миролюбивого свойства, послал Сухомлинову письменное распоряжение об отмене мобилизации. Последний эти распоряжения оставил без исполнения и лишь отдав все приказания о производстве мобилизации, донес Царю, что второе повеление он выполнить не мог, т.к. оно было получено им слишком поздно.

Во время Царского пребывания в Москву доставили первых раненых четырех солдат и поместили в Солдатенковскую больницу. Когда об этом было доложено Государю, Он тут же выразил желание посетить их, и на следующий день приехал в больницу со всей семьей. Наиболее толковым из солдат оказался один вахмистр, раненый во время разведки. На вопросы Государя он начал подробно рассказывать о начале военных действий и между прочим сказал: «Наш командир, когда мы перешли границу, приказал нам выжигать все деревни, пленных не брать и истреблять всех без различия и женщин и детей». Государь отшатнулся и переспросил, но вахмистр продолжал утверждать то же самое. Тогда Государь сильно смущенный сказал: «Да ты путаешь, вероятно они в вас стреляли». «Так точно, Ваше Величество, когда мы уходили, они в нас стреляли», — ответил солдат, и Государь еще более сконфу-

женный отошел от него. Однако, Он продолжал быть в великолепном настроении духа, и когда мой отец предложил ему посмотреть первые трамвайные санитарные вагоны, прибавив, что придется немного пройти пешком, Государь ответил с улыбкой: «Я пойду всюду, куда Вам угодно». Во время осмотра вагонов мой отец показал Государю на Ходыньское поле и сказал, что здесь предполагалось в 1916 году устроить всероссийскую выставку, прибавив, что теперь в виду войны трудно сказать, когда можно будет организовать эту выставку. Государь, выслушав отца, сказал: «Да, придется отложить на год», и, увидя изумленно вопросительный взгляд отца, добавил:

«Сколько же может продолжиться война? Ну месяц, ну два, ну три не больше». В ноябре этого же года отец, представляясь Государю, заговорил с ним снова о войне, поздравляя его с успехами на французском фронте. Государь ответил, что к сожалению сведения об этих успехах оказались неверны и добавил: «Во всяком случае война будете решаться не на Западе, а на Востоке».

Отъезд Государя, уезжавшего на этот раз уже без семьи на фронт, происходил с той же торжественностью. Я выбрал в Царских комнатах очень удобное место, откуда мог великолепно видеть всю картину Царского отъезда, как вдруг, за несколько минут до приезда Царя передо мной встал, заслонив всю комнату, громадный свитский генерал, как я узнал через несколько минут, кн. Юсупов. Я начал пытаться выбраться из-за его спины, но в это время прибыл Государь и мне оставалось только проклинать в душе рост и фигуру Юсупова. Однако моя неудача тотчас же превратилась в удачу, т.к. Государь, увидя Юсупова, быстро подошел к нему и стал спрашивать о его возвращении из Германии. Юсупов вместе с Вдовствующей

Императрицей был застигнут войной в Германии; в течение нескольких дней они были почти на положении арестованных, подвергались всяким поруганиям, вроде того что толпа на вокзале плевала в окна вагона Императрицы. Затем к ним приехал Император Вильгельм, который очень резко разговаривал с Государыней, и только после этих неприятностей их вагон прицепили к поезду и отвезли на границу Швеции. Все это рассказал Государю Юсупов; Царь дергался, нервно разглаживал усы, беспрестанно менял позу и, видимо, очень был возмущен всем этим, затем, приветливо улыбнувшись Юсупову, пожал ему руку, быстро пошел и вскоре скрылся в своем вагоне.

В связи с Царским пребыванием в Москве, Градоначальником была сделана попытка принять такие исключительные меры охраны Особы Государя, которые чуть было не отбили у меня охоту служить в Градоначальстве. Я говорю о начале борьбы с немецким засильем, которая продолжалась в течение всего существования Старого Строя, то уменьшаясь, то особенно ожесточаясь и привела к «немецкому» погрому в Москве и разорению и ожесточению одного из самых консервативных и порядочных элементов населения России. В двадцатых числах Июля Градоначальником была получена шифрованная телеграмма Министра о том, что подозрительные по шпионажу подданные воюющих с нами держав должны высылаться в Вятскую, Вологодскую, Олонецкую и Заволжскую часть Казанской губ. Эта телеграмма была принята к сведению, но в первые дни по ее получению никаких распоряжений по ней не делалось. 29 июля вечером, часов в 9, я занимался по обыкновению в своем служебном кабинете и через открытую дверь видал, что в кабинет Градоначальника прошел приехавший для

организации Царской охраны в Москве начальник дворцовой охраны полковник А.И.Спиридович. Я уже несколько раз его видел; он производил впечатление человека очень неглупого и хитрого, держал себя скромно, но связь его с убийством Столыпина и вообще его репутация невольно вызывала во мне глубочайшую к нему антипатию. Этот жандарм, своей легкой кошачьей походкой, прошел в кабинет Градоначальника, где просидел часа два. По уходе его я застал Адрианова в весьма возбужденном состоянии. Он нервно шагал по кабинету, и как только я вошел, плотно запер двери и сказал мне, что полковник Спиридович только что ему сообщил, что по имеющимся в его распоряжении сведениям проживающие в Москве немцы собираются во время Царского пребывания совершить покушение на Государя. Как всегда в таких случаях, Спиридович ничего конкретного не сказал, но Адрианов страшно встревожился и немедленно, кажется, также по совету Спиридовича, решил принять самые героические меры. Приказав мне взять бумагу, он начал диктовать циркуляр приставам, в котором последним предписывалось в трехдневный срок выслать всех подданных воюющих с нами держав без различия пола и возраста в губернии, указанные в названной выше телеграмме Министра, причем добавлялось, что эта мера принимается в целях охраны Особы Государя и небрежность в исполнении ее будет наказана самым суровым образом. Жестокость и несообразность этого распоряжения до такой степени меня поразили, что я, забыв свое подчиненное положение, бросил писать и начал горячо возражать Адрианову. Скачала он слушал меня внимательного, затем вспыхнули и приказал немедленно продолжать свою работу, после чего, немного помолчав, добавил, что наблюдения за правильностью исполнения этого распоря-

жения он возлагает на меня. Я угрюмо сказал: «Слушаюсь», но только на следующий день понял, что мне сулила эта честь. Часа через два этот циркуляр был отпечатан и разослан приставам, а я с тяжелым сердцем возвращался домой, чувствуя, что невольно принял участие в совершении какой-то большой гнусности. Надо добавить, что к тому времени все военнообязанные, т.е. находящиеся в возрасте от 18 до 45 лет, германцы и австрийцы были уже арестованы и в ближайшие дни должны были быть высланы. Таким образом, циркуляр касался исключительно стариков, женщин и детей.

Явившись на следующий день в Градоначальство в 9 час. утра, я был поражен представившейся моим глазам картиной. Вся приемная была туго набита какими-то людьми всех видов и возрастов, и я быстро догадался, что в это жертвы вчерашнего циркуляра и что все они пришли ко мне.

Трудно передать словами, что мне пришлось испытать и пережить в этот день. Мною было принято около 2.000 человек, разговоры и просьбы сопровождались обыкновенно слезами, а иногда истериками и припадками. Глядя на это море слез, я еще более убеждался в полной бессмысленности этого злосчастного циркуляра и несколько раз, поддерживаемый помощниками Градоначальника, пытался переубедить Адриана, но все было напрасно, и единственной уступкой, которой мы добились, было то, что он разрешил мне временно приостанавливать в случаях, заслуживающих особого уважения, высылку отдельных личностей, о чем немедленно ему докладывать. А случаи были действительно заслуживающие внимания. Часть немцев родилась в России и не говорила по-немецки, некоторые были чисто русскими по происхождению и только благодаря замужеству превращались в иностранных

подданных, многие настолько сжились с Россией, что и всем нам они казались русскими, а по бумагам оказывались немцами. Особенно мне врезались в память старик и старуха, германские подданные, у которых четыре сына, принявшие русское подданство и в качестве прапорщиков были уже на нашем фронте.

При это циркуляр не отличал коренных немцев от чехов, словаков, эльзасцев, итальянцев и т.д., и эти несчастные, преследуемые на родине за свое происхождение, должны были и в России страдать за подданство и таким образом всюду являлись козлами отпущения. Были, конечно, и комические случаи: среди подданных воюющих с нами держав попали конечно и венгерки, и благодаря этому перед моими глазами вскрывалось много семейных тайн. Особенно комично было одно весьма высокопоставленное лицо, которое совершенно серьезно и взволнованно доказывало мне, что выселение его венгерки губительно отразится на его здоровье, что вследствие этого его работоспособность упадет и в результате пострадают интересы государства. Конечно, такие серьезные основания были приняты во внимание, венгерку оставили в Москве, и она скоро, по моему совету, была выдана своим высоким покровителем замуж за одного бедного дворянина и стала русской подданной. Вспоминается также появление одного почтенного гласного Думы, дочь которого только что произвела на свет. Нанятая им за несколько дней до этого великолепная нянька оказалась германской подданной и подлежала высылке. Это произвело такое впечатление на молодую мать, что у нее пропало молоко и для восстановления ее здоровья доктора требовали оставления в Москве няньки. В этот злополучный день еще часов в 11 утра я был вызван телефонным звонком из

Петербурга и товарищ Министра Джунковский, тщетно искавший Адрианова, спросил меня, что у нас творится. Я ему доложил, он выругался и сказал, что вечером будет говорить с Градоначальником. Часов в 7 я, совершенно обессиленный, отправился обедать и, вернувшись около 8-ми, застал Адрианова очень смущенным и расстроенным. Оказалось, что ему звонил Джунковский, передавший приказание Министра немедленно приостановить высылку и ждать дальнейших распоряжений Министра. Чтобы не подрывать своего престижа перед подчиненными, Градоначальник тотчас же послал всем приставам телеграммы, в которых говорил, что ввиду необходимости проверки документов всех подданных воюющих с нами держав, выселение последних приостанавливается на 7 дней. Наши молодцы приставы сразу оценили это распоряжение и, как мне удалось, к сожалению только впоследствии, выяснить, не объявляя содержания телеграммы немцам, начали торговать днями отсрочки, причем брали за это очень большие суммы, объясняя немцам, что они, отсрочивая высылку, чуть ли не рискуют своей головой. Не могу здесь не остановиться вообще на Московской Полиции. Переходя на службу в Градоначальство, я, естественно, приносил с собой туда обычный обывательский взгляд на то, что вся полиция взяточники и очутившись через несколько дней по поводу проводов моего предшественника в обществе приставов, по большей части бравых полковников, чувствовал себя приблизительно среди подследственных арестантов. Будучи с одной стороны смущен таким чувством, а с другой вспоминая разговоры приставов о их высокой честности и святости их службы, я решил обратиться за разъяснением этого вопроса к Градонач-

чальнику. На мой вопрос Адрианов немного задумался, потом развел руками и сказал:

«Представьте себе, а ведь Ш. (один из приставов), кажется, действительно ничего не берет». Принимая во внимание, что кроме Ш. было еще 47 приставов, я понял, что по мнению Градоначальника, последние держатся иного взгляда на службу и уже впредь принял себе за правило держаться от них по-дальше.

Впоследствии, из разговоров с Адриановым, Климовичем и другими, а главным образом из личных наблюдений, я вывел заключение, что Полиция на вопрос мздоимства смотрит совершенно иначе, чем Уложение о наказании. Полицейские считали преступным вымогательство и вполне законными добровольные приношения. Видимо, и Правительство также смотрело на этот вопрос, т.к. платя Полиции ничтожные оклады, оно само наталкивало их на взяточничество, и полицейскому надо было быть героем, чтобы, получая грошовое содержание и имея в то же время возможность легко и безнаказанно получать большие деньги с обывателей, не поддаваться соблазну. Градоначальник, назначая приставов, невольно считался с доходностью участка. Одни участки, населенные интеллигенцией и имеющие мало торговых заведений, как например Пречистенские участки, считались менее выгодными. 2-ой Сушевский участок приманивал чинов Полиции находением в его составе ресторана «Яр», приносящего большие доходы, но Обетованной Землей для всех был Городской участок, который по слухам одними праздничными приношениями давал приставу около 200 тысяч рублей дохода в год.

Мы все знали о платимых Полиции взятках. Я сам, живя в доме моего тестя графа В.С.Татищева на Пятницкой улице знал, что местной Полиции уплачивалось по 350 рублей в год за то, что помещения для дворников были выстроены с нарушением Строительного Устава и подлежат перестройке.

Но, как ни странно это сказать, мне представляется, что главными недостатками Московской Полиции (а она считалась чуть ли не лучшей в России) были не взяточничество, а грубость и тупость, т.к. эти недостатки отзывались на обывателей еще тяжелее, чем мздоимство.

Относительно грубости Полиции распространяться не стоит т.к. это всем без того известно. Достаточно сказать, что нередко оскорблениям со стороны полицейских подвергались даже сами чины Градоначальства, а раз даже я и один мой родственник, непрременный член особого по городским делам Присутствия Н.Е.Хвостов, не смотря на то, что назвали свои фамилии и служебное положение, были жестоко изруганы одним помощником пристава, а поводом к этому послужило то, что я, заметив некорректность в его действиях, назвавшись сам, просил его назвать свою фамилию. Даже отправляясь после этого случая под арест, этот лихой подпоручик, явившись ко мне извиняться, в то же время откровенно заявил, что не понимает в чем его проступок. Случай со мной ясно показывает, как реагировала Полиция на всякую попытку подать на нее жалобу ее начальству. Стоило какому-нибудь обывателю записать номер городского, как последний тотчас же тащил его в участок, где составлялся протокол об оскорблении чинов Полиции. Мой отец, будучи Городским Головой, не избег общей участи и однажды, записав номер городского, который

слишком уж равнодушно взирал на нарушение чужой собственности, был последним отведен немедленно в участок.

За три года службы в Градоначальстве я ясно убедился, к чему приводит попытка законным путем пожаловаться даже на низшего чина Полиции и поэтому всегда советовал своим знакомым совершенно не проявлять желания жаловаться, осторожно установить личность полицейского и затем сообщать непосредственно мне, т.к. только таким путем они могут избежать полицейских воздействий.

Наблюдая в первые дни моей службы блестящую работу Полиции по производству мобилизации, я невольно пришел к заключению, что сам полицейский аппарат отлично налажен и, не смотря на свои отрицательные стороны, превосходно исполняет возложенные на него государственные обязанности. К сожалению, в самом скором времени мне и в этом отношении пришлось разочароваться, и причиной к этому послужил тот второй недостаток Московской Полиции, о котором я говорил выше, а именно ее тупость.

В тех случаях, когда дело шло об исполнении обыкновенного, в течение многих лет входящего в обязанности Полиции, дела, оно выполнялось быстро, аккуратно и надлежащим образом. Не так обстояло с новыми, выдвинутыми войной, обязанностями Полиции. Отдавая какое-нибудь письменное распоряжение, приходилось обдумывать каждое слово и разжевывать, как будто это распоряжение отдавалось не взрослому человеку, имеющему большой служебный опыт, а гимназисту 1-го класса. Один случай тупости приставов особенно врезался мне в память. Арест всех военнообязанных подданных воюющих с нами держав был произведен путем обязательного постановления, в котором говорилось, что «все такие ино-

странцы в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением чехов, славян, итальянцев и уроженцев Эльзас-Лотарингских провинций, получивших соответствующие удостоверения от Французского консула, подлежат явке в Крутицкие казармы для их интернирования», а Полиции предписывалось наблюдать за точным исполнением этого постановления. Через несколько часов ко мне стали телефонировать представители Чешского, Итальянского, Польского и т. под. Комитетов, сообщая, что почти все их, находящиеся в Германском и Австрийском подданстве, соотечественники, не смотря на обязательное постановление, арестовываются и отправляются в Крутицкие казармы. Совершенно пораженный, я начал звонить приставам и спрашивать причину этого явления и всюду получать один и тот же ответ, что чехи, поляки и т.п. не могли представить удостоверения происхождения от Французского Консула. Видя, что эта нелепость совершается по всей Москве (только 12 приставов правильно поняли Обязательное Постановление), я доложил Адрианову, и он вызвал всех приставов немедленно в Градоначальство, довольно резко объяснил им смысл Обязательного Постановления, добавив, что только идиоты могут думать, что Французский Консул удостоверяет чешское происхождение. Оставшись одни, пристава долго ворчали на неясность редакции Постановления и на происшедшие от этого неприятности.

Надо признать, что Полиция менее других была виновна в своих недостатках. Как я выше уже говорил, недостаточность их содержания наталкивала их на взяточничество, а отрицательное отношение к ней общества лишало возможности комплектовать ее из подходящих лиц. Адрианов и Модль в течение 7 лет всячески старались привлечь в ее ряды лиц с

высшим образованием, но как ни странно, последние оказывались еще хуже старых полицейских, т.к. шли в Полицию не для поднятия ее престижа, а с целью воспользоваться официальными сторонами этой службы.

Надо признать, что взяточничество очевидно является одной из основных черт русского человека, т.к. когда после революции взамен Полиции была учреждена Милиция, причем жалование последней было увеличено приблизительно в 4 раза по сравнению с окладами Полиции и на должности Участковых Комиссаров были назначены почти исключительно присяжные поверенные, взяточничество не только не прекратилось, но возросло пропорционально новым окладам, т.к. милиционеры уже брезговали рублями и трешками, а требовали четвертные, а высшие чины вымогали тысячи.

На следующий день после приостановления выселения немецких подданных, Градоначальником была получена телеграмма Джунковского, подписанная им «За Министра Внутренних Дел», в которой сообщалось, что все подданные воюющих с нами держав, подавшие прошение о принятии их в русское подданстве высылке не подлежат и что это распоряжение должно быть сообщено всем заинтересованным в этом иностранцам. На улицах Москвы было развешано соответственное объявление и с этого дня в Градоначальство тысячами посыпались прошения немцев о принятии их в русское подданство. Благодаря этому предполагавшееся выселение было отменено и лишь немногие немцы, отказавшиеся в тяжелую минуту изменить своей родине, были высланы из Москвы. В конце июля отношение к немецкому вопросу в Министерстве несколько выяснилось. Министр Маклаков все дела, касающиеся немцев, передал в ведение своего Товарища

— Джунковского, и все дальнейшие распоряжения шли исключительно за подписью последнего.

Нельзя сказать, что такое разрешение вопроса привело к какой-нибудь планомерности. В течение последующего года на нас, как из ведра, сыпались распоряжения Министерства, одно отменяющее другое, общие распоряжения о выселении сопровождались сепаратными телеграфными распоряжениями того же Джунковского об изъятии из общего правила для отдельных лиц, преимущественно его знакомыми т.д. и т.д. Через несколько дней после телеграммы о прекращении высылки лиц, подавших прошение о принятии их в русское подданство, я просил Градоначальника освободить меня от немецких дел, они не давали мне возможности заниматься моими прямыми обязанностями и все производство по этим делам было передано мною помощнику Градоначальника Заккиту, который, против обыкновения, ревностно взялся за это дело. Ввиду массовой подачи прошений о подданстве арестованными военнообязанными, Заккит в течение нескольких дней освободил более 400 человек, причем помимо общего распоряжения Министерства, он руководствовался письменными поручительствами за благонадежность этих немцев со стороны видных Московских жителей. Однако, несмотря на это, уже через несколько дней после передачи этих дел Заккиту, по Москве начали циркулировать слухи, что Заккит, будучи сам немцем, всячески старается помочь своим соотечественника, что более заботится о немецких интересах, чем о русских и т.д. В конце концов Адрианов обратил внимание на эти слухи и взяв дела от Заккита, передал их штаб-офицеру для поручений при Градоначальнике полковнику Григорову, который уже

и заведовал этими делами приблизительно до августа 1915 года.

Для бедного Заккита эта история была только началом его несчастий. Слухи о его немецких симпатиях, с которыми он не только не боролся, но даже прямо возбуждал, продолжали все увеличиваться. В апреле 1915 года Маклаков прямо заявил Адрианову, что ему надоело ежедневно читать анонимные доносы о шпионстве Заккита, а вскоре после того, в мае того же года, новый Главноначальствующий над Москвою кн. Юсупов, устранил его от должности.

Между тем, если правильно вникнуть в этот вопрос, Заккит был совершенно не виноват. Происходя из зажиточной латышской семьи, Заккит с самой ранней молодости, подобно всей латышской интеллигенции, ориентирующейся на Германию, стремится заставить всех забыть о своем происхождении и внушить, что он немец. Находясь в Юрьевском университете, он поступил в студенческую корпорацию, женился на остзейской немке, заводил знакомства исключительно с немцами и т.д. Вековое предпочтение, оказываемое Правительством лицам немецкого происхождения, еще более увеличило у Заккита, при поступлении его на Государственную службу, желание доказать, что он немец, и к его большому несчастью, при назначении в Москву, он уже значительно преуспел в своих желаниях, и Московская немецкая колония встретила его, как своего. Легко себе представить, как трудно было ему с первых же дней войны порвать со всеми своими знакомыми, большинство которых было в то же время русскими подданными и это и повело к его гибели, т.к. при возрастании ненависти к немцам его имя (Карл Карлович), немецкий акцент,

знакомства, столь неподходящие к его служебному положению, все более и более раздражали население.

Для Московских немцев передача немецких дел в руки Григорова была большим ударом. Тупой и жестокий человек, Григоров находил особое удовольствие в глумлении над немцами и в причинении им излишних страданий. Неясность распоряжений и желаний Министерства и плохо направленный патриотизм Адрианова, считавшего, что ему, как свитскому генералу, неприлична мягкость по отношению к подданным враждебных государств, давали в руки Григорова страшное оружие. Вскоре после принятия им немецких дел, Министерство, испуганное громадным количеством прошений о подданстве, признало необходимым, хотя бы отчасти свалить со своих плеч эту работу и уведомило всех Губернаторов и Градоначальства, что в русское подданство будут приниматься только те иностранные подданные, которые или по своему происхождению не являются настоящими немцами (славяне, эльзасцы и т.п.) или же родились в России и потеряли всякую связь с Германией. Прошения же остальных было приказано отклонять, не направлять в Министерство и в отношении их местным властям была предоставлена полная свобода действий. Таким образом высылка из Москвы снова возобновилась, а благодаря энергии Григорова приняла грандиозные размеры. Не имея в своих жилах ни одной капли немецкой крови, а также никаких особых оснований любить немцев, я тем не менее, вследствие жестокости Григорова, вынужден был взять на себя неблагодарную роль, т.к. всякий порядочный человек не мог не возмущаться его поведением. Односторонне изобретательный ум Григорова ежедневно придумывал для немцев новые козни. Назначив свои приемные часы от 10 до 2-

х дня, он иногда раньше 2 часов приема не начинал, заставлял женщин и детей отсиживать, а иногда и выстаивать по четыре часа в приемной градоначальства. Разговаривал с ними он грубо, все время повышая голос. Когда Градоначальник приказывал освободить кого-либо или разрешал жительство в Москве, Григорьев умышленно задерживал объявление распоряжения и наслаждался муками своих жертв. Особенно меня возмутили два его поступка. Выселялась из Москвы партия военнообязанных немцев. В назначенный час они были приведены на вокзал и все их родственники, естественно, пришли с ними проститься. Тогда Григорьев приказал городским оцепить всю толпу родственников и выгнать их с вокзала, заявив, что они имели возможность во время последнего свидания в тюрьме попрощаться с высылаемыми, что было несколько дней тому назад. Второй случай был более сложный. Как я уже говорил, Заккит в свое время освободил более 400 человек из тюрьмы, причем все эти лица были освобождены после тщательной проверки их документов. 47 человек были освобождены по личным распоряжениям Джунковского, а некоторые были уже приняты к тому времени в русское подданство (декабрь 14-го). В один прекрасный день Григорьев при мне обратился к Градоначальнику с просьбой разрешить ему проверить правильность освобождений, сделанных Заккитом, и Градоначальник конечно согласился. Придя на следующий день в Градоначальство, я был окружен плачущей толпой немцев, которые сообщали мне, что той ночью их близкие, давно освобожденные и признанные лояльными, были арестованы полицией и посажены в тюрьму. В первую минуту я ничего не понял и отправился за разъяснением к Григорьеву, который с хохотом объяснил мне, что для удобства разрешен-

ной ему Градоначальником проверки, он нашел самым лучшим посадить всех проверяемых в тюрьму, т.к. сидя под арестом немцы гораздо быстрее и охотнее представят все документы, удостоверяющие их личности и гарантирующие их благонадежность. Глубоко возмущенный, я отправился к Адрианову, и последний, также возмущившись и при этом также сообразив, что вряд ли Джунковский будет доволен таким оборотом дела, приказал Григорову немедленно всех освободить, что последний сделал с большой неохотой. Перечислить все распоряжения Министерства Внутренних Дел по немецкому вопросу трудно, да и едва ли это представляет интерес. В отношении к этой категории дел Министерство проявляло ту же непоследовательность и равнодушие, как и по отношению к остальным делам. Из заслуживающих внимание можно назвать еще одну меру по отношению к немцам, которая более отчетливо, чем другие, подчеркнули свою несообразность.

В апреле 1915 года Градоначальником была получена телеграмма Министерства Внутренних Дел, сообщавшая, что по полученным сведениям агенты воюющих с нами держав предполагают произвести покушение на заводы, работающие на оборону. Градоначальник был взволнован этим сообщением, которое являлось в действительности чисто голословным и опиралось лишь на взрыв на Охтинском заводе. Было немедленно собрано совещание из представителей этих заводов, Полиции, Жандармерии, фабричной инспекции и т.п. Причем, среди других мер охраны было признано необходимым выселить подданных воюющих с нами держав, которых в данный момент в Москве было очень мало и которые были оставлены ввиду выяснившейся их благонадежности, из заводских райо-

нов, причем последними были признаны окружающие заводы местности, ограниченные трехверстным радиусом. При применении этого распоряжения с первого же дня, наткнулись на неожиданное препятствие, т.к. благодаря разбросанности по Москве заводов, работающих на оборону и большого их количества, вся Москва целиком вошла в состав заводских районов. Пришлось изменить это распоряжение, сделав радиус двухверстным, но и тогда при выполнении приказа получались несообразности, т.к. это разделение было совершенно искусственным. В одном и том же переулке два соседних дома оказывались один в запрещенном районе, а другой нет, а т.к. весь этот приказ держался в строжайшей тайне, то никто из выселяемых не понимал, почему он подвергается наказанию, а в населении это вызывало самые разнообразные и тревожные слухи.

Касаясь мероприятий Правительства, направленных против немцев, нельзя оставить в стороне Товарища Министра Внутренних Дел, Свиты Его Величества Генерала-Майора В.Гр.Джунковского, на которого, как я выше говорил, было возложено руководство этими делами. В течение первого года войны на Джунковского со всех сторон сыпались обвинения в германофильстве. Будущий Министр Внутренних Дел А.Н.Хвостов в Государственной Думе выступил с громовой речью, обвиняя Правительство в попустительстве к немцам («нас продали и предали»), и хотя не называл Джунковского по фамилии, но вся Россия и сам Джунковский ясно поняли, что обвинения Хвостова направлялись в него. Я совершенно затрудняюсь сказать, была ли политика Джунковского по отношению к немосковским немцам германофильской, но по отношению к Москве она безусловно была таковой. Первое время

даже я, знавший Джунковского, как честного и преданного Государю человека, порой становился в тупик и не знал, как объяснить его поведение. Но теперь, здраво обсудив и взвесив все, я безусловно могу сказать, что ничего преступного в его действиях не было. Проведя большую часть своей жизни в Москве, сначала в качестве адъютанта Вел. Кн. Сергея Александровича, затем на должностях Московского вице-губернатора и затем Губернатора, Джунковский тесно сжился с Москвой и имел громадное знакомство. Когда началась высылка немцев, последние, зная, что во главе стоит Джунковский, лично им хорошо известный, как добрый и отзывчивый человек, спешили обратиться к нему или непосредственно или же через его друзей за помощью, а Джунковский, всегда стремившийся приобрести популярность и не видевший в нескольких, живущих в Москве, немцах какой-либо опасности для интересов Государства, охотно разрешал им свободное жительство в Москве.

Со своей стороны Адрианов очень обижался на Джунковского за его вмешательство в его распоряжения как Главного начальствующего и всячески старался на законном основании их отменить и доказать Джунковскому неправильность его распоряжений. «Паны дерутся, а у хлопцев губы болят». Справедливость этой поговорки испытал на себе один австрийский подданный биржевой маклер барон Букович. Арестованный и предназначенный к высылке, как военнообязанный, Букович был освобожден и оставлен в Москве по распоряжению Джунковского. Вскоре после этого выяснилось, что Букович не простой военнообязанный, а лейтенант запаса австрийской армии и Адрианов немедленно арестовал его и выслал из Москвы, о чем уведомил Джунковского. Последний, приняв во

внимание, что Букович славянского происхождения, приказал вернуть его в Москву. Через несколько дней военная контрразведка обнаружила в Москве немецкую организацию, имевшую целью учреждение тайных сношений между Германией и проживающих в России немцами, минуя военную цензуру, и в числе прочих на Буковича легло подозрение в участии в этой организации.

По распоряжению Адрианова он был немедленно арестован и выслан из Москвы, а весь материал по его делу был представлен на рассмотрение Джунковскому.

Последний, не найдя никаких серьезных улик против него, вернул его в Москву, откуда он снова вскоре был выслан по распоряжению кн. Юсупова, которому Адрианов доложил все это дело. Между прочим этот злополучный Букович фигурировал и в речи Хвостова в качестве оставленного в Москве Джунковским «венгерского подпоручика». Не менее забавная история была с семьей Марк. Эта семья, нелюбимая в Москве за свои ярко выраженные симпатии к Германии, была намечена Адриановым к высылке. Дня через два после этого Градоначальником была получена телеграмма Джунковского, в которой он сообщал, что семья Марк, пользующаяся «большим уважением Московского купечества», будет в ближайшие дни принята в русское подданство и поэтому ее надлежит оставить в Москве. Еще через два дня Адриановым снова была получена телеграмма, на этот раз уже за подписью Маклакова, в которой грозно требовались объяснения, на каком основании «ненавидимая всем Московским купечеством и презирающая все русское семья Марк» оставлена в Москве. Вообще надо сказать, что Маклаков, хоть и избегал вмешиваться в немецкие дела, но изредка позволял себе выступления, подобные этому, и всегда

старался подчеркнуть, в противовес Джунковскому, свое явное германофобство.

Являясь в течение первого же года войны одним из самых острых выдвинутых ею вопросов, германский вопрос, невольно приковывал к себе общее внимание, а все остальное в Градоначальстве шло как бы по инерции. В течение некоторого времени много разговоров вызвало ходатайство Городской Думы о полном воспрещении торговли вином, но вслед за удовлетворением этого ходатайства, все разговоры по этому поводу быстро стихли, и только жители Москвы, платя в ресторанах колоссальнейшие суммы за подаваемое им тайно вино, ругательски ругали Городскую Думу и Правительство. Полиция же, кладя в карманы во много раз увечившиеся добровольные приношения трактирщиков, в конце концов совершенно не препятствовала этой торговле. Однако, само ходатайство Гор. Думы о воспрещении торговли вином заслуживает интереса, т.к. оно уже в начале войны несколько характеризовало настроение прогрессивных кругов. В день объявления мобилизации Высочайшим Повелением была прекращена казенная продажа водки и вскоре после этого было объявлено, что это сделано на вечные времена. Кадетская партия, узнав о столь серьезной, проведенной непосредственно самим Правительством, реформе, сильно взволновалась, т.к. у нее явилось опасение, что сочувствие, с которым широкие круги населения встретили эту реформу, повлечет за собой увеличение популярности Правительства и тем самым уменьшение значения кадетов. Поэтому лидеры партии придумали весьма остроумный выход из этого положения путем возбуждения ходатайства об общем запрещении всякого вина, совершенно правильно рассчитав, что если Правительство исполнит это неле-

пейшее ходатайство, то вся ответственность за проведение его в жизнь ляжет на него, если же откажет, то у кадетов явится возможность обвинения Правительства в лицемерии, говоря, что оно, воспрещая продажу водки, в то же время продолжает спаивать народ другими винами из желания увеличить доход с акциза. Действительно, когда Правительство пошло на кадетскую провокацию и сделало общее воспрещение продажи вина, на него со всех сторон посыпались обвинения, во-первых, что мера эта, как противоречащая человеческой природе, неразумна и благодаря этому проведена в жизнь быть не может, а во-вторых, что Правительство, воспретив открытую продажу вина, в то же время не принимает никаких мер для прекращения тайной продажи и даже поощряет ее.

История с воспрещением торговли вином вообще очень характеризует отношение кадетской партии к Правительству в первые месяцы войны.

Вспоминая первые недели после объявления войны, приходится признать, что в конце концов наше Правительство сделалось благодаря охватившему массы воодушевлению, значительно более популярным, чем раньше и легко можно себе представить, какую тревогу должно было это возбудить в сердцах кадетов, которые все свое будущее благополучие строили на падении престижа Правительства. Они хорошо понимали, что раз даже социалистические партии не нашли возможным выступить против войны, и, напротив, неоднократно на тайных собраниях выражали мысль, что в такое время всякая противоправительственная агитация должна временно прекратиться, т.к. не встретит сочувствия в народе, то им и подавно приходится помириться с этим и чтобы не раздражать общество, открыто оказывать поддержку Прави-

тельству. Однако, привыкшая еще с Японской войны радоваться всем неудачам Российской Империи партия русской «интеллигенции», конечно не могла примириться с такой ролью, которая противоречила всем ее традициям. Ее лидеры, хорошо помнившие Выборгское возвание, поездки и лекции за границей, призывавшие к отказу русскому Правительству в займах и доверии, с первых же дней ясно наметили себе программу действий и твердо решили, открыто не противодействуя Правительству, в то же время искать случая подрывать его престиж и ставить его в тяжелое положение.

Справедливость моих взглядов подтверждается словами Петербургского Городского Головы графа И.И.Толстого, рассказывавшего в августе 1914 года моему отцу следующее: «Через несколько дней после объявления войны, в конце июля, в квартире графа состоялось совещание левых фракций Гос. Думы начиная с кадетов. На этом совещании был поднят вопрос, не надлежит ли левым партиям использовать созданное войной трудное положение Правительства для производства государственного переворота. После долгих обсуждений было решено, что революция в настоящее время невозможна, т.к. патриотический подъем, охвативший население, сметет левые партии, но что пока надо готовиться к революции, стараясь занять все видные места членами левых партий. Это последнее решение, как будет видно ниже, было с успехом осуществлено в Москве, но и в остальной России в течение 1-го года войны левыми партиями, в частности кадетами, удалось захватить в свои руки почти все крупные должности по Земскому и Городскому управлению. К сожалению, скоро, вследствие неподготовленности Правительства к войне, как и начавшихся неудач, в руки левых попали могущественные

средства к достижению намеченной цели и в этом направлении были широко использованы Государственная Дума, созданные в связи с войной объединенные организации в лице Земского и Городского Союза и Военно-Промышленных комитетов и органы самоуправления из коих в особенности Московская Городская Дума, приковывавшая к себе, благодаря своему нахождению в центре России, внимание всего Государства.

Как известно, в январе 1913 года истек срок полномочий прежних гласных и Городского Головы Н.И.Гучкова и новые выборы создали в Думе большинство кадетской партии. Душой и главным руководителем Думской фракции этой «почтенной» партии являлся Н.И.Астров, бывший мировой судья, директор Городского Кредитного Общества, человек очень не глупый, лукавый, подлый и лживый, искусный интриган, знавший сравнительно хорошо городское хозяйство, но совершенно неспособный к планомерной созидательной работе. Для него, также как и для его партии, городское хозяйство стояло на втором плане, а главной целью было использование Городской Думы в политических целях. Для характеристики Астрова, между прочим, может послужить следующий факт, свидетельствующий о твердости его убеждений и желании пострадать за проповедываемые им идеи. В 1913 году Министр Внутренних Дел Маклаков был крайне раздражен противоправительственными выступлениями Астрова и просил одного из деятелей Московского Городского Управления передать ему, что, если он немедленно этого не прекратит, то будет выслан в административном порядке в места не столь отдаленные. Узнав об этом, Астров наложил на свои уста печать молчания, более полугода совершенно не выступал в Думе и снова обнаглел

лишь увидав, что Правительство само боится кадетов и никаких решительных мер не принимает.

В первых числах января 1913 г. состоялись выборы нового Городского Головы, и были выбраны одновременно кн. Г.Е.Львов и Н.И.Гучков, из коих первый получил на 5 голосов больше второго. Я присутствовал на этом заседании, находясь в публике, состоявшей преимущественно из представителей партии Народной Свободы, видел, какой восторг их всех охватил и как в нем сказывалось их стремление захватить как можно больше видных мест в России членами их партии, совершенно не считаясь с тем, полезно ли это для дела или нет. Я с особым злорадством старался разрушить их уверенность в том, что Львов будет утвержден, указывая на то, что в Городовом Положении говорится, что Московский Городской Голова назначается Высочайшей властью и что для сего Городской Думе представляется право избрать 2-х кандидатов и что таким образом Гучков с тем же успехом может быть по точному смыслу закона назначен Городским Головой, как и Львов. Уже само избрание Львова Городским Головой ясно показывало, с какой целью это сделано. Прослуживший довольно долго в Тульском земстве, Львов для Москвы являлся совершенно новым, неизвестным человеком, только за несколько недель до этого был избран в гласные, да еще по фиктивному цензу (по доверенности Московской Сельскохозяйственной Школы, с которой он не имел ничего общего) и абсолютно не знал городского хозяйства. Совершенно не являясь поклонником Гучкова, я в то же время не могу не сказать, что при всех недостатках Гучкова, он был коренным москвичом, великолепно знал городское хозяйство, в течение 20 лет был гласным Думы и уже 8 лет занимал должность Головы.

Политический характер избрания Львова был отмечен на банкете, устроенном кадетами в тот же вечер в ресторане «Прага», о котором Москва узнала на следующий день из «Русских Ведомостей». В этом духе было произнесено несколько речей, сам Львов выступил с программной речью, в которой мало говорил о городском хозяйстве и много о политике и в заключение приветствовал Н.И.Астрова, как будущего руководителя деятельностью Городской Думы, обещав во всех своих действиях следовать его указаниям.

Министерство Внутренних Дел к избранию Львова отнеслось, естественно, как к неприличной политической демонстрации, которая была еще более подчеркнута его речью и было уже решено назначить городским головой Гучкова, если бы этому внезапно не помешал злой гений их семьи, стяжавший себе впоследствии такую известность, А.И.Гучков. Последний, в это время уже сильно заигрывавший с кадетской партией и мечтавший о заговорах и революциях, примчался в Москву и с ожесточением стал доказывать брату, что он не имеет право идти в Городские Головы, т.к. Львов получил больше, чем он голосов, что таким поступком он навсегда погубит свою репутацию общественного деятеля и т.д. И таким образом Н.И.Гучков, совершенно бесхарактерный и благоговевший перед своим «братом Александром», послал Министру Внутренних Дел заявление о своем отказе. Министерство Внутренних Дел отказом Гучкова было поставлено в тупик, но не желая открыто отказать в назначении Львову, решило воспользоваться вышеуказанным мною законом и ввиду отказа Гучкова предложило Думе, согласно требованиям закона, избрать взамен его второго кандидата. Новый избранник Думы еще более подчеркнул стремления кадетской пар-

тии. Таковым оказался Директор Высших Женских Курсов профессор С.А.Чаплыгин, левый кадет, человек совершенно посторонний и неизвестный Москве. Министерство опять несколько поколебалось, но затем уведомило, что оба кандидата представлены к назначению не будут и что Думе предлагается избрать новое лицо. Последним явился Л.Л.Катуар, который по сравнению с прежними кандидатами имел то преимущество, что был Московским купцом, хотя и франко-еврейского происхождения, в течение продолжительного времени был гласным Городской Думы, председательствуя в двух важнейших Думских комиссиях и, наконец, по своим убеждениям в противоположность Чаплыгину принадлежал к правому крылу своей партии. Но у Катуара это «но» было весьма серьезно, он был человеком слабохарактерным, нерешительным и поддающимся чужому влиянию, и вся Москва сознавала, что в то время как официальным Городским Головой будет Катуар, неофициальным и главным будет Астров. Эти соображения были известны так же и Министерству, почему и Катуару также было отказано в утверждении и у Правительства впервые возник вопрос, не представляется ли необходимым дать Москве Городского Голову не выбранного, а назначенного. Однако этот вопрос также не был решен окончательно.

В течение целого года Министр Маклаков искал подходящего кандидата и предлагал эту должность Городского Головы Гучкову, моему отцу, гласному Патрикееву, рекомендованному Губернским Предводителем Дворянства А.Д.Самариным, Богородскому уездному Предводителю Дворянства Н.Н.Кисель-Загорянскому и, наконец, даже члену Государственного Совета, впоследствии злополучному Председателю Совета Мини-

стров, Б.В.Штюмеру, но все это не увенчалось успехом. Большинство отказалось, боясь тяжелых отношений с Городской Думой и травли газет, а мой отец совершенно справедливо указал Маклакову, что он, исправляя вакантную должность Городского Головы, может быть также полезен Правительству, как и будучи назначен Городским Головой и что для упрочения почвы под его ногами, ему необходимо, чтобы все его начинания в городском хозяйстве поддерживались бы Правительством, что и было ему обещано. Однако положение его было очень тяжелым, т.к. не имея авторитета Городского Головы, он все время подвергался травле со стороны левых, которые видели в нем человека правительственно настроенного и все еще не могли переварить чувства обиды на неутверждение их кандидатов. Начавшаяся война еще более осложнила положение моего отца. С первых же дней Городскому Управлению пришлось высказаться по поводу войны. Была послана верно-подданическая телеграмма Государю, а вскоре после этого еще вторая, в которой Дума благодарила Царя за окончательное воспрещение торговли водкой. На обе телеграммы были получены милостивые ответы. В течение первых дней войны постороннему наблюдателю могло казаться, что в деятельности Московской Думы произошла полная перемена: все партийные розни были забыты, все объединились в общей работе на пользу войны, были образованы специальные комиссии, как по организации госпиталей, так и вообще для оказания помощи Правительству и казалось, что все одинаково охвачены общим патриотическим подъемом. И вот в конце июля Градоначальником, совершенно неожиданно, была получена телеграмма от Министра, в которой последний уведомил его, что по Высочайшему Повелению Московской Думе вновь

предоставляется право избрать Городского Голову. Эта телеграмма была одинаково неожиданна и для гласных. По получении о сем сообщения гласные собрались сначала на фракционные совещания, а вслед за тем и на общие и постановили, что в настоящее время производить выборы Головы несвоевременно т.к. снова могут обострить партийную рознь, тем более, что и правые и левые были довольны деятельностью моего отца. При этом левые совершенно справедливо учли, что предоставление Думе право избрать Городского Голову будет висеть над головою моего отца, как Дамоклов меч, т.к. всем было ясно, что в случае производства выборов избран снова будет кандидат кадетов и что на этот раз Правительство из боязни омрачить общее патриотическое настроение, не решится отказать в его утверждении. Таким образом право избрания Городского Головы в руках левых явилось великолепным орудием шантажа по отношению к моему отцу и они были убеждены, что при этом условии исполнение обязанности Городского Головы явится беспрекословным исполнителем их воли. Мой отец отлично это понял и при первом же свидании спросил Маклакова, почему Министерство сделало такую ошибку и без всякого давления со стороны кадетов поставило себя в такое неприятное положение. Маклаков был очень изумлен и смущен и сообщил, что Высочайшее Повеление последовало по его докладу, но что он сам был введен в заблуждение, если не ошибаюсь А.В.Кривошеиным, сообщившим ему, что им получено из Москвы сведение, что при теперешнем настроении Думы об избрании противоправительственного кандидата не может быть и речи, а что выбран будет или мой отец, или же Гучков. На это мой отец возразил, что об избрании Гучкова не может быть и речи, что сам он также мало

имеет шансов и что кадеты, конечно, не откажутся от мысли посадить Московским Городским Головой своего человека. При этом мой отец добавил, что вместо того, чтобы слушать Кривошеина было бы проще запросить его или Гучкова. Маклаков проклинал свою неосторожность, но было уже поздно. В самые ближайшие дни после этого со стороны кадетов была сделана попытка оказать давление на моего отца, попытка, впрочем, неудавшаяся, но уже вызвавшая известное раздражение против него со стороны кадетов.

Как я уже говорил выше, 5 августа 1916 года в Москву приехал Государь, а по установленному Церемониалу Городской Голова встречает Государя на вокзале с хлебом-солью и произносит приветственную речь. Уже за несколько дней до Царского приезда мой отец занялся составлением этой речи, как вдруг к нему явились Н.И.Астров с А.Д.Алферовым и сообщили, что ввиду важности переживаемого момента они со своими единомышленниками составили для него речь. Отец прочел ее и сразу усмотрел, что в основу всей речи было положено указание Государю на необходимость развития Конституции и управления Государством в согласии с избранниками народа. Тогда он заявил, что речь у него уже составлена и он не видит основания, почему взамен ее он должен произнести Астровскую речь. Последний долго настаивал на своем требовании, в конце концов вынужден был уступить и удалился сильно раздраженным.

В дальнейшем столкновения моего отца с кадетами стали учащаться, т.к. он ясно видел во всех действиях представителей этой партии стремление как можно больше оттеснить Правительство от работы, связанной с войной и прибрать все это к своим рукам. Ко всему этому мой отец не мог относиться

равнодушно, отношения с левыми все более обострялись и во время одного спора Астров прямо заявил ему, что ввиду его противодействия они окажутся вынужденными назначить выборы Городского Головы и вскоре после этого началась открытая кампания против моего отца.

Здесь приходится нескоро отступить назад и коснуться основания Всероссийского Городского Союза, принесшего впоследствии столько зла России. Возвращаясь в первые дни войны из заграницы, мой отец прочел в газетах о возобновлении деятельности Земского Союза и ему пришла мысль образовать на подобие Земского Союза — Союз Городов. Приехав в Москву, он поделился своей мыслью с Астровым, но последний начал возражать, доказывая, что представляется нежелательным образовывать конкурирующую с Земским Союзом организацию, а что гораздо лучше всем Городским Управлениям войти в состав существующего уже Земского Союза. Однако Астрову пришлось согласиться, т.к. большинство городских деятелей поддержали мысль моего отца.

Собравшиеся в Москве, во время Высочайшего пребывания в августе, провинциальные Городские Головы, также очень ухватились за мысль создания Городского Союза и мой отец разработал соответствующий проект и представил его на утверждение Министра. Последний отнесся к этой мысли весьма несочувственно и потребовалась поддержка Джунковского для того, чтобы получить утверждение устава. Маклаков откровенно заявил отцу, что считает такую организацию опасной для Правительства, а в нахождении во главе ее моего отца не видит гарантии, т.к. отец может быть заменен другим лицом.

Отец вполне согласился с мнением Министра, но выразил предположение, что было бы не трудно заставить как Городской так и Земский Союзы следовать видам Правительства. Принимая во внимание, что эти организации должны были существовать почти исключительно на средства казны, представлялось бы желательным, чтобы эти деньги отпускались не непосредственно Союзам, а через Губернаторов и Градоначальников, располагая этими денежными средствами, явились бы естественными руководителями этих организаций, деятельность коих благодаря этому направлялась бы исключительно в правительственных интересах. Маклаков сначала, видимо, увлекся этой мыслью, но вскоре, вероятно вследствие давления на него левых кругов, отказался от нее, заявив моему отцу, что он боится вызвать такой мерой раздражение среди общества.

Правильность предположения Маклакова о том, что мой отец недолго пробудет во главе Союза, быстро подтвердилась. Начатая кампания кадетов против отца наметила себе первой целью устранение его от должности главноуполномоченного, на которую он был избран на первом Городском Съезде в августе 1914 года. Надо сказать, что Главноуполномоченный Союза Городов, имея непрерывные сношения со всеми Городскими Управлениями России, получал возможность серьезно влиять на деятельность и настроения Городов и с этой стороны эта должность была даже значительнее, чем должность Московского Городского Головы. На 1-ом Городском Съезде и состав и работы Союза были намечены лишь вчерне и было решено, что в октябре будет созван вновь съезд, который и установит окончательно и структуру и состав Союза. Поэтому было признано необходимым, чтобы на 2-ом съезде Главно-

уполномоченный и Центральный Комитет были бы вновь переизбраны. Созвав в начале октября 1914 года 2-ой съезд, мой отец с большим увлечением председательствовал и руководил его работами, и ни у него, ни у большинства участников съезда не являлось мысли о том, что на должность Главноуполномоченного может быть избрано какое-либо другое лицо. Сделав перед выборами перерыв на час, мой отец ушел к себе в кабинет, чтобы разобрать скопившиеся городские бумаги и был убежден, что и другие участники съезда также покинули залу заседания. Однако после его ухода представитель Петербургской Думы (исключительно кадеты) а также Астров попросили Городских Голов не расходиться и обсудить предстоящие выборы. При этом М.М.Федоров заявил, что мой отец, будучи переобременен делами Московского Городского Управления, очень тяготится обязанностями Главноуполномоченного Союза и просил об избрании вместо него какого-нибудь другого лица. На возражения нескольких Городских Голов на то, что неприлично, чтобы Глава Московского Городского Самоуправления, основавший Союз, не стоял бы во главе его, Федоров заявил, что напротив, это только улучшит дело т.к. связанные с обеими должностями обязанности не посильны одному человеку, а что в случае желания Съезда подчеркнуть свое уважение к Московской Думе, представлялось бы возможным избрать Главноуполномоченным какого-нибудь почтенного Московского гласного, например М.В.Челнокова. На том предварительные разговоры закончились, вскоре вернулся мой отец, открыл собрание и Съезд приступил к производству выборов. При подсчете записок мой отец с изумлением увидел, что большинство их подано за Челнокова и лишь на немногих стоит его фамилия. Глубоко оскорбленный

этим он заявил об отказе баллотироваться, и Челноков был избран громадным большинством голосов. Предчувствуя какую-нибудь подлость, но не отдавая себе еще явного отчета, мой отец закрыл заседание и тотчас был окружен толпой Городских Голов, которые наперерыв выражали ему сожаление, что он не нашел возможным совмещать обе должности. Из разговоров выяснилась все предшествовавшая выборам сцена, и хотя часть Городских Голов требовала назначения перевыборов Главноуполномоченного, ввиду того, что они были введены в заблуждение, мой отец еще более раздраженный категорически отказался, заявив, что он видит, что имеет дело не с Городскими Головами, а со стадом баранов.

По своему обыкновению кадеты решили отпраздновать свою победу в ресторане Эрмитаж, куда вечером собрались все участвовавшие на Съезде представители их партии, а также и приехавшие специально для воздействия на Съезд члены Центрального Комитета Партии Народной Свободы во главе с П.Н.Милюковым, которого за несколько часов до этого мой отец просил покинуть зал заседания, как не имеющего отношения к работам Съезда.

На этот банкет случайно попал мой знакомый, член Городской Управы В.Ф.Малинин, от которого я и узнал подробности этого торжества. По его словам кадеты «распоясались» и уж более не скрывали свою радость. Были провозглашены многочисленные тосты, в которых указывалось, что начались победы партии, что они стремятся захватить как можно больше видных мест, чтобы впоследствии иметь возможность говорить с Правительством, как равный с равным и показать ему свою силу, что не далек тот час, когда и Правительство будет состоять из членов их партии и т.д. Особенно цинично

было заявление одного городского деятеля, если не ошибаюсь представителя Ярославля, который открыто заявил, что не в помощи раненым главная цель Союза, т.к. русские солдаты преимущественно пьяницы и сифилитики и только загадят те госпитали, которые для них организуются, а эта цель заключается в борьбе с Правительством и в достижении такого политического строя, при котором они будут стоять во главе Государства.

Что говорилось дальше, я не знаю, т.к. Малинин, глубоко возмущенный всем слышанным, выругался и уехал с банкета. Конечно все эти речи дошли и до Министерства, но оно по обыкновению пропустило все это мимо ушей и не приняло никаких мер к прекращению развития этой «полезной» деятельности Союза. Удачно выиграв, благодаря военной хитрости, первое сражение, кадеты решили не останавливаться на своем победоносном пути и в скором времени на повестке заседаний Городской Думы появилось заявление 30 левых гласных о необходимости избрания Городского Головы. Тщетно представители правой доказывали, что обстоятельства с начала августа не настолько изменились, чтобы представлялось необходимым пересматривать вынесенное тогда решение об отсрочке выборов Головы. Большинство голосов выборы были назначены на будущую неделю. Раздраженная правая часть Думы решила также сплотиться и выставить кандидатуру моего отца, рассчитывая, что если даже он и не получит больше голосов, чем кандидат левых, то все же подобно Гучкову, благодаря своей популярности и знанию Городского Хозяйства, отобьет несколько голосов у прогрессистов и получит больше направо, чем налево. Кандидатом левых был выставлен Челноков, только что избранный Главноуполномоченным,

причем кадеты, совершенно забыв то, что они незадолго до этого говорили, доказывали необходимость его избрания в целях соединения вновь в одном лице должностей Городского Головы и Главноуполномоченного.

Происходивший из серого Московского купечества, окончивший только 4 класса гимназии, Челноков даже среди своей партии не пользовался любовью вследствие своей грубости и хамства. Однако, благодаря тому, что он был членом 2, 3 и 4-ой Государственных Дум от Московской Губернии и в течение нескольких четырехлетий состоял гласным Городской Думы, его кандидатура не являлась столь же нелепой, как кандидатура Львова или Чаплыгина, а имя его пользовалось известной популярностью благодаря рекламированию его левой прессой.

Для характеристики Астрова и кадетской партии небезынтересен один факт, предшествовавший выборам Гор. Головы. Кандидатура моего отца и возможность ее успеха и его утверждения очень волновали кадетов, т.к. они боялись, что после всего происшедшего, отношения у них с отцом окончательно испорчены. За несколько дней до выборов в кабинет моего отца явился Астров и своим вкрадчивым голосом начал ему говорить об уважении к нему кадетской партии и об огорчении их, что он не с ними, а выставляется враждебной им партией. Предчувствуя вновь какую-нибудь подлость, мой отец попросил Астрова скорее перейти к делу, после чего последний заявил, что в случае снятия им своей кандидатуры, кадеты удвоят его (24.000 рублей) жалование по должности Товарища Головы и обещают ему полную поддержку в его дальнейшей деятельности и единогласно избрать его при перевыборах, в отрицательном же случае при перевыборах его на должность Товарища Головы в январе 1915 года они поста-

раются его провалить. Мой отец возмущился этим неприличным торгом и попросил Астрова покинуть его кабинет. Несмотря на тревоги кадетов, Челноков оказался избранным, а мой отец недополучил 4-х голосов.

Министерство было весьма неприятно изумлено известием об избрании Челнокова, и Градоначальнику было выражено через неперемennого члена Городского Присутствия Морозова пожелание о кассации этих выборов. Разобравшись в материалах Думы, Морозов усмотрел, что повод для кассации имеется. В Городовом Положении было сказано, что при избрании лиц в Городские Управы, надлежит иметь в виду, чтобы в составе их не оказалось близких родственников или свойственников. Между тем во время избрания М.В.Челнокова, брат его С.В.Челноков состоял членом Управы, и таким образом закон был явно нарушен. Чтобы несколько урегулировать этот вопрос, кадеты надели на С.В.Челнокова и убедили его выйти в отставку, причем его брат гарантировал ему уплату из своих личных средств причитавшегося ему содержания по должности члена Управы, а также обещал в качестве Городского Головы оказать содействие к получению им хорошего места. Действительно, скоро несколько заинтересованных в покровительстве Городского Управления Обществ, пригласили в свой состав С.В.Челнокова, и хотя газеты попытались поднять по этому поводу шум, немедленно получили приказание от Центрального Комитета Партии Народной Свободы замолчать. Надо вообще сказать, что кадетская партия при помощи евреев держала все газеты в большом подчинении, и вскоре после избрания Челнокова им был отдан новый приказ, как можно больше рекламировать его и ничего не писать о моем отце.

Вступление в должность Городского Головы Челнокова совершенно не изменило течение городских дел, т.к. он уклонялся от руководства Городским Хозяйством. Когда в первый же день его вступления в должность мой отец пришел к нему и спросил, какие из дел он возьмет в свое непосредственное производство, Челноков смеясь ответил, что он не решил и будет очень благодарен, моему отцу, если он по-прежнему будет руководить всем городским управлением. Таким образом, городское хозяйство продолжало идти прежними шагами, а Челноков, появляясь в Управе часа на два, даже хвастался тем, что работа по должности Городского Головы отнимает у него очень мало времени.

Возвращаясь к вопросу о предполагавшейся кассации выборов Челнокова. Узнав от Морозова о желании Министерства, Адрианов был сильно смущен, т.к. с одной стороны сознавал необходимость отделаться от Челнокова, а с другой, стоя всегда на точке законности, не отпал ли благодаря выходу Челнокова повод для кассации выборов. Поэтому он решил предоставить все на усмотрение Городского Присутствия, причем, для усиления в составе последнего выборного элемента, просил непременно быть на заседании Губернского Предводителя дворянства Самарина и Председателя Губернской Земской Управы Шлиппе. Вопрос кассации выборов подвергся горячему обсуждению, и одну минуту казалось, что вопрос кассации выигран: за нее высказались прокурор Суда С.Д.Тверской, Заккит, Морозов, а против — Самарин, Шлиппе и представитель Городской Думы, кажется Тесленко. Таким образом вопрос решался голосом Адрианова и представители Правительства уже праздновали победу, как вдруг Адрианов подал голос против кассации, заявив, что в выборных вопросах

он считает своим долгом следовать за Самариным. Министерство, поколебавшись еще немного, решило Челнокова назначить, т.к. не нашло возможным во время войны идти против большинства Городской Думы.

На окончательное решение вопроса об утверждении Челнокова повлияло следующее обстоятельство: Челноков, убедившись, что Министерство Внутренних Дел опасается его левых взглядов, отправился в Петербург, объехал всех Министров, стараясь внушить всем уверенность в его лояльности. Маклакова не так легко было переубедить, и он прямо предложил Челнокову, в ответ на его заверения, дать ему подписку в том, что в случае его утверждения он выйдет из кадетской партии и вообще не будет выступать против Правительства. Челноков это исполнил и вышел из партии. Среди кадетов это вызвало страшное озлобление, над Челноковым был образован партийный суд, который потребовал от него сложение полномочий члена Государственной Думы. Челноков отказался это исполнить и вскоре, уже не знаю какими обещаниями и подписками, он умилостивил своих единомышленников, и они в конце концов признали его поступок правильным. Таким образом, Адрианов сам, фактически, провел Челнокова в Городские Головы. Скоро, однако, пришлось ему на своей собственной шкуре испытать благодарность Челнокова, который, впрочем, вплоть до ухода Маклакова все время держал себя вполне прилично и всячески старался проявить корректность по отношению к Правительству. По окончании выборов мой отец подал в отставку, не желая служить с Челноковым. Однако под давлением правой части гласных, служащих, избравших депутацию с целью просить его не оставлять своего места и Правительства, он вынужден был изменить свое реше-

ние и остаться на должности Товарища Городского Головы, которую он и занимал до марта 1917 года.

Городские и немецкий вопросы наиболее волновали московское население в 1-ый год войны. В остальном жизнь протекала спокойно и лишь в начале весны, на почве ощущавшегося уже в известной мере недостатка продуктов и их дороговизны, стала появляться на горизонте угроза голодных бунтов и произошло несколько уличных беспорядков. Как всем известно, в 1915 году никакого недостатка в продуктах еще не ощущалось, цены вообще стояли вполне приличные, не много превышающие прежние довоенные, и русские люди, читая в газетах о введении в Германии карточной системы на продукты первой необходимости, гордо пожимали плечами и презрительно улыбались. Однако неразумные действия Правительства, накладывавшего препоны на свободу торговли, а также разраставшиеся аппетиты спекулянтов иногда создавали такие условия, что то тот, то другой продукт исчезал с рынка на некоторое время. Конечно ни об очередях, ни о «хвостах» еще не было и речи. Первый продукт, в котором почувствовался в Москве недостаток, было мясо. Доставка его в Москву, вследствие начинавшегося расстройств транспорта, стала нерегулярной, и пользуясь этим, мясники начали поднимать цены на мясо. Это явление с еще большей яркостью обнаружилось в Петербурге, и там, после некоторого колебания, командующий 6-ой Армией генерал фан-дер-Флит установил обязательным постановлением максимальные цены на мясо. Однако это только испортило дело, т.к. подвоз мяса в Петербург совершенно прекратился. Объяснялось это тем, что обыкновенно все привозимое в Северную Столицу мясо шло через Москву, и мясоторговцы, узнав, что вследствие введения в Петербурге

обязательных цен, мясо выгоднее продавать в Москве, остановили здесь свои вагоны. Встревоженный этим, Командующий, командировал в Москву своего представителя полковника Перцева, который, несмотря на протесты приглашенных на заседание представителей Городской Управы и мясной биржи, убедил Градоначальника ввести и в Москве таксу на мясо с тем, чтобы цена на этот продукт в Москве была бы на 5 коп. дешевле на фунте, чем в Петербурге. Составление соответственного обязательного постановления было поручено мне.

Я заперся в своем кабинете, обложив себя всевозможными обязательными постановлениями, статистическими сведениями и т.д. и т.п., и в течение 2-х часов составил два длиннейших проекта обязательного постановления, регулирующих мясной торг. Однако, написав это, я впал в сильное смущение, т.к. до этого времени не имел ни малейшего представления о мясном торге и поэтому, несколько поколебавшись, вызвал к себе человек 5 представителей Города и Мясной Биржи и представил на их обсуждения свои произведения. Ознакомившись с их содержанием, все мясники взвыли и наперебой стали доказывать, что проведение в жизнь таких обязательных постановлений невозможно, что они нарушат Высочайше утвержденный Устав Биржи и поведут лишь к тому, что мясо совершенно исчезнет с Московского рынка. Я был сильно смущен их доводами и уже собирался заново переделать согласно с их указаниями свои обязательные постановления, как вдруг в мой кабинет вошел Адрианов. Он спросил в чем дело, и, выслушав мой доклад, приказал дать ему прочесть мои проекты. Бегло их просмотрев, он заявил, что это именно то, что нужно, что никаких изменений он не допустит и тут же

подписав их на глазах растерявшихся мясников, приказал немедленно их опубликовать.

Я умышленно остановился на этом факте, т.к. он отчетливо рисует, каким образом составлялись у нас в России важнейшие обязательные постановления и совершенно понятно, что вследствие этого лишь немногие из них приносили какую-либо пользу, большинство же было прямо вредно.

Выждав опубликования нашей местной таксы, Петербургский Командующий немедленно таковую у себя применил, и все предназначавшееся в Москву мясо проехало мимо нас в Петербург и вызвало там, естественно, понижение цен. Сообразно установившейся в Петербурге низкой цене, там снова была введена такса, а в это время мы отменили свою таксу, и все Петербургское мясо попало к нам. Эта игра продолжалась довольно долго, и только когда в России вообще осталось мало мяса, таксы были твердо установлены, но конечно продовольственного вопроса не улучшили.

В первых числах апреля Адрианов по делам, связанным с буйным поведением в Москве Распутина, о чем будет рассказано ниже, выехал в Петроград, сдав управление Градоначальством Модлю.

В воскресенье 10 апреля мне протелеграфировали, что на Преображенской площади около Сокольников начались беспорядки на почве спекуляции нескольких торговцев, и я, следуя желанию Адрианова, просившего меня лично наблюдать за всем из ряда выдающимся в жизни Столицы и немедленно телеграфировать ему в Петербург, вызвав автомобиль выехал туда. К сожалению, я несколько опоздал и подробности беспорядков узнал от очевидцев там же на месте.

На Преображенской площади в праздничные дни бывал рыночный торг. Один из торговцев еще рано утром скупил весь привезенный картофель, обеспечив себе таким образом на этот день своеобразную монополию, начал продавать его по двойным ценам. Толпа озверела и решила немедленно разгромить его лавку. Вызванный наряд полиции, не прибегая к решительным мерам, оттеснил толпу от лавки, и вероятно все бы этим и окончилось, если бы на место беспорядков не прибыл Модль. Как я уже говорил выше, население Москвы не любило его за грубость, а толпа, привыкшая видеть его как Помощника Градоначальника по наружной части на всяких беспорядках в качестве руководителя усмирениями, считала, что все репрессивные меры Полиции по отношению к ней, принимались исключительно благодаря ему, валила на него всю ответственность за это и определенно его ненавидела. Эта ненависть еще более обострилась благодаря войне, т.к. толпа видела в нем немца, едва ли не шпиона, и по Москве ходили о нем самые нелепые сплетни. Появившись на площади, Модль смело вошел в толпу и стал убеждать ее успокоиться. Все шло хорошо, пока, говоря о необходимости во время войны патриотического терпения, Модль не произнес неосторожной фразы о том, что несомненно в скором времени будет ощущаться еще больший недостаток во всех продуктах, что может быть даже наступит и голод, но что все надо спокойно переносить, помня о войне. Не поняв его слов, толпа с криками «а немец хочет морить нас голодом! Бей немца!» и т.д. бросилась на него и стала избивать его камнями. Окровавленный Модль упал, и только сердобольная торговка, прикрывшая его большой корзиной, спасла его от неминуемой смерти. Однако, падая, Модль успел крикнуть бывшему около него конному городо-

вому: «не смей стрелять» и следуя этому распоряжению, остальная полиция также не применяла оружия, а только руками расталкивала толпу и, в конце концов, окружив Модля, вывела его из толпы. В то время произошел один забавный эпизод, характеризовавший настроение толпы. Увидав падение Модля, к нему стал продираться через толпу старый полицейский III отделения генерал-майор Золотарев, очень любимый населением за свою честность и доброту. Один летевший в Модля камень случайно попал в голову Золотареву и раскроил ее. Мгновенно толпа стихла и отхлынула и из нее вышел какой-то рабочий, который, сняв шапку, произнес: «Извините, Ваше Превосходительство, Вы наш русский, а мы бьем немца».

Как раз в это время приехал я на беспорядки и увез окровавленного и близкого к истерике Модля к нему на квартиру. Слава Богу, его поранение оказалось несерьезным и он уже через несколько дней вступил в исправление своих обязанностей.

Адрианов, невзлюбивший в последнее время Модля и желавший с ним расстаться, воспользовался этим случаем, чтобы избавиться от него и возбудил ходатайство перед Министром об увольнении его в продолжительный отпуск, ввиду раздражения против него населения и возможности повторения подобных эксцессов по отношению к нему, что и было исполнено. Модль в Московское Градоначальство уже более не возвращался, но совершенно неожиданно еще раз пострадал во время майских немецких погромов, т.к. он, выйдя в штатском платье на улицу со словами, что хочет посмотреть, как без него справится с беспорядками Адрианов, был быстро узнан толпою и снова сильно избит.

Безнаказанность беспорядков на Преображенской площади придала больше смелости и наглости толпе, и вскоре в Пресненском районе разыгрались новые уличные беспорядки, которые совершенно не имели политического или продовольственного характера, а носили какой-то хулиганский оттенок и заключались преимущественно в избииении камнями чинов полиции, которых пострадало очень много. По-прежнему власти воспрещали применение оружия, толпа все более и более убеждалась в своей безнаказанности и наглела, и скоро знаменитые немецкие погромы ясно показали к чему приводит систематическое попустительство Правительства.

По окончании беспорядков на Пресне Градоначальник созвал совещание из всех приставов и полицмейстеров с целью, во-первых, поблагодарить их за ревностное исполнение ими своих служебных обязанностей во время беспорядков, а во-вторых, чтобы по заведенному обычаю дать полиции руководящие указания на случай возникновения 1-го мая социал-демократических демонстраций и беспорядков. Присутствовавший на этом совещании начальник охранного отделения полковник А.И.Мартынов, доложил, что по имеющимся у него сведениям, подполье по-прежнему находится в полной спячке, что видными членами социалистических партий получают от их сотоварищей многочисленные письма с фронта, в коих они требуют от своих партий полного спокойствия, доказывая, что всякое нарушение порядка не вызовет в данное время никакого сочувствия ни в народе, ни в войске и только повредит партии в дальнейшем. Таким образом, было ясно, что 1 мая пройдет в Москве совершенно спокойно.

На этом же заседании Адриановым был оглашен Циркуляр Министерства, полученный за несколько дней до этого, в

котором всем Градоначальникам приказывалось соблюдать особую осторожность в случае возникновения беспорядков на продовольственной почве. «Такие беспорядки, — говорилось в циркуляре, — надлежит прекращать самым решительным образом, отнюдь не применяя оружия». Впоследствии, после майских погромов, Министерство всячески откешивалось от этого Циркуляра, говоря что это было не требование, а только пожелание, и что всякий начальник Губернии мог, в зависимости от событий, оставить его без исполнения, но конечно это были только отговорки и на присутствовавших на указанном совещании чинов Полиции это распоряжение произвело самое удручающее впечатление. Со всех сторон раздавались возражения и вопросы, и тогда Адрианов произнес с большим подъемом целую речь, в которой доказывал справедливость требования Циркуляра. Смысл этой речи сводился к тому, что все находящиеся в тылу должны стараться, чтобы бодрое настроение и спокойствие духа наших бьющихся на фронте воинов не было нарушено, что всякое известие о беспорядках в тылу тяжело отзывается на их настроении, а что если при этом они узнают, что в тылу происходят расстрелы и кровавые подавления беспорядков, то состояние духа их станет удручающим и они будут волноваться за безопасность своих семей. При этом Адрианов сказал, что немецкие агенты всячески желают вызвать беспорядки в тылу, что их главной целью является вызов Полиции и войска на расстрел толпы и что наш долг не поддаваться на эту провокацию. Находящегося в эти дни в отпуску полковника Модля замещал младший из полицмейстеров А.Н.Севенард, который очень мечтал о назначении его вместо Модля. Желая выслужиться перед Адриановым, он еще более резко стал доказывать справедливость его слов, но

пристава, видимо, совершенно не были этим убеждены и разошлись в подавленном состоянии духа.

Командующим войсками Московского Военного Округа в это время был генерал А.Г.Сандецкий, назначенный вскоре после объявления войны и отъезда на фронт его предшественника генерала П.А. Плева. Генерал Сандецкий уже с давних пор пользовался славой сурового и даже жестокого человека, и его деятельность в Москве вполне оправдала его репутацию. Отличаясь исключительной работоспособностью, Сандецкий сосредоточил в своих руках все управление округом, входил во все мельчайшие подробности и поставил своей главной целью всеми мерами помогать действующей армии, отправляя туда всех способных носить оружие. Призываемые в запасные полки солдаты, в течение 6 недель наскоро обучались ружейным приемам и стрельбе, после чего немедленно отправлялись на фронт. Результаты такого скороспелого обучения не замедлили сказаться и вскоре из действующей армии посыпались жалобы на полную неподготовленность отправляемых из Московского Округа на фронт солдат. Главным же образом Сандецкий обрушился на офицеров, как тыловых, так и эвакуированных с фронта, в каждом из них старался видеть симулянта и, не давая им долечиться, не слушая никаких возражений со стороны докторов, гнал их на фронт. Ни один из офицеров Московского Округа не одной минуты не мог быть уверен, что не найдет у себя телеграммы, приказывавшей немедленно отправиться в Действующую Армию, и такое отношение Командующего войсками вызывало среди раненых офицеров общее возмущение и раздражение.

В своих действиях Сандецкий иногда даже доходил до крайних жестокостей, не говоря уже о том, что он обыкновен-

но просматривая постановления Врачебных Комиссий, собственноручно изменял их заключения и благодаря этому совершенно неспособные к военной службе офицеры отправлялись на фронт, где или являлись ненужным балластом или же прямо умирали, т.к. Командующий не признавал в числе болезней ни туберкулеза, ни порок сердца. Сандецкий, независимо от того, лично посещал заседания комиссий, вмешивался в медицинские осмотры и совершал глубоко возмутительные факты.

В числе многих рассказанных мне на эту тему, запомнился особенно один, рассказанных при мне в Английском клубе Московским Губернатором гр. Муравьевым: освидетельствовался офицер, у которого вследствие ранения были скрючены четыре пальца на правой руке. Услышав, что комиссия постановила уволить его от военной службы, Сандецкий возмутился и приказал офицеру положить больную руку на стол. В то время как недоумевающий офицер исполнял это приказание, Сандецкий взмахнул кулаком и что было силы ударил по руке. В результате этого все четыре пальца были сломаны, а офицер от боли лишился сознания.

Все эти слухи о жестокости Сандецкого доходили до ушей проживающей в Москве Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, на которую по Высочайшему Повелению было возложено попечение об эвакуированных в Москву раненых и больных воинов. Глубоко возмущенная всем этим, Вел. Княгиня неоднократно писала об этом Государю и, наконец, настояла на назначении комиссии для расследования действий Сандецкого по отношению к эвакуированным. Никакой опасности в этой комиссии для Сандецкого не было, т.к. компетенция ее была страшно сужена, но тем не менее, узнав о действи-

ях Вел. Княгини, Сандецкий освирепел и заявил, что он «сократит эту бабу». Вслед за тем он прямо начал травлю Великой Княгини, опираясь главным образом на плохое произношение и знание ею русского языка, открыто называя ее немкой и т.д., совершенно не думая о том, что такими действиями он вредит не только ей, но и вообще всей Царской Семье. На этой почве по Москве стали ходить самые разнообразные и нелепые слухи про Вел. Княгиню, казалось, что все забыли делаемое ей добро и искали лишь случай как-нибудь подорвать ее популярность. Рассказывали, что в ее доме живет взятый в плен брат ее Вел. Герцог Гессенский, что, посещая госпиталя, она разговаривает только с военнопленными, что раздавая последним деньги и еду, она нашим раненым дает только иконки и Евангелия и т.д.

Скоро в Петербурге увидели, что дальнейшее оставление в Москве Сандецкого делается невозможным и отставка его была решена. Приходится сказать, что поскольку Сандецкий в своей подозрительности и жестокости по отношению к эвакуированным вдавался в одну крайность, постольку общество своим нянченьем и чрезмерным ухаживанием за ранеными впало в другую крайность и даже сейчас еще представляется затруднительным сказать, кто, общество или Сандецкий, принесли больше вреда Армии. Зверствуя и истязая офицеров, Сандецкий вместе с тем по отношению к эвакуированным солдатам вел себя совершенно правильно, т.к. не имея возможности входить в подробности лечения и освидетельствования отдельных солдат и благодаря этому не подвергая их своим жестоким капризам, Командующий войсками требовал поднятия среди них дисциплины и всячески боролся с тем разложением, которое вносили в солдатскую среду частные госпиталей. Московское общество, дружно вставшее на помощь

Правительству и Городскому Управлению в делах создания госпиталей, в течение нескольких недель организовало, преимущественно на частные средства, более тысячи лазаретов. Сравнительно небольшие по своим размерам и разбросанные по всем частям громадного города, эти лазареты находились всецело под управлением своего главного врача, конечно штатского, и попечительницы. Надзор военного ведомства совершенно отсутствовал, т.к. до самого конца войны Правительству не удалось создать надлежащей госпитальной инспекции и, хотя на второй год войны целый ряд отставных генералов были назначены на должность инспекторов лазаретов, но вследствие преклонных лет они были лишены возможности осуществить действительный надзор, и всем казалось, что эти должности были созданы не для улучшения госпитального дела, а для улучшения материального положения отставных генералов.

Мне однажды пришлось присутствовать на совещании военных инспекторов лазаретов и, кажется, даже в городских богадельнях мне не приходилось видеть столько дряхлых стариков, глухих, полуслепых, едва движущихся. Как всегда во всяком русском деле, общество, увлекшись госпиталями и оказанием помощи эвакуированным воинам, уже не знало удержа в своих действиях и вместо действительной помощи военному ведомству занималось систематической деморализацией находящихся на излечении нижних чинов. Приходится оговориться, что частных офицерских госпиталей было очень мало т.к., как это ни странно, общество предпочитало иметь дело с солдатами, Правительство же очень неохотно давало разрешения на открытие частных офицерских лазаретов, желая держать офицеров под военным наблюдением.

Перечислить все уродства частной госпитальной жизни почти невозможно, т.к. каждый госпиталь имел свою историю и довольно скверную. С солдатами нянчились, как с писаной торбой, одевали их в полотняное белье, заводили исключительно пружинные постели, кормили рябчиками и осетриной (Лазарет Делового Общества) и т.д. и всячески старались показать солдатам свое преклонение перед ними. Вполне естественно, что мужик солдат обнаглел, вообразил себя героем, а дойдя до этого сознания, решил, что все должны перед ним преклониться, начальство должно его ласкать, но отнюдь не поддерживать какую-то дисциплину и в особенности отправлять на фронт. Будучи человеком глубоко штатским, я все же без отвращения не могу вспомнить толпы таскавшихся по улицам солдат в полувоенном, полубольничном одеянии, а иногда и в одном белье, кричащих, шумящих и грызущих подсолнухи. Эта картина так напоминает наше будущее «республиканское» воинство, что невольно является мысль, не следует ли начало разложения русской Армии искать в госпиталях, а начало противоправительственной пропаганды в войсках в беседах сестер и «братьев» милосердия с лечащимися солдатами. Мой отец неоднократно обращал внимание военных властей на деморализующее влияние частных лазаретов, но начальство по обыкновению пропускало это мимо ушей.

Касаясь дела помощи раненым, нельзя не упомянуть добрым словом Верховного Начальника Санитарной Части принца А.П.Ольденбургского. Его преклонный возраст никак не уменьшал его поразительной энергии. До самой революции принц не знал ни минуты покоя, носясь в своем экстренном поезде по всей России, всюду наводя страх и порядок, нежи-

данно возвеличивая прилежных работников и карая нерадивых. Его вспыльчивость и непосредственность породили много анекдотов, но в основе даже его ошибок лежала любовь к России и страстное желание улучшить санитарное дело.

Мне ясно вспоминается один приезд его в начале весны. На Александровском вокзале было созвано совещание из представителей военных властей, администрации и общественных организаций по вопросу о размещении эвакуируемых в эти дни в особенно большом количестве воинов в Москву. Принц нервничал, жестикулировал и все время бегал вокруг стола. Со всех сторон высказывались различные предложения, как вдруг М.В.Челноков, в то время еще Член Центрального Комитета Городского Союза, перебив кого-то говорившего, по своему обыкновению грубо, и громко сказал: «Что там, Ваше Высочество, обсуждать, где разместить раненых, Вы лучше прикажите, чтобы их поменьше в Москву направляли». Принц вздрогнул, перебежал на другую сторону стола и, стуча кулаком, визгливым голосом закричал: «Вы с этой просьбой к императору Вильгельму обратитесь, чтобы он поменьше наших солдат калечил, а я тут не при чем». Челноков сконфуженно замолчал и больше уже в течение всего совещания голоса не подавал.

Заканчивая период между началом войны и маем 1915 года, приходится еще раз отметить, что политическое настроение населения за это время в общем было безусловно в пользу Правительства. Как я уже говорил, кадетские круги еще решались открыто выступать против Правительства. Социалисты замерли, а крестьянство, говоря словами поэта Мятлева «молчало и пахало». Какой-либо антимилитаристической пропаганды также не замечалось, если не считать деятель-

ность секты баптистов. Эта секта, происходящая из Германии, с первых дней войны стала обращать на себя особое внимание администрации, чему особенно способствовали враждебные выступления против баптистов наших миссионеров. Один из последних, Н.Ю.Варжанский, явился как-то к Адрианову и обратил его внимание на то, что баптисты совершенно определенно ведут среди населения агитацию против войны и убеждают своих единоверцев отказываться от военной службы. Градоначальник был сильно смущен этим, т.к. с одной стороны не решался закрыть их молельни (в Москве их было две), а с другой не считал возможным смотреть сквозь пальцы на их деятельность. Из этого щекотливого положения Адрианов вышел очень остроумным способом, использовав один из главных догматов этой секты. В один прекрасный день главные руководители и проповедники этой секты были вызваны в Градоначальство. Адрианов сказал им, что Правительство относясь к ним вполне сочувственно, в то же время надеется, что и они являются верными сынами своей родины. Баптисты ответили утвердительно, и тогда Адрианов спросил их, молятся ли они во время своего богослужения за Государя и за успех нашего оружия. Баптисты смутились, но ответили утвердительно, прибавив, что согласно своим обрядам, они эти моления произносят не громко, а про себя. Тогда Адрианов ответил, что такие молчаливые моления порождают самые неблагоприятные слухи о баптистах, и что, т.к., судя по их словам, моления о Государе и о даровании победы не противоречат в принципе их вероучению, то он требует, чтобы впредь эти моления произносились бы во всеуслышание во время богослужения лицом совершающим его. Баптисты, видя, что попали в ловушку, ответили согласием, но на следующий день

оба молитвенных дома сами собой закрылись, т.к. баптисты не рискнули пойти на отказ от своего главного догмата — непроведения злу и связанного с ним отрицания войны.

Мне ежедневно приходилось читать сводки Охранного Отделения о настроениях. Сводки эти за один год войны превратились из толстых тетрадей в коротенькие листки. По введенному порядку, приблизительно раз в неделю, Градоначальнику подавались такие сводки отдельно о социал-демократах, о социал-революционерах и о студенческом движении. Эти сводки представляли интерес лишь благодаря прилагавшимся перлюстрированным письмам, преимущественно с фронта, в которых, как я уже выше говорил, сквозило общее желание не препятствовать успешному окончанию войны. Особенно мне запомнилось письмо одного известного социалиста-революционера, фамилию его я забыл, который с восторгом описывает военные действия и заканчивает письмо словами, что «если по окончании войны разразится жидовский погром, то я с удовольствием приму в нем участие, т.к. все жида оказались немецкими шпионами». В другом письме женщина-врач, еврейка и социал-демократка, писала в Комитет Партии, что «как ни страшно сказать, даже “наши” ненавидят евреев и ужасно подумать, чем все это кончится». Однако в начале 1915 года к вышеуказанным сводкам Охранного отделения, в качестве предвестника будущей революции, присоединилась 4-ая сводка — сводка общественного движения, заключавшая в то время еще немногочисленные сведения о противоправительственной деятельности кадетской партии и ее главных орудий — Земского и Городского Союза.

Часть II

Одновременно с введением в Москве в начале июля 1914 года Чрезвычайной Охраны, Градоначальнику, генералу Адрианову, были присвоены права Главногоначальствующего. По действовавшему закону только одни Генерал-Губернаторы *de jure* делались, с введением Чрезвычайной Охраны, Главногоначальствующими, Губернаторы же и Градоначальники для получения этих прав нуждались в особом подтверждении. Таким образом, хотя на всем пространстве России, за исключением Генерал-Губернаторов, права Главногоначальствующего осуществлялись и Губернаторами, однако это было не обязательно и по смыслу закона и по прежней практике (в Ялте до введения Градоначальника, Главногоначальствующим был генерал Думбадзе, в то время, как этот город входил в состав Таврической губернии) и легко можно было себе представить, что в особо важные пункты России для усиления местной власти будут назначены особые Главногоначальствующие.

2 мая 1915 года в Москве распространился упорный слух, что Адрианов лишен прав Главногоначальствующего, и что таковым назначен Свиты генерал, впоследствии генерал-адъютант, князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон, который одновременно с этим заменит и генерала Сандецкого. Как я уже говорил, в Москве все ожидали увольнения Сандецкого, и поэтому названный слух во второй своей части казался вполне вероятным. Однако устранению Адрианова от обязанностей Главногоначальствующего мало кто верил, т.к. все полагали, что Адрианов своей деятельностью не только не заслужил такого оскорбления, но даже напротив, может считаться одним из лучших Градоначальников. При этом еще в начале апреля Адрианов

получил от Председателя Совета Министров и Министра Внутренних Дел полное одобрение своих действий при проезде через Москву в середине апреля Государя, который разговаривал с ним очень милостиво, а еще несколько дней тому назад циркулировали слухи, что Думбадзе получает другое назначение по Министерству Двора, а на его место будет назначен Адрианов. При этом, даже если допустить мысль о необходимости замены Адрианова по должности Главного начальствующего другим лицом, то таковым кн. Юсупов явиться не мог. Высшие круги Москвы хорошо знали Юсупова, который несколько лет служил там в качестве адъютанта Вел. Кн. Сергея Александровича и имел в самой Москве роскошнейший дворец, а под Москвой не менее роскошное имение — Архангельское. Все знали его, как одного из богатейших людей в России, большого барина, человека близкого Государю и Императрицам, но вместе с тем никто серьезно к нему не относился, и он пользовался известностью человека очень неумного и не имеющего никакого служебного опыта, т.к. в своей прежней службе он дальше Командира I бригады I Гвардейской Кавалерийской дивизии не пошел, да и на этой должности, также как и во время командования Кавалергардским полком, ровно ничего не делал. Во время войны на него дважды возлагались ответственные поручения: 1) он возил знаки ордена Св. Георгия генералиссимусу Жоффру и выполнил эти служебные обязанности превосходно и 2) ему по Высочайшему Повелению было поручено на всем пространстве России проинспектировать запасные полки и одновременно произвести ревизию выдачи пайков женам призванных на военную службу.

Как справился он с инспектированием полков, я не знаю но думаю, что вряд ли эта его деятельность принесла какую-

нибудь пользу. Поверка же правильности выдачи пайков носила прямо опереточный характер. По приезде его в Москву у Градоначальника было созвано совещание под председательством Юсупова, на которое были приглашены Губернатор, представители Дворянства, земства, города и т.п. Юсупов явился со своим секретарем и под его суфлерство произнес длинную речь, все время путаясь и сбиваясь. Между прочим, перечисляя трудности, с которыми в целях достижения правильной постановки дела надо энергично бороться, Юсупов первой, к великому смущению своего секретаря, назвал... обширность России. Сидевший около меня председатель Земской Управы Шлиппе со смехом шепнул мне, что вероятно в этой борьбе немцы охотно помогут Юсупову, но последний продолжал не смущаясь свою речь, и мне впоследствии удалось выяснить, что он, перепутав приготовленную ему речь, перенес обширность о России из рубрики трудностей, с которыми надо считаться, в рубрику трудностей, с которыми надо бороться.

По возвращении из объезда России, Юсупов представил Государю составленный его секретарем всеподданнейший отчет и сразу завоевал в Сферах репутацию Государственного человека.

Вскоре в Москве выяснилось, что назначение Юсупова — свершившийся факт, что это было сделано в Царском Селе лично Государем при участии Вдовствующей Императрицы, Вел. Кн. Александра Михайловича, Вел. Кн. Ксении Александровны и Военного Министра Сухомлинова. Маклаков узнал об этом последним, получив подписанный указ от Сухомлинова и, конечно, уже ничего сделать не мог.

Однако он чувствовал известную неловкость перед Адриановым и приказал Директору Департамента Общих Дел сообщить об этом Градоначальнику лишь по приезде в Москву Юсупова, желая, чтобы Адрианов все узнал непосредственно от самого князя. 9 мая с особой торжественностью состоялся приезд Юсупова в Москву. На Николаевском вокзале собрались все высшие представители Военного ведомства и администрации, был выстроен почетный караул, а Юсупов подъехал в отдельном вагоне. Приняв рапорта, он поздоровался со всеми встречавшими его и пропустил мимо себя почетный караул, а собравшаяся немедленно толпа, приняв его за Великого Князя, стояла с обнаженными головами и даже делала попытки кричать «ура». После этого Юсупов поехал прикладываться к московским Святыням и просил Адрианова быть через два часа у него. Нечего говорить, что Градоначальник был чрезвычайно огорчен и угнетен всем происшедшим. Он много раз за эти дни говорил со мной, горько жаловался на нанесенное ему незаслуженное оскорбление и главное совершенно не понимал, почему это произошло. Не менее возмущенный, чем он, я убеждал его немедленно подать в отставку и просить Государя назначить его в действующую армию, но Адрианов отказался от этого, считая, что он, как солдат, должен оставаться на своем посту, тем более, что назначение Юсупова не упростит, а осложнит управление Столицей и что ему, как Свитскому генералу, не приличествует проявлять какую-либо оппозицию воле его Государя.

После первого же разговора с Юсуповым Адрианов вернулся веселым и подбодренным, т.к. Юсупов заверил его, что он назначен не для того, чтобы умалить его значение, но чтобы усилить его власть, что Государь заметил, как трудно

боротся Адрианову вследствие противодействия Министерства с немецким засильем и назначением Юсупова хотел дать Адрианову возможность выйти из подчинения Министерству и смело осуществить свою программу. Юсупов сказал Адрианову еще много хороших слов, всячески старался выразить ему свое уважение и в довершение всего накормил его великолепным завтраком, после чего Адрианов твердо решил беспрекословно и верно служить Юсупову, тем более, что в словах князя сквозила уверенность в скором назначении его московским Генерал-Губернатором. Адрианов понимал, что в этом случае, при установившихся добрых отношениях между ними, должность Помощника Генерал-Губернатора достанется ему. Как и следовало ожидать, из опереточного назначения могла выйти только оперетка, а все возложившие свои упования на Юсупова оказались скоро у разбитого корыта. Опереточный характер его деятельности обнаружился в первый же день.

Как выяснилось впоследствии, Юсупов, получив в свое управление Московский Военный Округ, решил посоветоваться с Джунковским, на кого из военных он может положиться. Последний ответил ему, что все высшие чины Округа, которых он знал по своей прежней службе, ушли на фронт, но что он слышал, что в настоящее время должность дежурного генерала Штаба занимает генерал Окуньков, который в бытность Джунковского Губернатором был Московским Воинским Начальником и славился своей исключительной порядочностью и работоспособностью.

Еще на Николаевском вокзале Юсупов, знакомясь с представляющимися ему чинами, вытащил из кармана записную книжку, что-то там прочел и спросил здесь ли генерал Окунь-

ков. Когда последний к нему подошел, он сердечно пожал ему руку и просил его немедленно к нему заехать.

Через некоторое время во дворец князя приехал со срочным докладом Начальник Штаба генерал Оболевешев и приказал доложить о себе князю. Последний немедленно его пригласил и, узнав о цели его приезда, сказал: «Ну и великолепно, Вы докладываете, а мы с генералом Окуньковым поскучаем». Решительный и резкий Оболевешев вспылил и ответил: «Я, как Начальник Штаба, имею по закону право присутствовать при докладах моих подчиненных, но в первый раз слышу чтобы мои подчиненные имели право присутствовать при моих докладах». Услышав эти слова, Юсупов обвел глазами обоих генералов и грустно сказал: «Ну, вот видите, как это неприятно. Пойдемте завтракать». Это было исполнено, но Оболевешеву так и не удалось сделать князю свой срочный доклад. Вообще князь очень любил примирять за столом все расхордившиеся страсти. Я помню другой случай, когда созванное по вопросу об охране или уничтожении в Москве винных погребов, ввиду возможных беспорядков, совещание в целях достижения общего решения было приглашено князем в столовую, и скоро спорившие забыли свои ссоры и все свое внимание направили на предложенное князем вино. Какого-либо решения, однако, вынесено не было.

На вопрос Адрианова, какие дела Юсупов возьмет к своему рассмотрению, последний ответил, что пусть все идет по-прежнему, но чтобы его познакомили с немецким вопросом. Это было исполнено, но скоро Адрианов убедился, что никакая серьезная работа при соседстве Юсупова невозможна. Князь, как ребенок, интересовался всеми отраслями городской жизни и все свободное время посвящал ознакомлению с ними. Сво-

бодного же времени у него было больше, чем достаточно. Поэтому Адрианов вынужден был прекратить все приемы просителей, отменить все текущие дела и все свое время посвящать разъездам по городу с Юсуповым. То они ездили на городские бойни, то осматривали курятники в Охотном Ряду, где какая-то дерзкая курица нагадила на лицо самого Главноначальствующего, то посещали заводы, то, наконец, просто осматривали московские улицы. По вечерам Адрианов должен был бывать у Юсупова и проводить с ним целые часы в самых разнообразных разговорах.

Несмотря на все эти занятия, главное свое внимание Юсупов обратил на немецкий вопрос, для упорядочения которого он и приехал в Москву.

Как я уже выше говорил, ликвидация немецкого засилья подвигалась довольно туго, т.к. Министерство по-прежнему в своей деятельности не проявляло никакой последовательности и до сего времени никаких решительных мер к разрешению немецкого вопроса принято не было. Уже в течение нескольких месяцев в газетах появлялись сведения о ликвидации всех принадлежащих подданным воюющих с нами держав предприятий и магазинов. Действительно, если не ошибаюсь, в марте, был опубликован соответственный указ, согласно которому, ликвидация этих заведений приурочивалась к 1 апреля, однако незадолго до этого срока новым распоряжением ликвидация была отсрочена на 2 месяца, т.е. до 1 июня. Надо сказать, что общая масса московского населения относилась к немцам очень враждебно. Трудно сказать, происходило ли это в силу вековой вражды славянства к германству или же, чему я больше верю, поднятая с начала войны в газетах и в обществе травля всего германского повлияла на настроение масс, но во

всяком случае приходится сказать, что в особенности среди низших классов наблюдалась ожесточенная ненависть к немцам. Надо сознаться, что и проживающие в Москве немцы, преимущественно русские подданные с немецкими фамилиями, держали себя довольно нетактично и, если публично не выражали своих симпатий к Германии, то во всяком случае позволяли себе открытую критику нашего Правительства, а главное — войска.

По Москве, среди простонародья, циркулировали самые разнообразные разговоры о действиях проживающих в Москве немцев. Рассказывали, что у Марка, о котором я говорил выше, в день получения известия о нашем поражении при Сольдау, был устроен обед, на котором пили за здоровье германского («нашего») Императора и за успех его оружия, что в Москве открыто несколько заговоров немцев против России и что чуть ли не ежедневно арестовываются шпионы, но что Правительство им покровительствует и что все они остаются безнаказанными. В Градоначальстве сотнями получались анонимки, сообщающие о немецких кознях и шпионаже, и хотя в большинстве случаев они оказывались ложными, но все же являлись показателем настроения населения. С другой стороны, население страшно нервировалось газетами. Сообщения о немецких зверствах в оккупированных местностях, об их отношении к нашим военнопленным, всевозможнейшие статьи по этим вопросам, хотя бы о ликвидации пресловутого электрического общества 1886 года, которая никак не могла осуществиться и т.п. еще более подливали масла в огонь. В особенности вспоминается мне одна газета, издававшаяся обществом «За Россию», которая прямо призывала к погрому и сообщала названия немецких фирм, призывая к их бойкоту.

В октябре 1914 года произошла попытка произвести погром немецких предприятий, но все это ограничилось разбитием стекол нескольких магазинов у Мандля, Круппа, Эйнема, Циммермана и др. и было быстро прекращено полицией почти без применения оружия. Таким образом, как я уже и говорил, настроение было повышенное. Назначение Юсупова и его первые, довольно неудачные мероприятия, только усилили общее раздражение. Одним из первых его распоряжений было требование представить ему списки всех высланных из Москвы с начала войны немцев. Для подробного доклада к нему был командирован Григоров и произвел на князя такое великолепное впечатление, что с тех пор оба эти великие ума были связаны общими взглядами на немецкий вопрос и общей ненавистью к немцам. Юсупов еще не забыл унижений, испытанных им в начале войны в Германии и пылал желанием отомстить за них московским немцам. Принципиально решив в ближайшее время выслать из Москвы всех без исключения немцев, Юсупов приказал Григорову в целях успокоения населения опубликовать в газетах всех высланных ранее этого Адриановым. Желание ли Юсупова присвоить себе чужую работу и проявить свою распорядительность или усердие не по разуму Григорова, но эти списки были опубликованы без указания, когда именно состоялась высылка, и почти у всех создалось впечатление, что эти иностранцы высылаются после назначения Юсупова. Принимая во внимание, что большинство немцев, высланных Адриановым, были наиболее известные и ненавистные населению, вполне понятно то озлобление, которое охватило благомыслящих людей, когда они прочли в газетах, что те лица, о которых давно говорили, что они сосланы в отдаленные губернии, оказывается спокойно проживали в

Москве. Отсюда ясно делался вывод о взяточничестве полиции и даже высшей администрации и о покровительстве немецкому шпионажу. Во время майского погрома я встретил в толпе одного товарища прокурора, который сказал мне: «Знаете, ведь я понимаю этих людей. Градоначальство ничего не делает, Манд, оказывается, все время проживал в Москве и только на днях выслан Юсуповым». С большим трудом мне удалось разъяснить ему все недоразумение, и я думаю, что большинство интеллигенции мыслило подобно ему и не только не уговаривало толпу прекратить безобразие, но даже и подстрекало ее. Числа 24-го мая среди рабочих Трехгорной Мануфактуры были обнаружены холерные заболевания и кем-то был пущен слух, что эти заболевания происходят от того, что немцы отравляют воду. Через 2 дня эти заболевания прекратились, но рабочее население Пресни, помня еще недавние беспорядки в этих местах, продолжало глухо волноваться и произвело несколько враждебных выступлений против членов фабричной администрации, носящих немецкие фамилии. На фабрике Гюбнера, принадлежащей Н.А.Второву, также началось подобное движение и числа 26-го рабочие обратились к Юсупову с просьбой убрать с фабрики служивших на ней человек 20 эльзасцев, которых рабочие называли немцами. Все эти выступления сопровождались монархическими и патриотическими заверениями, рабочие носили Царские портреты и пели «Боже Царя храни». Поэтому администрация во главе с Юсуповым не только не противодействовала этому движению, но даже несколько этому и покровительствовали.

27-го вечером я был в театре и вернулся домой довольно поздно, почему о разыгравшихся в этот вечер событиях, я узнал лишь на следующий день 28-го мая, придя в Градонач-

чалство. Как только я пришел, ко мне в кабинет явился дежурный докладчик при Градоначальнике и сообщил мне, что накануне в Замоскворечьи произошли на фабриках Шрадера и Винтерд выступления рабочих против немцев, в результате чего было несколько человеческих жертв. Оказалось, что толпа рабочих бросилась в квартиру Винтера и растерзала четырех женщин, его родственниц. Оттуда волнение перекинулось на фабрику Шрадера, где управляющий фабрики Карлсон пытался оказать сопротивление и пырнул одного рабочего ножом. Полиции под градом камней удалось вырвать его из рук озверевшей толпы. Его перевезли на лодке на другую сторону Москвы реки, но там другая толпа напала на него и, вырвав из рук полиции, растерзала.

Адрианов быстро примчался на беспорядки, всячески старался успокоить толпу и в конце концов принужден был приказать конным городовым рассеять ее нагайками.

Выслушав этот рассказ я, пораженный всем происшедшим, вошел в кабинет чиновников для поручений, где застал бурное ликование. На мой удивленный вопрос, Григоров разгладил усы и сказал: «Что же Вы меня не поздравляете? Разве Вы не знаете, что у меня пятью просителями (немцами) стало меньше?» Я не стал продолжать с ним разговор в таком тоне и отправился к Градоначальнику, которого нашел в большом смущении. В коротких словах он рассказал мне происшедшее; перед его глазами, видимо, все время были трупы растерзанных накануне женщин, т.к. он все время дергался, морщился и очевидно старался разогнать свое мрачное настроение и убедить себя, что никаких последствий это иметь не будет.

Еще рано утром или накануне ночью он успел съездить к Юсупову, который уже несколько дней считался больным и не выходил, и доложить ему о происшедшем. Относительно болезни Юсупова по Москве ходила забавная сплетня: рассказывали, что в день рождения Императрицы Александры Федоровны 25 мая он проспал церковную службу и боясь, что отсутствие его на молебне будет истолковано, как демонстрация против Государыни (Юсупов принадлежал к партии Вдовствующей Императрицы) он объявил себя больным и решил в течение нескольких дней не выходить из дому.

Окончив свой рассказ, Адрианов сказал, что необходимо обо всем происшедшем за последний день телеграфно донести в Министерство Внутренних Дел и начал диктовать мне телеграмму, которая так и не была докончена и в которой он центром тяжести разыгравшихся беспорядков считал патриотическое настроение рабочих (национальные флаги, Царские портреты, гимн и т.д.). Надо оговориться, что 29-го еще с раннего утра в Градоначальство поступали донесения, что в рабочих кварталах, в особенности в Замоскворечье, наблюдается большое возбуждение. Рабочие собираются группами, обсуждают события вчерашнего дня и, по слухам, собираются отправиться всей массой к Юсупову просить его очистить Москву от немцев, предварительно отслужив на Красной площади молебен о даровании победы нашей армии. В то время как Адрианов, диктуя телеграмму, взволнованно ходил по комнате, над моим ухом раздался телефонный звонок и какой-то встревоженный женский голос вызвал Градоначальника. Адрианов подошел к телефону, при первых же услышанных словах страшно побледнел и, бросив трубку, с криком «жандармов», выбежал из комнаты. Решив, что этим криком Адрианов дает

мне приказание вызвать жандармов, я позвонил командиру жандармского дивизиона и сказал, что Градоначальник приказал немедленно выслать в Градоначальство эскадрон. Однако ранее, чем наш разговор был окончен, я услышал сильный шум во дворе Градоначальства и увидел, что находившийся там с утра эскадрон жандармов вскакивает на коней и летит карьером по направлению к Никитским Воротам. Следом за ними умчался на автомобиле Адрианов. Как выяснилось через несколько минут, Адрианову позвонила по телефону казначея Марфо-Мариинской обители В.С.Гордеева и сообщила, что к дому Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, (Великая Княгиня жила в обители на Большой Ордынке) приближается громадная толпа, очевидно желающая произвести какое-нибудь враждебное выступление против Ея Высочества. Слава Богу, все опасения оказались напрасными, толпа даже не попыталась свернуть на Ордынку, а пошла по Полянке, а затем по набережной к электрической станции Общества 1886 года с целью ее разгромления. Мерами полиции, без применения оружия, удалось станцию спасти, но толпа не расходилась, а направилась в центр города, по-прежнему неся Царские портреты и национальные флаги.

Адрианов вернулся в Градоначальство только к часу дня и, наскоро позавтракав, просил присутствовавших (были Григоров, чиновник для поручений и я), ничего не болтая, ехать с ним по городу. Последовало неловкое молчание, которое прервал я, сказав, что если мой костюм (я был в сереньком пиджаке) не неприличен, то я с удовольствием буду его сопровождать. Адрианов ответил, что сейчас не время обращать внимание на костюмы, мы вскочили на автомобиль и помча-

лись к Юсупову. В городе было еще спокойно, и мы, проезжая через центр, не встретили ни одной толпы.

Дворец Юсупова охранялся усиленным нарядом городских и жандармов, но в нем царило полное спокойствие. Не решаясь в своем легкомысленном костюме показаться Юсупову на глаза, я остался в приемной, куда скоро вернулся Адрианов и сообщил мне, что мы едем на Красную площадь, чтобы пригласить от имени Главного начальствующего собравшуюся там толпу к нему, т.к. Юсупов желает с ними говорить. При этом Адрианов добавил мне, что Юсупов очень недоволен тем, что вчера для рассеивания толпы Адрианов пустил в ход нагайки и категорически запретил применять к толпе какие-либо насильственные меры. Мы помчались на автомобиле по Мясницкой, но, не доезжая до Лубянской площади, наткнулись на громадную толпу, которая, заполнив всю улицу и площадь, остановилась перед магазином Шульце и Вейде и, видимо, желала учинить какое-либо насилие. Адрианов, выскочив из автомобиля, вбежал на крыльцо магазина и стал убеждать толпу оставить магазин в покое, а идти к Юсупову, который ее ждет.

Из разговоров с несколькими лицами из толпы я выяснил, что на Красной площади были уже разгромлены магазины Эйнама и Цинделя, и часть толпы осталась там, чтобы окончательно уничтожить эти заведения. На Мясницкой я собственными глазами впервые мог установить состав толпы. Состоя в значительной части из рабочего люда, толпа в то же время поражала большим количеством интеллигентных лиц, находившихся в ней. Все время мелькали студенческие фуражки и жестикулирующие фигуры, которые в чем-то убеждали толпу. Неприятно резало глаз множество военных чинов, находив-

шихся в толпе и принимавших деятельное участие в последующих разгромах. Когда разыгравшийся со всей силой погромы приняли характер простого грабежа, толпа изменила свой внешний вид: интеллигентных лиц уже не было видно, а вместо них толпою руководили самые преступные элементы столицы.

Уговоры Адрианова подействовали на толпу, которая медленно двинулась по Мясницкой. Впереди шел Адрианов, окруженный Царскими портретами и флагами. Однако мирное движение толпы продолжалось только несколько минут. Поравнявшись с магазином Роберта Кенца, середина толпы яростно на него набросилась и мгновенно в окна посыпались сотни камней. Тщетно Адрианов и приказчики убеждали толпу не трогать магазина, представляя бумаги, удостоверяющие русское подданство владельца, ничто не помогало, и выведенный из терпения Адрианов приказал мне вызвать наряд конных городских или жандармов. До этого времени в распоряжении Градоначальника находилось только 6 пеших городских и помощник пристава, которые конечно ничего не могли сделать, тем более, что им было воспрещено применять оружие. Вернувшись к толпе после исполнения распоряжения Градоначальника, я был поражен резко изменившимся настроением толпы. Ранее это были погромщики, уничтожавшие, как это им казалось, вражеское добро, теперь же все это отпало и толпа, не стесняясь, раскрадывала товары. Несколько человек пытались устыдить воров, но это ни к чему не вело и вплоть до окончания немецких погромов разгромы магазинов сопровождались поголовным воровством. Стыдно сказать, но и интеллигентные лица быстро вошли во вкус подобного уничтожения немецкой собственности.

На Кузнецком Мосту при разгроме магазина Вольфа можно было видеть много студентов и курсисток, которые бережно разбирали выброшенные из магазина громами книги, откладывая в сторону те, которые оказались им интересны, и, спокойно сложив свою добычу, с полным достоинством отправлялись домой. Разгром магазина Кенца продолжался часа полтора. Наконец толпе наскучило или она поддалась убеждениям Адрианова, но вся масса всколыхнулась и, имея по-прежнему во главе Градоначальника с Царскими портретами, двинулась дальше. Благополучно дошли до Мясницких ворот, но здесь внимание толпы привлек предусмотрительно закрытый магазин Эйнема, и в одно мгновение щиты с окон и дверей были сорваны, и на улицу сотнями посыпались коробки с конфетами. Подоспевшему взводу жандармов было приказано оттеснить толпу от магазина, но это ни к чему не привело, т.к. жандармам было запрещено применять оружие и в них посыпался град коробок и камней. Адрианов приказал жандармам отойти и терпеливо ждал, когда толпе наскучит громить этот магазин. Однако в целях предотвращения дальнейшего разгрома Мясницкой, он приказал прибывшей пешей роте городских оцепить Мясницкую после Мясницких ворот и направлять толпу в Харитоньевский переулок. Это конечно не удалось, т.к. толпа, зная, что полиции запрещено применять оружие, ни в грош ее уже не ставила и, смело прорвав цепь городских, двинулась дальше и, пройдя один дом, обрушилась на магазин Гогена. Здесь Адрианову надоело смотреть на разгром магазинов, он приказал подать автомобиль и мы с ним уехали к князю, поручив чинам полиции продолжать уговаривать толпу идти к Главноначальствующему. Во время разгрома магазина Эйнем у меня с Адриановым произошел весьма

любопытный разговор. Возмущенный безнаказанностью громил, я подошел к Градоначальнику и довольно резко высказал ему свое удивление, что глава администрации спокойно смотрит на бесчинства толпы и своим присутствием как бы санкционирует этот возмутительный погром, в то время как несколько выстрелов в воздух были бы достаточны, чтобы толпа в панике разбежалась по домам. На это Адрианов мне ответил, что он лишен возможности применять какие-либо меры против толпы, т.к. Главноначальствующий категорически воспретил ему применять не только оружие, но даже нагайки. К тому же Адрианов добавил, что и Циркуляр Министра Внутренних Дел, о котором я говорил выше, лишает его возможности слушания Юсупова, ибо Министерство со своей стороны также воспрещает применение оружия. На мое возражение, что Циркуляр имеет в виду продовольственные беспорядки, Адрианов совершенно справедливо заметил, что раз ему воспрещено применять оружие по отношению к толпе, громящей лавки русских купцов, то тем более он не имеет право оружием разогнать толпу, громящую немецких купцов, т.к. это вызовет страшное возмущение всей России, тем более, что громилы идут с Царскими портретами и национальными флагами. Искренно любя и уважая Адрианова, я был глубоко огорчен той жалкой ролью, которую ему приходилось играть, благодаря Юсупову и Маклакову, во время этих беспорядков и потому тут же предложил ему вернуться в Градоначальство и, пользуясь правами Свитского генерала, послать Государю телеграмму, что вследствие категорического воспрещения Главноначальствующего и Мининистерства Внутренних Дел применять оружие, он лишен возможности спасти Столицу от разгрома, почему, сознавая свою бесполезность в деле подавления

беспорядков, он устраняет себя от должности Градоначальника, о чем одновременно уведомить и Юсупова. Адрианов выслушал меня, задумался, но немного погодя сказал, что он обязан до конца оставаться на своем посту и просил больше с ним на эту тему не говорить. Впоследствии, находясь под судом за бездействие власти, он часто напоминал мне этот совет и выражал сожаление, что тогда не последовал ему.

В этот приезд мы застали Юсуповский дворец в большом волнении, чем три часа тому назад. Взволнованный всем происшедшим, я забыл о несоответствии своего костюма и прошел вместе с Адриановым прямо в ту залу, где сидел Юсупов, его жена и все прибывшие к нему в это время власти.

Как известно, дворец Юсупова один из старейших и интереснейших домов Москвы. Выстроенный, если не ошибаюсь, во времена Царя Алексея Михайловича, дом князей Юсуповых со всеми подробностями сохранил внешность XVII-го века. Палаты дворца были наполнены мебелью того времени, всюду стояли большие дубовые скамьи, массивные столы, покрытые парчовыми скатертями. В шкафах были расставлены гранованные золотые и серебряные ковши и посуда и все мелочи, украшавшие столы и полки были той же эпохи. Как сейчас помню мое изумление, когда в комнате, где печатали на пишущей машинке, я заметил небольшой серебряный ковш, пожалованный Царем Борисом Годуновым одному из бояр Юсуповых, употребляемый в качестве пепельницы. Принимал князь в большой палате, сидя в углу под образами на дубовой скамье перед большим столом, а остальные сидели или на табуретах или же на других скамьях, расставленных по стенам. Надо сказать, что внешний вид присутствовавших мало гармонировал с обстановкой. Военная форма еще не так резала глаз,

но модное платье княгини и мой серенький пиджак отнюдь не способствовали красоте общей картины. Впрочем, кажется, никто кроме меня о красоте и не думал. Княгиня была страшно перепугана всем происходившим. Как мне удалось выяснить несколько позднее из разговоров с ней, она была убеждена, что немецкий погром через несколько часов превратится в революционное восстание и безумно боялась за своего мужа. Она требовала решительных мер против толпы, и большинство присутствовавших, в том числе Губернатор граф Муравьев, адъютант князя штабс-ротмистр О. и еще какие-то их приближенные, поддерживали ее мнение. Начальник Штаба генерал Оболев, как всегда, совершенно спокойно взирал на всех, но на лице его было написано такое отвращение ко всему происходящему, что мнения его спрашивать было излишне.

Адрианов, горячась, докладывал князю о положении Столицы, а я в это время рассказывал княгине все виденное и слышанное мною. Узнав из моих слов, что я, как и она, возмущен бездействием власти, она резко перебила доклад Градоначальника (насколько я заметил, княгиня не любила Адрианова и считала что весь погром умышленно вызван им, чтобы подвести князя) и потребовала, чтобы князь выслушал мой рассказ. Я повторил все уже мною рассказанное, присовокупив свое мнение о необходимости немедленно пустить в ход оружие. Юсупов с любезной улыбкой выслушал меня и, повернувшись к остальным, сказал: «Это нарыв, который должен был прорваться. Во всем виноват Петроград». Эту фразу я слышал от него в течение этого дня еще раз десять и, видимо, это было его твердое убеждение.

Несмотря на трудность положения, я в течение нескольких минут откровенно любовался его спокойствием. Казалось,

что ни рев толпы, доносившийся от Красных ворот, ни шум разрушаемых магазинов, ни взволнованные и испуганные лица всех присутствующих не могут нарушить его душевного равновесия и на все происходившее он смотрел не только равнодушно, но минутами даже сочувственно. Вышедшая на несколько минут из комнаты, чтобы спросить по телефону у Щербатовых, что происходит на Красной площади, княгиня быстро вернулась обратно и взволнованно сообщила, что ей по телефону позвонил владелец музыкального магазина на Петровке Мюллер и сказал, что толпа собирается разгромить его магазин и умолял о помощи. Выслушав ее рассказ, князь переспросил фамилию владельца магазина и, узнав, сказал спокойно: «немец». На слова княгини, что он русский подданный, Юсупов с тем же спокойствием добавил: «это такие же мерзавцы, как и настоящие немцы». Однако княгиня, очевидно не успокоенная этими доводами, продолжала настаивать на необходимости защитить его, и тогда князь приказал мне передать по телефону в участки, чтобы послали к этому магазину нескольких городских. Тут же он просил меня передать его распоряжение Начальнику Охранного Отделения о немедленном производстве обыска в магазине сельскохозяйственных машин Эмиля Лингарта т.к. ему сообщили, что там имеется склад снарядов. На мое возражение, что Лингарт русский офицер, князь ответил: «Все равно, это для них полезно».

К этому времени оставленная нами на Мясницкой толпа подошла наконец к дворцу князя и последний приказал ввести к нему депутацию от этой толпы. При приеме этих людей я не присутствовал, но вскоре после их ухода князь вызвал меня и приказал передать прокурору Суда его распоряжение об освобождении из-под стражи арестованных накануне за погром и

убийство на фабриках Винтера и Шрадера человек 20 рабочих. С.Д.Тверской с удивлением выслушал мои слова и насмешливо спросив, не придумал ли Главнокомандующий какого-нибудь более подходящего средства для прекращения беспорядков, заявил, что арестованные еще в его распоряжение не переданы, а по этому он лишен возможности не исполнить распоряжения князя, т.к. этого бы он никогда не сделал, но воспрепятствовал бы его исполнению. Однако переданные мною князю в смягченных выражениях слова прокурора не изменили его намерения, и тут же был отдан приказ полиции немедленно освободить всех арестованных накануне. Это освобождение, конечно, еще более убедило толпу в ее полной безнаказанности.

В это время Юсупову кто-то протелефонировал, что снова дому Вел. Княгини угрожает разгром и он просил Адрианова съездить туда. Адрианов, пригласив меня, вскочил в автомобиль, и мы отправились на Ордынку. Доехать было не так просто, т.к. почти все улицы были запружены громилами, и нам пришлось раз 15 сворачивать с прямой дороги, раньше чем мы добрались до назначения. На Красной площади мы встретили Челнокова, который из автомобиля делал отчаянные знаки Адрианову, показывая на толпу, но мы не остановились.

На Ордынке царило безмятежное спокойствие и только по соседним улицам вереницами двигались мужчины и женщины, неся домой награбленное добро. Где-то по соседству с Пятницкой разгромили кожевенный завод, и все Замоскворечье было запружено двигающимися кожами, под которыми совершенно не было видно людей. Картина предоставленного на разграбление города самым удручающим образом подей-

ствовала на Адрианова. Он как-то сразу осунулся, сгорбился и хранил полное молчание, тем более, что от уговоров толпы он очень охрип. В шестом часу мы вернулись в Градоначальство, но вскоре снова выехали в город.

Москва имела ужасающий вид. Все окраины переселились в центр и, разделившись на кучки, громили отдельные магазины, громили уже не различая немецких магазинов от русских. Грабеж и дележка происходили тут же на улице, и громили, вытаскивая какие-нибудь товары из магазина, любезно оделяли ими прохожих. Кузнецкий мост представлял довольно необычайное зрелище. В начале его был разгромлен магазины Цинделя и Жирардовской Мануфактуры. Вся улица была завалена материей, все что можно было тащили, остальное рвали на части и разбрасывали по улице. Здесь было бабье царство, и мужчин было мало. Немного выше громили магазин Гр. Гаракса, и улица была завалена битым хрусталем, тут же валялись книги и ноты (магазины Вольфа и Гутхайля), но самое своеобразное зрелище получалось при взгляде на музыкальный магазин Циммермана: из окон 2-го этажа медленно и плавно вылезали большие (преимущественно Бехшрейна) рояли и с грохотом и каким-то стоном падали на мостовую. Разбитый рояль немедленно, как стая мух, окружали мальчишки и с криком начинали рвать струны, а в это время в соседнем окне показывался новый рояль, гармонь, балалайка и пюпитр с нотами.

Трудно описать всю картину разрушения. К вечеру мужская часть громил набросилась на винные погреба и началось повальное пьянство, а вслед за тем громили начали поджигать разгромленные владения. К 12-ти часам ночи 28-го мая Москва пылала в 60 местах, и пожарные команды были бессильны

справиться с пожарами. Чины полиции, сознавая свою беспомощность, равнодушно взирали на погромы и только изредка заступались за отдельные магазины, объявляя толпе, что это «русские». Толпа спокойно подчинялась и молча шла громить соседний магазин. До какой степени легко было разогнать толпу можно видеть из того, что мой отец, носивший тогда, ввиду его призыва, военную форму, угрожая шашкой, один отогнал целую толпу от Жирардовского магазина. Конечно по его уходе толпа вернулась и продолжала грабить этот магазин. На вопрос посторонних, почему не прекращают этот погром, чины полиции отвечали стереотипной фразой: «Не приказано».

Обежать мне в этот злополучный день не пришлось, т.к. по возвращении в Градоначальство мне было передано по телефону распоряжение Юсупова явиться к нему во дворец в 8 часов вечера. Приехал я туда с Адриановым, и князь сказал мне, что придется совместно с генералом Оболеневым и с личным секретарем князя Воронцовым составить от его имени обращение к московскому населению, призывая его прекратить погром. Через несколько минут князь снова вышел в приемную, сопровождаемый Адриановым, полицмейстером Севенардом и еще какими-то лицами, сказав мне, что по составлении объявления надлежит отвезти его в Городскую Думу, куда он отправляется сейчас по приглашению Городского Головы. Прождав минут двадцать, я отправился искать кого-нибудь из лиц, указанных Юсуповым в качестве составителей обращения и после долгой прогулки по княжеским палатам нашел их в будуаре княгини, где они под ее диктовку заканчивали этот документ. Через несколько минут мы сели с генералом Оболеневым в автомобиль и поехали в Думу. По дороге,

при виде погромных толп, Обошешев все время выражал негодование на бездействие властей, указывал на то, что нескольких городских достаточно, чтобы разогнать любую толпу громил и добавил, что раз находят, что полиции недостаточно (один из доводов Севенарда, оправдывающий бездействие полиции), то надо было немедленно вызвать воинские части с ходынского лагеря. На мой вопрос, уверен ли он в том, что войска исполнили бы свой долг, а не присоединились бы к толпе, Обошешев пожал плечами и сказал: «А черт их знает. Новицкий (начальник запасной бригады) говорит, что они будут стрелять».

Городская Дума имела совершенно необычайный вид. Вся площадь перед Думой была запружена народом, который с трудом оттесняли от здания Думы конные городовые. Все окна были залиты светом, в вестибюле толпились чины полиции и корреспонденты. Быстро поднявшись с генералом Обошешевым на второй этаж, мы выяснили, что гласные заседают в малой зале и там же находится и Юсупов с Адриановым и вошли туда. Я часто бывал на обычных заседаниях Думы и поэтому своеобразное зрелище, представившееся моим глазам особенно меня поразило. В середине длинного зала стоял громадный стол, в конце которого, занимая центральное место, сидел Юсупов. Направо от него Адрианов и еще несколько лиц из свиты Юсупова. По нашем прибытии Обошешев занял место около Адрианова, а я примостился возле него. Налево от Юсупова сидел Челноков, рядом с ним мой отец и дальше члены Управы, а гласные облепили весь стол с остальных сторон и в момент нашего прихода с напряжением и вниманием слушали речь Челнокова, Городской Голова обратился к Главнoначальствующему от имени города с просьбой

прекратить этот возмутительный погром и выражал удивление, что в течение всего дня власти бездействовали и равнодушно взирали на учиняемые безобразия. Он говорил с жаром, рисовал отвратительные картины происходящего погрома и указывал на опасность для Столицы находиться в руках озверевших и пьяных людей. Закончил Челноков свою речь требованием принятия самых решительных мер к подавлению беспорядков.

Во время этой речи я внимательно наблюдал за всей картиной заседания и скоро понял, что вряд ли когда-нибудь в жизни мне придется увидеть что-либо подобное. Вероятно, подобный вид имело заседание Парижского муниципального Совета в ночь с 24 по 25 февраля 1848 года.

Гласные были страшно перепуганы всеми событиями. Казалось, что большинство из них, забыв об интересах города, думали только о безопасности своих фабрик, домов и семей. Говоря современным языком, это были в конец перетрусившие буржуи, которые все время выбегали в соседние комнаты к телефону, узнавши какие-нибудь новые известия об увеличивающихся погромах или пожарах и возвращаясь в залу громко сообщали о полученных новостях, абсолютно не считаясь с говорящим в это время оратором. Особенно мне врезалось в память бледное испуганное лицо И.Д.Морозова, перебившего Н.И.Гучкова и умолившего Юсупова послать охрану к складам его фабрики, которую по слухам собираются разгромить.

С белым светом электричества, освещающего залу, боролось красное зарево пожара, и в окна Думы было хорошо видно горевший на Петровке дом Кредитного Общества. К шуму пожара присоединялся рев толпы, окружавшей здание Думы, все время порывавшейся проникнуть внутрь и оттесняемой

конными городовыми. Этот рев то смолкая, то возрастая напоминал шум моря во время бури и это еще более влияло на настроение гласных. Резкий контраст с той волнующей, испуганной залой представляла массивная фигура Главногоначальствующего. Его равнодушное лицо и вся фигура дышали таким спокойствием, в его жестах сквозила такая уверенность в том, что все, что происходит — пустяки, о которых, собственно говоря, не стоит и говорить, что я был невольно покорен этой душевной простотой. Лениво приподнявшись, князь спокойным голосом стал довольно складно отвечать Челнокову. В том, что происходит он не видит никакой опасности для города. Надо дать вылиться народному негодованию: «Это нарыв, который должен был прорваться. Во всем виновен Петроград». Не мог же он в течение 3 недель распутать то, в течение целого года систематически путали распоряжениями из Петрограда. Закончил свою речь Юсупов изумлением по поводу слов Городского Головы об озверевших людях на улицах: «Я, направляясь в Думу, внимательно следил по сторонам и никаких озверевших людей не видел. Я видел радостно настроенных жителей Москвы, расходившихся по домам с отнятым у их врагов добром, подобно тому, как в Святую Христову ночь православные люди возвращаются по домам с освященными куличами и пасхами, и я не вижу в них опасности».

Слова Юсупова более изумили, чем успокоили присутствующих и после него выступил Н.И.Гучков, который резко напал на полицию, обвиняя ее во всем, что произошло в городе. Юсупов нашел нужным опровергнуть слова Гучкова, но почему-то поручил это не Адрианову, а Севенарду. Последний, отличаясь большим нахальством и самоуверенностью, вместо

того, чтобы просто объяснить бездействие полиции нежеланием высших властей вызывать во время войны кровопролитие в сердце России, в пространной речи пожелал разъяснить гласным причины погрома. Он касался и погромов в Лондоне и немецких зверств по отношению к военнопленным и разрушения Рейнского собора. Словом, излагал то, что давно и всем было известно. Однако все это окончилось бы благополучно, если бы в конце своей речи он не сказал одной глупости и одной гнусности. Первую он произнес, касаясь малочисленности чинов полиции, заявив, что полиция теперь нужна не для восстановления порядка в городе, а для охраны высокопоставленных особ, но наиболее гнусное впечатление произвели на всех его слова о том, что на войско теперь нельзя положиться, ибо оно вместе с толпой грабило магазины.

При общих криках негодования вскочил Оболезев, который сказал, что являясь в зале единственным представителем армии (это было особенно пикантно при наличии Юсупова, бывшего генерал-адъютантом и командовавшего войсками округа) он должен ответить на нанесенное ей оскорбление: «Статский Советник Совенард позволил себе произнести публично наглую ложь. Войска в погроме участия не принимали. Никто их для подавления беспорядков не вызывал и поэтому никто не имеет право говорить, что на них нельзя положиться». Последние слова Оболезева были встречены громом аплодисментов. Гласные повскакали с мест, жали ему руки и благодарили за защиту армии. Севенард стушевался, Адрианов бледный и взволнованный громко говорил, что все обвинения против полиции он принимает на себя, т.к. в течение 7-летнего управления Градоначальством отучил городских от

рукоприкладства, а благодаря этому теперь при воспрещении им применения оружия, они ничего не могут сделать.

Юсупов по-прежнему спокойно обводил глазами всех присутствовавших и очевидно не понимал, что слова Оболенева были для него оскорбительны. Когда общее возбуждение немного улеглось, мне удалось дать Юсупову на подпись составленное и незадолго до того прочитанное гласным обращение, и он, подписав его, просил меня тут же внести некоторые исправления, сообразуясь с просьбой Челнокова. Когда это было мною исполнено, я вернулся в залу, но она уже опустела и только в кабинете Городского Головы оставалось несколько гласных, окруживших Оболенева, отдававшего по телефону распоряжения о вызове из лагеря воинских частей для охраны города.

У меня сложилось впечатление, что Оболенев делал это на свой страх и риск, т.к. в эту же самую минуту Юсупов, выслушав в вестибюле рапорт брандмайора о том, что с пожарами справиться невозможно, а также просьбу Адрианова разрешить действовать оружием, сказал: «Сегодня можете действовать нагайками, а завтра увидим».

Возвращаясь из Думы в Градоначальство я увидел, что распоряжение Юсупова о нагайках было быстро приведено в исполнение. На Тверской встретил бегущую толпу громил, за которой гнались конные городовые, осыпая их ударами нагаек, а Адрианов, стоя на автомобиле, кричал: «Бей эту сволочь». Тут же он дал по физиономии одному пьяному прапорщику, который, видимо, не рассмотрев свитские погоны Градоначальника, начал резко критиковать его распоряжения.

Наступление ночи и проявленное полицией желание несколько воспрепятствовать грабежам, прекратили на некоторое время погром, но с утра 29 мая он вспыхнул с новой силой. Однако скоро громилы убедились, что отношение к ним властей за ночь резко изменилось. По всей Москве были разсланы воинские патрули, рассеивавшие толпы громил. Все важные пункты и в особенности центр города были оцеплены войсками, и проход толпе был воспрещен. Наконец и полиция, увидав, что двинуты войска, поняла, что сегодня можно действовать иначе, чем вчера, и проснулась от своей вынужденной спячки. Однако официально применение оружия к толпе еще не было разрешено да, кажется, и вообще словами это распоряжение никогда выражено не было, но вызов войска совершенно ясно показал, что Администрация решила далее погромов не допускать. Адрианов всю ночь провел на улице и даже утром не вернулся в Градоначальство. Его неофициальный помощник полицмейстер Севенард также где-то застрял, и в Градоначальстве не оставалось ни одного человека, могущего давать полиции руководящие указания. Поэтому я решил остаться в кабинете Градоначальника, собирать получаемые сведения о положении в городе, давать приставам соответствующие указания и советы и стараться вместе с тем войти в связь с Градоначальником и докладывать ему о происходящем. Последнее к сожалению мне не скоро удалось, а одно время в Градоначальство со всех сторон стали поступать сведения, что Адрианов убит кем-то в толпе. Давать указания приставам было также не легко, т.к. я сам хорошенько не знал, чего хотят сегодня московские Градоправители. В 12 часов дня мне позвонил пристав 2-го участка Тверской части и сообщил мне, что толпа, намереваясь разгромить какой-то магазин напират

на полицию и войска и что без применения оружия остановить ее нельзя. Приставу же никаких распоряжений о применении оружия дано не было, он тщетно искал Адрианова и Севенарда и теперь обращается ко мне за советом. Я тоже встал в тупик, но затем посоветовал этому приставу сдать руководство прекращением беспорядков в этом районе командиру посланной туда для поддержания порядка воинской части, а самому вместе с полицией стать под его начальство. Пристав послушался моего совета и через несколько минут картина в этом месте — Газетный переулок — резко изменилась.

Когда продолжавшая напирать на солдат толпа, несмотря на предупреждения офицеров, не пожелала разойтись, командир воинской части приказал дать в толпу залп, после чего все в панике разбежались, оставив несколько раненых на улице. Стреляли еще на Сухаревской площади, где вся толпа была пьяна, т.к. был разгромлен по соседству водочный завод Гиттишера, и тоже с самыми лучшими результатами. Всего за этот день, если не ошибаюсь, в Москве было убито 4 человека и ранено 28. Выстрелы раздавались в разных концах Москвы и отрезвляющим образом действовали на обнаглевшую толпу, только теперь получившую возможность убедиться, что начальство желает, чтобы его приказания исполнялись, что шутить оно не будет и что погрома оно не одобряет. Конечно все это было сделано слишком поздно, т.к. два-три выстрела 28 мая спасли бы город от погрома, стоившего России по приблизительному подсчету Московского Съезда Мировых Судей (?), более 200 миллионов.

В тот же день, часов в 12 утра мне позвонил по телефону от Юсупова Начальник Штаба Обошешев, который сказал, что Юсупов приказал мне немедленно составить постановление об

объявлении Москвы на осадном положении, которое тотчас отпечатать и расклеить на улицах. Я возразил Оболеневу, заявив, что осадное положение применяется только в крепостях и то в тех случаях, когда им угрожает неприятель, а что обыкновенные тыловые города в самых крайних случаях объявляются лишь состоящими на военном положении и для этого требуется Высочайшее повеление. Выслушав мои слова Оболенев сказал: «Делайте, мой дорогой, как хотите, но распоряжение князя я Вам передал».

Вернувшись в свой кабинет я быстро просмотрел Свод Законов и, убедившись в своей правоте, решил, что необходимо немедленно ехать к Юсупову, а для придания своим словам большего веса, захватил с собой Управляющего Канцелярией Градоначальника И.К.Дуропа. Подъезжая к крыльцу юсуповского дворца, мы встретили самого князя, садившегося в автомобиль. Он приветливо мне улыбнулся, сказал, что скоро вернется и просил в его отсутствие заготовить объявление Москвы на осадном положении и Обязательное Постановление, воспрещающее выход на улицу от 8 час. вечера до 6 час. утра. «Надо прекратить это безобразие», — сказал князь и вскочил в автомобиль. С Дуропом он не разговаривал, т.к. говорил, что Дуроп *est un triste sire* и что его печальная внешность действует ему на нервы.

Оставшись одни, мы быстро составили обязательное постановление о воспрещении выхода на улицу, а также на всякий случай заготовили два постановления, одно об объявлении Москвы на осадном положении, а другое на военном положении. Последнее можно было обставить с известным намеком на законность, т.к. закон предоставлял Командующему Армией на театре военных действий право самостоятельно

без Высочайшего Повеления объявления местности, оккупируемые его войсками, на военном положении. Мы же делали натяжку и приравнивали Юсупова как Главного Начальника Округа к Командующему Армией, а московский Округ к театру военных действий.

В это время меня вызвал к телефону вернувшийся в Градоначальство Адрианов и узнав зачем я у Юсупова, умолял меня отговорить князя от объявления Москвы на осадном или военном положении. Скоро прибыл князь и меня вызвали к нему. Взяв у меня заготовленные постановления, он просмотрел их и одобрил. От объявления осадного положения легко было его отговорить, т.к. князь на нем не настаивал, но за военное положение он держался цепко. Он категорически утверждал, что он равен по правам Командующему Армией, что он даже выше его, т.к. Государь, назначая его в Москву, сказал ему, что его власть безгранична и что он подчинен только одному Царю. Наткнувшись на такие препятствия, мне пришлось изменить тактику и я спросил князя, зачем ему нужно военное положение, на что он мне ответил, что ему надоели эти безобразия и что он желает решительным образом положить им конец.

Тогда я стал его убеждать, что представленные в его распоряжения Положения о чрезвычайной охране полномочия громадны, что они почти не отличаются от прав предоставляемых ему военным положением и что всякое мероприятие, которое он желал бы предпринять для прекращения беспорядков может быть основано на Чрезвычайной Охране. Князь начал поддаваться и в разговоре даже сознался, что мысль об осадном или военном положении ему подал Городской Голова. Услышав это, я еще более горячо стал доказывать бесцельность

введения военного положения и в конце концов выяснил, что все это требовалось лишь для издания обязательного постановления о воспреещении выхода ночью на улицу. Я вспомнил, что подобное Обязательное Постановление было издано в 1905 году Губернатором Дубасовым на основании Чрезвычайной Охраны и, немедленно исправив составленное мною прежде, представил ему таковое на утверждение. Князь тут же подписал, приказав немедленно его опубликовать, и остался очень доволен мною и всем этим происшествием. На следующий день он даже говорил с Адриановым о желательности назначения меня помощником Градоначальника, вместо устраненного им Заккита, и эта мысль была отставлена лишь вследствие указания Градоначальника, что Министерство никогда не допустит такого назначения, ввиду моей молодости (мне было тогда 24 года).

К вечеру 29 мая можно было считать погромы ликвидированными. Центр города носил ужасающий вид, все было разбито и разграблено, но оживленные толпы москвичей уже сновали по улицам, с любопытством рассматривая последствия двухдневного хозяйничанья черни.

Надо сказать, что бездействие власти вызвало страшное раздражение среди интеллигентных классов Москвы, и со всех сторон на Юсупова, Адрианова и полицию сыпались самые тяжкие обвинения. Кадетская партия не могла упустить такого удобного случая на законном основании выступить против Правительства, и через несколько дней Городская Дума постановила ходатайствовать через Министерство Внутренних Дел о назначении Сенаторской ревизии по поводу происшедших беспорядков, при чем все хорошо понимали, что главным виновником всех этих событий являлся Юсупов, и что всякий

удар, направленный в него, попадает рикошетом в самого Царя, т.к. помимо родственных отношений князя с Царствующим Домом, было известно, что его назначение в Москву было следствием личного желания Государя. Положение Адрианова казалось также разбитым, и мы все чувствовали, что ему не долго оставаться на должности Градоначальника.

Первого июня Юсуповым было получено письмо от Макакова, в котором тот его уведомил, что узнав от своего товарища Джунковского о подробностях московских погромов, он предлагает Адрианову подать прошение об отставке, причем уже имеется Высочайшее Повеление об увольнении его в отставку без прошения, в случае неисполнения им требования Министра, и что на его место назначается ростовский Градоначальник генерал Климович. В деле отставки Адрианова сыграл главную роль генерал Джунковский, уже давно его невзлюбивший.

Отличавшийся большой злопамятностью, Джунковский, помимо противодействия Адрианова в немецких делах, не мог простить ему нескольких щелчков по самолюбию, нанесенных последним в первое время их совместной службы в Москве. Как я уже говорил выше, вскоре после назначения Адрианова в Москву, уход Генерал-Губернатора Гершельмана сделал его самостоятельным, поставив одновременно в такое же положение и Джунковского, занимавшего тогда должность московского Губернатора. С первых же шагов их деятельности властолюбивый Джунковский заметил, что соседство Адрианова вредит его престижу. Будучи Свитским генералом, человеком придворным и с большими связями, Джунковский никак не мог примириться с тем, что первым после ухода Гершельмана в Москве оказался не он, а Адрианов, незначительный армей-

ский генерал, который благодаря своему положению Градоначальника и старшинству в чине доминировал над ним. Решив изменить такое неприличное для него положение, Джунковский отправился в Петербург, где легко добился от Директора Департамента Общих Дел письма, в котором последний его извещал, что по приказанию Министра Внутренних Дел на Джунковского, ввиду вакантности должности Генерал-Губернатора, возлагается заведывание всеми учреждениями, бывшими в ведении последнего. Министерство, конечно, под такими учреждениями подразумевало московский Лицей, глазную больницу и т.п. благотворительные учреждения, т.к. не могло не знать, что по закону, в случае отставки Генерал-Губернатора, его полномочия распределяются по принадлежности между соответственными Губернаторами и Градоначальниками, если Высочайшим Указом не будет назначено особое лицо для исправления должности Генерал-Губернатора.

Знал, конечно, этот закон и Адрианов и поэтому, когда Джунковский, препроводив копию письма Директора Департамента Общих Дел, уведомил его, что вступил в исправление обязанностей Генерал-Губернатора и просит все дела, представлявшиеся ранее Градоначальником на рассмотрение Гершельмана, направлять к нему, спокойно положил эти письма в свой письменный стол и продолжал самостоятельно управлять Градоначальством. За первыми письмами от Джунковского, продолжавшего считать себя Генерал-Губернатором, последовали новые, все более и более резкие, в коих Адрианову делались выговоры за неисполнение его требований. Адрианов продолжал складывать их в стол, но конечно такое положение долго продолжаться не могло и скоро разыгрался небольшой скандал. В числе прерогатив Генерал-Губернатора, вошедших

после его отставки в компетенцию Градоначальника, была выдача заграничных паспортов, и вследствие этого Иностран- ный Отдел Канцелярии Генерал-Губернатора был подчинен Градоначальнику.

Французский консул, желая ускорить одному своему со- отечественнику процедуру выдачи заграничного паспорта и слыша от Джунковского, что последний заменяет Генерал- Губернатора, случайно встретившись с ним, просил его уско- рить выдачу паспорта, Джунковский тут же написал консулу записку на имя делопроизводителя иностранного отделения, в которой приказывал ему немедленно выдать паспорт. Ничего не понявший делопроизводитель отправился с докладом о происшедшем к Градоначальнику, и Адрианов приказал вы- дать паспорт в обыкновенном порядке, пригласив к себе французского консула и разъяснив ему, что выдача паспортов Джунковского не касается и что впредь ему надлежит обра- щаться к нему. Все это дошло до Джунковского, последовало новое резкое письмо, но Адрианов решил, что больше ждать нечего и отправился с докладом к Министру Внутренних Дел (тогда эту должность занимал Столыпин), положив в карман мундира все письма Джунковского. Он умышленно сам не начал разговор на эту тему, но получив от Министра какое-то серьезное распоряжение, сказал, что ранее его исполнения должен доложить о нем и.д. Генерал-Губернатора. На гневный вопрос Столыпина, кого он под этим подразумевает, Адрианов назвал Джунковского. Столыпин резко спросил, неужели Адрианову неизвестен закон, (о котором я говорил выше), на что Адрианов ответил, что не смотря на то, что он этот закон он хорошо знает, он не может иначе объяснить получаемые им в последнее время письма Джунковского и полагал, что Мини-

стру о действиях московского Губернатора также известно. Просмотрев представленные ему Адриановым письма, Столыпин вспылил и приказал ему оставить их без последствий, но тут же вызвав из Москвы Джунковского, закатил ему такую головомойку, что тот, затаив в сердце чувство мести, скромно извинился перед Адриановым, прося его забыть все происшедшее, как основанное на недоразумении.

После этого Джунковский внешне поддерживал хорошие отношения с Адриановым и, даже перейдя с ним на ты, в душе ненавидел его и искал случая отомстить ему за причиненную ему обиду.

Однако, вызвав своим докладом о московских погромах отставку Адрианова, Джунковский все же не хотел открыто с ним ссориться, почему, узнав о приезде Адрианова после отставки в Петербург, немедленно к нему приехал, старался всячески выразить ему сочувствие и уверял его, что он сделал все от него зависящее, чтобы отговорить Министра от намерения уволить Адрианова, очевидно не думая, что последний через Юсупова отлично знал подробности своей отставки.

Разыгравшийся в Москве немецкий погром нашел себе отклики и в подмосковных местностях, где было довольно много дач, принадлежавших немцам. Было разграблено несколько имений и довольно много домов, но, к счастью, эти безобразия в уезде начались днем позже, чем в Москве и потому московский губернатор граф Н.Л.Муравьев, собственными глазами убедившись к чему ведет бездействие власти, вызвал немедленно воинские части и отправил их на беспорядки. При этом Муравьев, пользуясь большей свободой действий, чем Адрианов, т.к. хотя Юсупов был главноначальствующим и над московским уездом, он мало интересовался

уездными делами, посвятив все свое внимание Москве, приказал подавить беспорядки самым решительным образом и это суровое приказание не только привело к прекращению начавшихся погромов, но и прекратило всякое кровопролитие, т.к. мужики увидели, что начальство настроено грозно и спуска не дает. Во время ликвидации уездного погрома произошел оригинальный, в гоголевском вкусе, случай.

На 20-ой версте Александровской железной дороги имеется станция Немчиновский Пост, недалеко от которой расположен довольно значительный немецкий поселок, населенный преимущественно заграничными немцами, имеющими там собственные дачи. Легко себе представить каким соблазном для «патриотов» явился этот поселок, и в ночь с 28 на 29 мая там начался погром. Громили крестьяне соседней деревни. Для прекращения беспорядков туда была послана 665 ополченческая дружина во главе с ее командиром полковником Хатыбаевым. Последний, прибыв на место беспорядков, немедленно их остановил, но картина разгрома была настолько отвратительна, а рожи мужиков так наглы, что Хатыбаев нашел, что без наказания этого погрома оставить нельзя.

Не имея никаких карательных полномочий, Хатыбаев решил в этих целях использовать самих крестьян, для чего, вызвав к себе старшины, десятских и еще каких-то сельских должностных лиц, он показал им какую-то незначущую бумагу с печатью, сказав, что это Манифест, согласно коему в селах, где были погромы, старосты и десятские подлежат порке. Пришедшие вместе со старостой мужики решили тут же исполнить требование Манифеста и выпороли и старосту и десятского.

После порки староста попросил Хатыбаева дать ему прочесть этот Манифест и когда узнал, что в бумаге собственно говоря такого сказано не было, пришел в сильную ярость, что мужики выпороли его вместе с десятским совершенно без всяких оснований и тут же попросил у Хатыбаева разрешения в свою очередь выпороть мужиков. Хатыбаев конечно ничего не возразил и к вечеру во всем селе не оставалось ни одного не выпоротого мужика. Через несколько дней мужики сообразили, что попали в глупое положение и подали жалобу губернатору на незаконную порку. По расследовании дела было признано, что мужики выпороли друг друга добровольно и жалоба была оставлена без последствий.

С 1-го июня, после подачи Адриановым прошения об отставке, должность градоначальника временно исправлял полицмейстер III-го отделения генерал Золотарев, о котором я говорил выше. Кроме разгромленной Москвы Золотарев получил в свое ведение огромное количество нерассмотренных Адриановым срочных докладов губернатору, т.к. совершенно понятно, что в дни беспорядков Адрианов делами заниматься совершенно не мог, а до этого, со дня назначения Юсупова, он почти все время проводил в его обществе, от чего груды нерассмотренных дел все возрастали и возрастали. Этому содействовало также и отсутствие обоих помощников градоначальника. Добродушный и немного ленивый старик Золотарев пришел в отчаяние, когда делопроизводители понесли к нему кучи бумаг. Желая с одной стороны очистить к приезду его нового начальника все залежи, а с другой сознавая, что ему не по силам добросовестно рассмотреть все эти дела, Золотарев вышел из затруднительного положения тем, что предложил всем делопроизводителям дать ему честное слово и переkre-

ститься на икону, что ничего в этих бумагах преступного нет, после чего, почти в течение целого дня, не читая ни одного дела, подписал все заготовленные бумаги и резолюции и приказал немедленно все исполнить.

3-го июля в Москву прибыл новый градоначальник генерал-майор Евгений Константинович Климович. В московском градоначальстве почти все старые чиновники знали Климовича хорошо, т.к. он раньше уже служил в Москве сначала в качестве начальника Охранного Отделения, а потом в качестве помощника градоначальника по наружной части, причем ушел месяцу через три после назначения градоначальником Адрианова, с которым он завязал самые дружеские отношения, рекомендовал в качестве своего заместителя полковника Модля, с которым он также был очень дружен.

Все говорили о нем как об очень умном и работоспособном человеке и очень приятном начальнике. К сожалению, на меня его назначение произвело очень тяжелое впечатление, т.к. я очень любил Адрианова и смотрел на Климовича, как на человека, может быть и невольно, вытолкнувшего его с его места. Вместе с тем у меня все время гвоздем сидела мысль, что Климович охранник, что вместе с ним в градоначальство проникнет специфический жандармско-полицейский дух, которого абсолютно не было при Адрианове, не любившего ни полиции ни жандармов, и что вследствие этого градоначальство из административного центра Москвы превратится в обыкновенное городское полицейское управление. Должен сказать, что после первых же дней нашей совместной службы я почувствовал ясно, что все мои опасения были напрасны и за 10-ти месячную службу с Климовичем проникся к нему глубочайшим уважением и искренней любовью, как к исключитель-

но порядочному и выдающемуся государственному человеку. Однако встречал его я вначале с тяжелым сердцем и приготовил в уме коротенькую речь, в которой собирался заявить, что ввиду близости секретаря к губернатору я не считаю возможным стеснять его и полагаю необходимым подать прошение об отставке. Первое впечатление Климович произвел на меня не особенно благоприятное. Из вагона выскочил на перрон генерал со стальными пронизывающими глазами в полицейской форме (Адрианов всегда носил свитскую форму и отучил всех нас от полицейского мундира) и слегка прихрамывая, (Климович в 1905 году был ранен бомбой в ногу) начал обходить встречавших и, подходя ко мне, как то особенно сердечно пожал мне руку и сказал, что много обо мне слышал. Я, воспользовавшись случаем, произнес приготовленную мной фразу. Климович, удивленно на меня посмотрев, сказал, что у него никаких кандидатов на мою должность нет, что он только что слышал от Джунковского и Модля много хорошего обо мне и что радовался мысли служить вместе со мной. Я поблагодарил его за его любезные слова и сказал, что в таком случае никакого основания у меня для выхода в отставку нет, но в душе еще этого не решил, т.к. полагал присмотреться, как пойдет дальше наша служба.

Накануне Климовича в Москву приехал А.Н.Тимофеев, назначенный помощник градоначальника вместо Заккита, служивший также раньше в Москве при Трепове помощником управляющего канцелярией обер-полицмейстера, а затем вместе с Треповым перешедший на службу в Петроград сначала в Департамент Полиции, а затем, по прежнему следуя за Треповым, в Управление Дворцового Коменданта. Вместо Модля был назначен помощник бакинского градоначальника

полковник В.И.Назанский, еще молодой человек, но уже известный своей реформой полицейской службы, проведенной им в Баку. Таким образом, весь высший состав градоначальства совершенно переменился и это разрядило сгустившуюся и наполненную, благодаря ссоре Адрианова с обоими своими помощниками, электричеством атмосферу Градоначальства. Простота, доступность и сердечность Климовича сразу разрядили и несколько официальные отношения, возникшие в первые дни после его назначения и в течение всей его службы в Градоначальстве не было ни одной ссоры и ничего недоговоренного и мы, т.е. сам Градоначальник, его оба помощника и я жили дружной семьей.

Происходя, подобно Адрианову, из небогатой дворянской семьи, Климович, окончив Павловское военное училище, вышел в 122 пехотный рязанский полк, откуда скоро перешел в корпус жандармов. Я не помню первых этапов его карьеры, но 1905 год застал его на должности Виленского полицмейстера. Энергично борясь с революционными выступлениями, Климович быстро привлек на себя внимание социалистических партий, и эта честь обошлась ему довольно дорого, т.к. его правая нога была сильно повреждена брошенной в него бомбой. Из Вильны Климович был в 1906 г. переведен в Москву на должность начальника Охранного Отделения, откуда через год он был назначен помощником московского Градоначальника. Начавшаяся через несколько месяцев Гаринская ревизия, несмотря на все старания реквизирующего сенатора, не могла найти в действиях Климовича ничего противозаконного, но т.к. с начала этой ревизии у Гарина очень обострились отношения с Климовичем, он заявил Министру, что Климович ему мешает и последний был вскоре назначен Заведующим Поли-

тическим Отделом Департамента Полиции на правах Вице-Директора.

Во время состояния в должности Товарища Министра Макарова, служба Климовича шла великолепно и он пользовался в своих действиях полной поддержкой, как Макарова так и самого Столыпина. Однако с назначения на место Макарова генерала Курлова в Департаменте Полиции сильно запахло провокацией и Климович, сохранивший доброе имя, даже не смотря на службу свою в Охранном Отделении, решил, что для поддержания его репутации, как честного человека, ему необходимо, как можно скорей, выбраться вон из Департамента. Это ему удалось и, хотя по общему мнению это являлось понижением, он с радостью ухватился за назначение его Керченским Градоначальником. Пробыв там несколько лет, он был переведен на ту же должность в Ростов-на-Дону, а оттуда в Москву, всегда завоевывая себе любовь и уважение обывателей.

Когда после революции Климович, отсидев 8 месяцев в Петропавловской крепости приехал в Керчь, все население устроило ему самую сердечную встречу. Надо добавить, что начав с жандармского офицера и кончив сенатором, Климович остался так же беден, как и при производстве в офицеры. Здесь не безынтересно рассказать о пресловутой Гаринской ревизии, о которой так много говорили в России в течение нескольких лет и которая в конце концов ничего кроме несколько раздутых и почти во всех случаях провалившихся обвинений не дала.

До Министерства Внутренних Дел в 1907 году уже несколько месяцев доходили слухи о взяточничестве тогдашнего московского Градоначальника Рейнбота, которого в Министер-

стве не любили за слишком большую самостоятельность, и оно решило произвести об этом негласное расследование, командировав для этого в Москву под предлогом ревизии Сыскной Полиции чиновника Министерства, впоследствии члена Совета Министра, Заюнчковского, которому было поручено параллельно собирать сведения о Рейнботе. До последнего скоро дошли об этом слухи, и он решил положить этому конец. Вызвав к себе в присутствии Климовича Заюнчковского он наорал на него и заявил, что если только он позволит себе, превысив свои официальные полномочия, собирать сведения о Градоначальнике, то он в 24 часа будет выслан из Москвы, Узнав об этой истории, Столыпин страшно возмущился дерзостью Рейнбота и испросил Высочайшего назначения Сенаторской ревизии его деятельности.

Это было как раз в ту эпоху, когда Столыпин поставил себе целью выбить из Губернаторов и Градоначальников дух самостоятельности и превратить их в обыкновенных чиновников Министерства Внутренних дел. Ревизующим Сенатором был назначен бывший Директор Департамента Полиции Гарин. Прибыв в Москву, этот рьяный ревизор решил, что ревизия только тогда достигнет своей цели, когда все ревизуемые, но главное Рейнбот, попадут под суд. Поэтому он начал с допросов подчиненных, причем каждому обещал, что в случае их показания против Градоначальника он исхлопочет им повышение. В частности, он особенно наседавал на Климовича, сначала обещая ему за неблагоприятные Рейнботу показания добиться назначения его на должность московского Градоначальника, а затем вследствие этого отказа, угрожал и самого его связать под тем или иным соусом с Рейнботом. Часть чинов Полиции пошли более охотно на провокацию Гарина и

даже на более серьезные показания против Рейнбота, но впоследствии на суде почти целиком отказались от своих слов.

Назначение Климовича в Москву было встречено несочувственно, и в особенности в левых кругах, главным образом вследствие его жандармского прошлого. Через несколько дней после этого Челноков был у Министра Внутренних Дел Маклакова и, если верить его рассказу, имел с ним следующий разговор. На вопрос Маклакова, доволен ли он новым Градоначальником, Челноков ответил, что он совсем не знает Климовича и потому мнения своего он еще не составил, но вообще думает, что на должность московского Градоначальника можно было бы найти и не жандарма. «Что Вы, что Вы, — замахал на него руками Маклаков, — Климович то ничего, а вам хотели назначить Спиридовича». Непомнящий эту фамилию Челноков спросил, кто это, на что Министр ответил: «Да ведь это тот, который убил Столыпина». Удивленный таким ответом Челноков, спросил: «Что же теперь этот Спиридович делает?» получил ответ: «Он охраняет особу Государя».

Но во всяком случае о кандидатуре Спиридовича вопрос поднимался и я даже, шутя, искал место, куда бы спрятать в случае его назначения висевший в моем кабинете большой портрет Столыпина.

С первого же дня вступления в должность Климович занялся вопросом об организации надлежащей охраны города на случай возникновения новых беспорядков. Было устроено несколько совещаний высших чинов полиции совместно с военными властями. Разработали целый план охраны города и разделения его на районы. В каждом районе все силы полиции были объединены под начальством одного лица и вместе с тем было установлено, какая воинская часть приходит на помощь

полиции каждого района. Военное ведомство, сообразно с делением на районы, также назначило своих районных начальников. Последние вошли в тесный контакт с намеченным полицейским начальством, связавшись телефонами с участками и казармами, и таким образом подробный план охраны города был проведен в жизнь. Разыгравшийся немецкий погром дал хороший урок администрации. Майские дни выяснили полную беспомощность полиции в случае запрещения действовать оружием. Только одни конные городовые имели нагайки, у жандармов же и пеших городских кроме огнестрельного оружия и шашек ничего не было, и это лишало их возможности без кровопролития рассеивать толпу. Поэтому жандармам было приказано немедленно завести нагайки, с пешими же городовыми было труднее, т.к. в пешем строю нагайки почти бесполезны. Тогда Климовичу пришла мысль снабдить городских, подобно английской полиции, резиновыми палками. В этом отношении мне удалось ему помочь, т.к. мой тесть, В.С.Татищев был председателем правления резиновой фабрики «Богатырь» и вследствие этого у меня были близкие отношения с директорами этой фабрики. Через несколько дней мы уже получили 1000 резиновых плеток, и вторая тысяча была получена недели через две. Рабочие фабрики отнеслись сначала весьма подозрительно к заказу плеток, но администрация разъяснила им, что плетки предназначаются для военнопленных, и рабочие с удовольствием принялись за работу. Но, к сожалению, богатырские рабочие при первых же беспорядках убедились на собственном опыте в назначении плеток и один зазевавшийся фабричный мастер, получивший по спине хороший удар, почесываясь, заявил кому-то из фабричной администрации, что он сразу узнал плоды своих рук.

Вообще немецкий погром сильно укрепил положение московской администрации. Юсупов, смущенный всем происшедшим, уже не пытался давать руководящие указания Градоначальнику и вскоре, отрешенный от командования войсками, переехал в Петербург и лишь оттуда продолжал управлять Москвою, обыкновенно подписывая без всяких возражений посылаемые ему Климовичем бумаги. Министерство также поспешило откреститься от циркуляра, воспрещающего применять оружие и даже сменивший вскоре Маклакова либеральный министр князь Щербатов, счел необходимым усилить московскую полицию и в распоряжение Градоначальника были присланы в Москву три сотни казаков и Варшавский Гренадерский дивизион, после эвакуации Варшавы находившийся на фронте и обслуживающий Штабы армии. Конечно нельзя себе представить, что по окончании немецкого погрома московская чернь потеряла охоту устраивать беспорядки. В течение лета и осени в Москве было несколько случаев возникновения уличных беспорядков, но все они быстро прекращались полицией. На 8 июля было назначено всенародное моление на Красной площади о даровании победы, и кадетские круги забили тревогу, говоря, что администрация снова желает вызвать беспорядки и что рабочие предполагают воспользоваться этим днем, чтобы на этот раз учинить разгром предприятий, торгующих предметами первой необходимости. Молебна уже отменить было нельзя, но прошел он в полном порядке. На всякий случай вся полиция была поставлена на ноги, а из лагерей были вызваны под предлогом парада все воинские части. Очень возможно, что эти меры подействовали на толпу, но никакого поползновения на учинение беспорядков, несмотря

на то, что на Красной площади собрались десятки тысяч пролетариев, проявлено не было.

Вообще я должен сказать, что по собственному опыту я убедился, что когда все ожидают беспорядков, последних никогда не бывает, а возникают они совершенно случайно, как будто даже стихийно, в тот момент, когда о них менее всего думают. Так было, например, сравнительно скоро после этого молебна — 14-го сентября того же года. Одна из вечерних московских газет, кажется «Вечерние Известия», без ведома Военной Цензуры, напечатала полученные ими неверные известия о взятии союзниками Дарданелл. Возмущенная через час после этого другая вечерняя газета «Время», опровергла эти сведения, но население, желавшее верить нашей победе, ухватилось за первое известие и скоро улицы Москвы, преимущественно Тверская и Страстная площадь, покрылись толпами манифестантов. Сначала все шло хорошо, даже у Иверской часовни был отслужен благодарственный молебен, но затем, настроение толпы, благодаря агитации каких-то темных личностей, вероятно мечтавших о новом погроме, изменилось и сделалось резко враждебным полиции. В последнюю на Скобелевской площади посыпались камни и, когда после этого против толпы были высланы конные городовые, часть толпы отхлынула на Страстную площадь и сделала попытку сделать там баррикаду, повалив несколько вагонов трамвая. Сначала полиция пыталась мирным путем восстановить порядок, но из-за поваленных вагонов сыпался град камней и многие получили серьезные поранения. Тогда жандармам было приказано открыть огонь. Это единственное и правильное средство тотчас возымело свое действие, и толпа в панике разбежалась, оставив трех убитых и несколько ране-

ных. На Бронной еще была попытка напасть на полицию, причем толпу вел с обнаженной шашкой, только что окончивший одну из школ прапорщиков, бывший помощник швейцара (лифт-бой) в гостинице Дрезден, но скоро все в городе успокоилось. В этот день я впервые увидел действие наших резиновых плеток. Городовые, избитые камнями пришли в остервенение и жестоко избивали толпу этими плетками, не отличая хулиганов от приличных людей. Когда я вышел на Тверской Бульвар, то первое, что донеслось до меня, был какой-то резкий, напоминающий свист, шум и только через несколько минут я догадался, что это вызывалось рассекавшими воздух плетками. Городовые настолько неистовствовали, что на следующий день Градоначальник приказал отобрать у них плетки и снабжать их ими только по получении от него приказа.

Через несколько дней разыгрались беспорядки на Сухаревской площади, где впервые обнаружился недостаток в разменной серебряной монете, но после нескольких, не причинивших никому особого вреда, выстрелов, порядок был восстановлен и полиции удалось задержать большое количество хитровцев, которые всячески побуждали толпу разгромить соседние лавки. Насколько я помню, больше никаких серьезных беспорядков до самой революции не было.

Вставка о прапорщиках

Разыгравшиеся в сентябре беспорядки заставили московское военное начальство впервые обратить внимание на ту деморализацию, которую вносили в солдатскую среду скороспелые офицеры, выпущенные из школ прапорщиков. Уже раньше, просматривая свидетельства о благона-

дежности, выдаваемые лицам, желавшим поступить в эти школы, я невольно был потрясен их низким уровнем. Всякий грамотный человек (для поступления в школу кажется было достаточно окончить городское училище), стремился туда, чтобы через 4 месяца нацепить на себя офицерские погоны и стать «благородием». Конечно, у таких лиц понятие об офицерской чести и чести мундира абсолютно отсутствовало, но они быстро усвоили привилегированность офицерского положения, знали, что полиция не имела права их касаться, что за их поведением наблюдает довольно малочисленный и весьма ленивый в Москве комендантский надзор и что единственным наказанием для них во время войны является отправление на фронт, т.е. то, что им и так не избежать. Поэтому их появление в публичных местах всегда сопровождалось скандалами, дракой, руганью и т.п. По большей части они бывали пьяны, и приличная публика при виде «прапорщика» старалась держаться от него подальше. Впоследствии, поступив после революции на военную службу, я имел возможность установить из разговоров с солдатами, что ненависть их к офицерству вообще объяснялась именно поведением скороспелых офицеров, которые всячески старались показать им свою власть и, как малокультурные люди, сопровождали это глумлением, хамством, а подчас и рукоприкладством. В конце 1915 года Военное Начальство не на шутку встревожилось низким уровнем и недостойным поведением окончивших школы прапорщиков офицеров, командующим войсками было предоставлено право разжаловать их без суда в солдаты вместо посыпания градом дисциплинарных наказаний, но, как и следовало ожидать, все

это производилось бессистемно в виде отдельных разрозненных мероприятий и уже не могло спасти армию от деморализующего влияния этих лиц.

Здесь приходится немного отступить назад и коснуться так называемого общественного движения. Как я уже говорил, приблизительно до начала мая кадетская партия и ее послушные чада — Земство, Города и Союзы, держали себя довольно тихо и лишь собирались с силами для предстоящего боя с Правительством. Начавшиеся в это время наши неудачи на фронте, вызванные неподготовленностью Правительства к войне, и в частности недостаток снарядов, окрылили их надежды и с этого времени начинаются уже открытые выступления против Правительства сначала довольно глухие и в мягкой форме, но вскоре, вследствие полной растерянности Правительства, уже более наглые и резкие. Первые выступления вращались вокруг вопроса о необходимости созыва Государственной Думы в целях привлечения народных избранников на совместные работы с Правительством по преодолению трудностей, выдвинутых войной и изысканию способов улучшения снабжения Армии. В этих выступлениях красной нитью сквозило недовольство общества Советом Министров, не сумевшего самостоятельно справиться с затруднениями и желание заменить некоторых Министров людьми более подходящими к выполнению этих ответственных обязанностей.

Надо сказать, что благомыслящая часть общества имела полное основание волноваться за судьбу России, т.к. с каждым днем наша неподготовленность обнаруживалась все в более ясном и грозном виде. Такое положение, естественно, давало могущественнейшее оружие в руки левых партий, но я никогда

бы не решился осудить их за эти выступления, если бы ясно не чувствовал за их патриотическими фразами страстное желание их лидеров, воспользовавшись тяжелым положением Правительства подобраться к казенному пирогу. Прости меня, Господи, но я убежден, что во всех этих выступлениях любовь к России и патриотизм играли самую последнюю роль.

Маклаков и Щегловитов первые почувствовали угрожающую со стороны левых опасность и поэтому на них, равно как и на сконфуженного и в достаточной мере уже оплеванного Сухомлинова, посыпались самые ожесточенные удары. Ставка во главе с Верховным Главнокомандующим, Вел. Кн. Николаем Николаевичем, находившегося под большим влиянием своего Начальника Штаба генерала Янушкевича, негласно покровительствовала и придавала бодрости этим выступлениям, а либеральствующая часть Совета Министров — Сазонов, Кривошеин и гр. Игнатъев, почти открыто поддерживали кадетских деятелей, сообщая им необходимые сведения и устраивая оппозицию Правительству в самом Совете Министров.

Августейший Верховный Главнокомандующий в течение одного года войны в глазах населения России превратился в какого-то военного диктатора. Всем казалось, что со дня объявления войны Великий Князь имеет большое значение в делах управления Россией. Частые поезда Государя в Ставку и связанные туда приезды с докладами Министров еще более усиливали это впечатление и со всех концов России в Ставку на имя Верховного Главнокомандующего посыпались прошения и жалобы по делам, касающимся внутреннего управления страны, так что даже потребовались официальные разъяснения Начальника Штаба Янушкевича о том, что Великий Князь рассматривает лишь дела, непосредственно относящиеся к

командованию Армией. Как это ни странно, но показывавшийся с 1905 года репутацией крайнего реакционера Вел. Кн. Николай Николаевич с начала войны стал всячески проявлять свой прогрессивный образ мысли. Все помнили его либеральные воззвания к полякам и славянам, знали, что Великий Князь во многом не согласен с политикой Совета Министров и что не выносит Военного Министра Сухомлинова, и это давало возможность и левым кругам и прессе, открыто его рекламируя, вместе с тем затемнять его личностью не только Правительство, но и самого Государя. Это обстоятельство, равно как и ожесточенные нападки левых партий на Правительство, начало создавать то трагическое одиночество власти, которое впоследствии послужило главной причиной падения старого строя.

Одновременные наступления германских войск на внешнем и русских либералов на внутреннем фронтах посеяло большую тревогу в рядах Правительства. Маклаков пытался еще противодействовать выступлениям левых. В конце мая Градоначальником была получена телеграмма Министра Внутренних дел, приказывающая предложить московской прессе не касаться вопросов о созыве Государственной Думы и желательности Министерства «Общественного Доверия». Таким названием было прикрыто кадетской партией, проектировавшееся ей парламентарное Министерство, ответственное не перед Государем, а перед Думой. Эти распоряжения были предложены московским редакторам к исполнению под угрозой штрафа и даже закрытия газеты, но все чувствовали, что это последние потуги Правительства и что оно скоро сдаст свои позиции. Действительно, в ближайшие же дни Сухомлинов и Маклаков были уволены в отставку и вместо них были

назначены: Военным Министром — Поливанов, либеральный генерал, друг А.И.Гучкова, а Министром Внутренних Дел — князь Н.Б.Щербатов, главный управляющий коннозаводством, земец и бывший гусар, рекомендованный Вел. Князем Николаем Николаевичем, что являлось определенной уступкой Правительства общественному мнению. Вслед за тем, под ударами левых пали Ober-Прокурор Святейшего Синода Саблер, только что переименовавшийся в Десятовского, и Министр Юстиции Щегловитов. Пост первого занял московский Губернский Предводитель Дворянства А.Д.Самарин, известный своими правыми убеждениями, но считавшийся левыми более желательным, чем Саблер, как служивший почти всю свою жизнь по выборам и чуждый бюрократии. Назначение Самарина вызвало известные надежды и среди правых кругов, которые считали его в течение последних лет своим вождем и выдающимся государственным человеком и надеялись, что он, как человек жизни, а не бюрократ, пользующийся при том особым расположением Государя, так направит деятельность Правительства, что оно, не выпуская власти из своих рук, сумеет вместе с тем стряхнуть со своих плеч бюрократическую рутину и найти верный путь к спасению Родины от угрожавшей ей опасности.

В один день с Самариним на место Щегловитова был назначен друг И.Л.Горемыкина, член Государственного Совета Александр Алексеевич Хвостов, хотя и считавшийся, подобно Самарину, человеком правых убеждений, но пользовавшийся, среди знавших его лиц, репутацией законника. Каждый мог заметить, что последние два назначения резко отличались от первых и из этого можно было сделать вывод, что Правительство, увольняя Щегловитова и Саблера, продолжает идти по пути уступок, но вместе с тем не решается усиливать либе-

ральную часть Совета Министров и заместителей уволенных в отставку ищет в правом лагере.

Далее я покажу, насколько надежды правых оказались необоснованными, но теперь должен коснуться нового Министра Внутренних Дел, который был особенно интересен не только, как служивший по этому Министерству, но также и всей России, т.к. за последние 50 лет твердо установилось правило, что всю внутреннюю, политику направляет Министр Внутренних Дел и образование в 1906 году Совета Министров нисколько этого положения вещей не изменило.

Нельзя не сказать, что все были несколько удивлены, что новый вершитель наших судеб до сего времени занимался коннозаводством, хотя и полезным, но довольно скромным делом разведения в России породистых жеребцов. Это удивление еще более усилилось при известии, что новый Министр не хочет расстаться и со своим дорогим коннозаводством и продолжает одновременно управлять обоими ведомствами, причем, по доходившим до нас из Министерства слухам, по-прежнему более интересуется случными жеребцами, чем Губернаторами. Однако, при вступлении в должность, Щербатов сказал представившимся ему чинам Министерства несколько либеральных слов и поэтому левые круги, радуясь уже одному факту увольнения Маклакова и надеясь на попустительство рьяного коннозаводчика, встретили его довольно приветливо.

Нельзя сказать, что русские Губернаторы и Градоначальники особенно ценили Маклакова. Последний совершенно не пользовался репутацией серьезного государственного деятеля. Если верить многочисленным слухам, своей головокружительной карьерой он был обязан отчасти умению рассказывать

анекдоты и подражать различным животным, в каковом его таланте я имел случай убедиться еще будучи в первых классах гимназии и встречая его в Тамбове, в доме моего деда, когда он был еще скромным чиновником Министерства Финансов. Однако через несколько дней после его ухода и первых шагов его заместителя вся провинциальная администрация взвыла, и в благодарной памяти подчиненных нового Министра легкомысленная фигура Маклакова стала принимать облик Государственного Человека.

Надо сказать, что последний, обладая от природы большими способностями и просидев более 2-х лет на кресле Министра, постиг сложное дело управления своим Ведомством и во время управления им Министерством, всякий ясно понимал, хороши ли они были или плохи, политику и направление Министерства Внутренних Дел. Я помню, как вскоре после отставки Маклакова, родственник моей жены, Б.М.Боярский, бывший тогда Казанским Губернатором, жаловался на трудности управления Губернией при Щербатове. «При Маклакове, — говорил он, — я хоть всегда знал чего он хочет, а теперь сам черт не разберет чего желает Щербатов». Действительно, трудно было понять желания Щербатова, да мне, собственно говоря, кажется, что он ничего не желал, кроме того чтобы газеты его хвалили, а общество считало бы его «Министром Общественного Доверия». Он как-то в этом смысле выразил свои мысли в разговоре с Климовичем, сказав ему, что он не видит ничего опасного для Правительства в раздающихся на съездах Земств и Городских Союзов, в Городских Думах и т.п., а также в печати требованиях «Министерства Общественного Доверия», намекнув при этом, что себя-то он считает во всяком случае пользующимся доверием.

Мне трудно перечислить сейчас все выступления общественных организаций за этот период времени, перечислить и повторить подробно все их резолюции и постановления, т.к., с одной стороны, отдельные детали уже испарились из моей памяти, а с другой стороны общее направление их деятельности известно всем. Все это происходило на виду, комментировалось русской печатью и сказать по этому поводу что-либо новое мне очень трудно.

Надо сказать, что положение Климовича в то время было исключительно тяжело. Назначенный за несколько дней до отставки Маклакова, совершенно неизвестный новому Министру и нелюбимый общественными кругами за свою ярко выраженную правизну и жандармское прошлое, он не мог и не чувствовал никакой почвы под ногами. Между тем в Москве, более чем где-либо, раздавались победные кадетские трубы, здесь были собраны Съезды Союзов, требования полной перемены Правительства, здесь же и Челноков, получивший после ухода Маклакова свободу действий, уже более не сдерживал расходившиеся страсти Городской Думы, опередившей в это время даже Союзы. Никаких руководящих указаний от Министра он не получал, если не считать телеграммы, разосланной одновременно с тем всем Губернаторам и Градоначальникам, в которой предлагалось не допускать вынесения резолюций левее июльского постановления Московской Городской Думы, требовавшего «Министерства Общественного Доверия». Ясно, что указание это было слишком туманно и только сбивало с толка администраторов, но глядеть равнодушно, как тут же у него под ногами готовят революцию, Климович не мог и после некоторого колебания решил поставить всю свою служебную карьеру на карту, испросив Высочайшую Аудиенцию

лично доложить Государю, что политика Щербатова неминуемо ведет Правительство, а за ним и всю Россию, к гибели. Однако осуществить свое намерение Климовичу не удалось, т.к. все это время Государь почти не выезжал из Ставки, где занимался главным образом военными делами и виделся только с приезжавшими с докладами Министрами и лицами, входившими в состав его ближней Свиты. Когда же в конце концов Климовича уведомили, что Государь может его принять, надобность в докладе миновала, т.к. Щербатов был уже уволен, а Правительство изменило курс своей политики.

Надо сказать, что кроме общих противоправительственных выступлений, Челноков в это время занимался усиленной травлей лично Климовича, причем, в этих целях, использовал симпатии Щербатова к Земским и Городским Управлениям и его доступность для представителей этих учреждений. Директор Департамента Общих Дел А.Н.Волжин рассказывал, что в то время, когда ему приходилось неделями ожидать доклада срочных дел Министру, всякий земский деятель немедленно допускался к нему и часами оставался у него, беседуя на самые разнообразные темы. Очевидно, Климович своей склонностью вмешиваться в деятельность Союзов и Московской Думы пришелся левым не по нутру и в поднятой против него травле Челноков не брезгал никакими средствами, не исключая даже заведомо ложных доносов. Почти каждый день, разбирая почту Градоначальника, я находил запрос Министра, вызванный, говоря словами Климовича, «очередным доносом» Челнокова, и Градоначальнику приходилось отрываться от своих многочисленных и сложных дел, чтобы писать Министру опровержение или же объяснение.

Перечислить все эти доносы трудно. Началось все с жалобы Челнокова, что Климович разрешил всенародное молебствие на 8 июля, о котором я говорил выше, умышленно для того, чтобы вызвать новый погром. Это было опровергнуто самими фактами. Вслед за тем последовал донос на то, что Московская Администрация в пику Городской Думе, согласно постановления которой была воспрещена торговля вином, не только не борется с тайной продажей вина, но даже прямо этому покровительствует. Это было опровергнуто представлением Министру сведений о громадном количестве закрытых в административном порядке за торговлю вином заведений и посаженных в тюрьму лиц. Через несколько дней получена была телеграмма Министра с сообщением, что Городской Голова уведомил его, что Градоначальником посажен в тюрьму 76-ти летний старик, несправедливо обвиненный в нарушении обязательного постановления, изданного значительно позже совершенного им проступка и с требованием срочных объяснений. По выяснении всего дела, Министру было донесено, что посаженному в тюрьму не 76, а всего 50 лет, что обязательное постановление, за которое он был наказан, издано уже давно, что обвинен он в противодействии полиции во время беспорядков и что особый интерес проявленный к его особе Городским Головой объясняется тем, что это его дворник.

Перечислять все жалобы Челнокова довольно скучно, но в конце концов Климович потерял терпение и решил сам напасть на Челнокова. Поводом к этому послужила начатая тогда Градоначальством совместно с Городской Управой борьба со злонамеренным повышением торговцами цен на продукты первой необходимости. В этих целях Градоначальство 2 раза в неделю опубликовывало обязательные макси-

мальные цены на эти продукты, а Городская Управа, при помощи Статистического Отдела, представляла предварительно сведения о действительных ценах на продукты, на основании которых ею и вырабатывалась такса. Заведующий Статистическим Отделом В.Г.Михайловский в это время был более занят сотрудничеством в «Русском Слове», где он печатал обзор военных действий, чем статистикой, и потому это дело велось довольно небрежно. Через несколько дней после опубликования таксы ото всех приставов стали поступать донесения, что такса значительно превосходит действительные цены на продукты, и что вследствие этого торговцы не желают повышать цен, а основываясь на таксе заставляют жителей Москвы переплачивать громадные суммы в их пользу. Возмущенный этим Климович написал резкую бумагу Челнокову и одновременно с тем сообщил об этом корреспондентам, которые, хотя и несколько смягчив полученные ими сведения, все же не нашли возможным обойти их молчанием. Завязалась ожесточенная переписка с Городским Головой, который, между прочим, поспешил пожаловаться Министру на то, что Климович желает вызвать раздражение в населении против Городского Управления, но все же это заставило Челнокова быть впредь осторожнее и он уже с необоснованными доносами Министру больше не обращался.

Между тем наши войска продолжали отступать, и тревога за судьбу России всё более и более возрастала. Пала Варшава, Галиция почти целиком вернулась под власть австрийцев. Над Перемышлем, взятие которого было встречено с таким восторгом, снова развевался вражеский флаг. Никто не мог осудить за это наши доблестные войска, т.к. все хорошо знали при каких условиях им приходилось сражаться, снарядов и патронов не

было, артиллерия была осуждена на полное бездействие, а невероятная легенда о том, что одна наша дивизия ходила в атаку с палками вместо ружей к общему ужасу оказалась правдой, т.к. и в ружьях оказался острый недостаток.

Совершенно понятно, что все русское общество охватило негодование на бездейственность Правительства и все ясно чувствовали, что необходимо общее напряжение всех сил Государства для спасения Родины. Враг угрожал уже нашим чисто русским владениям. Говорили уже о возможности занятия Северной Столицы, которую даже начали эвакуировать, а Совет Министров продолжал тратить время на ссоры и интриги и, казалось, находил естественным все наши неуспехи. Встревоженные Государственная Дума и Совет решили послать к Председателю Совета Министров И.Л.Горемыкину депутацию из представителей всех фракций, начиная с правых и кончая кадетами, причем во главе Советской депутации встал член Государственного Совета П.Н.Дурново, а во главе Думской — П.Н.Милюков. В составе последней был и А.Н.Хвостов, вскоре назначенный Министром Внутренних Дел, от которого я и знаю подробности приема депутации. Первым говорил Милюков; в пространной речи он указал на тяжелое положение Государства и на угрозу для Петербурга и закончил вопросом, что намерено предпринять Правительство. На это Горемыкин, спокойно выслушав речь Милюкова, ответил: «Ну что же, в случае занятия немцами Петрограда, Правительство переедет в Москву».

Удивленный таким ответом Милюков, указал, что если так будет продолжаться, то и Москве будет угрожать та же опасность. На что Премьер так же спокойно ответил: «Тогда Правительство переедет в один из заволжских городов». Пора-

женный таким отношением, Дурново горячо напал на равнодушие Правительства, но Горемыкин уже ему не возражал, а только говорил: «Петр Николаевич, Вас ли я слышу, ведь это приличествует Павлу Николаевичу (Милюкову), а не Вам». Когда депутация уходила, к одному из членов ее подошел Секретарь Премьера и с восторгом сказал: «Что, здорово наш срезал Милюкова?» Члены депутации левых только пожали плечами, и конечно весь разговор с Премьером был передан ими своим секретариатам. Полное равнодушие Правительства к судьбам России привело к тому, что созданные в августе Совет и Дума уже больше не поддерживали Правительство и резко обрушились на него и ожесточенно критиковали его деятельность во всех отношениях, причем с оппозиционными Правительству речами выступала не только левая часть законодательных палат, но и правые больше не оказывали поддержки Министерству. С резкой критикой политики Правительства выступил А.Н.Хвостов и, против обыкновения, вся Дума с большим вниманием слушала этого представителя крайнего правого крыла Думы, а на Правительство это произвело большее впечатление, чем все речи левых и центра. В это время среди русского общества стало с особым раздражением повторяться имя Григория Распутина, о котором здесь придется сказать несколько слов.

Уже лет за 5 до начала войны в русское общество стали проникать слухи о том, что в Царском Селе часто появляется какой-то «старец» Григорий Распутин из Сибири, не то пророк, не то гипнотизер, во всяком случае личность совершенно невежественная и темная. Слухи эти стали все более и более разрастаться, причем к ним стали присоединяться сведения о все увеличивающемся влиянии Распутина на судьбы России, о

том что Государь очень доверяет его простому мужицкому уму, считает, что через посредство Распутина проявляется чуть ли не Божья воля и часто советуется с ним относительно государственных дел. К этому вскоре стали прибавлять, что и Министры очень считаются с Гришкой, что для упрочнения их положения им приходится поддерживать с ним добрые отношения и, по возможности, исполнять его просьбы, с которыми он весьма часто и совершенно беззастенчиво обращается во все стороны. Однако надо сказать, что все эти слухи рождались по большей части где-то в пространстве, никто не мог сказать откуда они исходили и кто может гарантировать их справедливость, и хотя русское общество, вследствие любви к гнусным сплетням и стремлению рыться в чужом грязном белье, с особой охотой говорило на эту тему, но говорило осторожно, на ухо и в конце концов само этому не доверяло. А с трибуны Государственной Думы прозвучал только однажды, в речи А.И.Гучкова, протест возрастающего влияния Распутина. Не называя его по имени, Гучков обрушился на тогдашнего Обер-Прокурора Саблера, обвиняя его в низкопоклонничестве перед темным и развратным проходимцем, но более о нем публично ничего не говорилось, т.к. газетам, под страхом закрытия, было воспрещено касаться этого вопроса, а как выяснилось впоследствии, Председатель Думы Родзянко дал Правительству честное слово, что в Государственной Думе ничего о Распутине больше говорить не будет. Придворные и правительственные круги в этом вопросе проявляли большую сдержанность и корректность и не только не выносили сора из избы, но, напротив, при всяком удобном случае, старались в корне подорвать доверие к этим слухам. При этом и сам «вещий Старец» старался не слишком обращать на себя внимания,

но темные дельцы, преимущественно из евреев, быстро учли его влияние и старались использовать его для своих мелких грязных дел.

Мне самому впервые пришлось натолкнуться на его влияние еще при моей службе в Судебной Палате. В 1913 году у нас только что закончилось слушанием нашумевшее в свое время дело о «дантистах», в котором более 300 человек, почти исключительно евреев, обвинявшихся в уклонении от военной службы путем приобретения подложных дипломов зубных врачей, были приговорены к годовому заключению в тюрьме. Приговор был обжалован в кассационном порядке в Сенат, но ранее рассмотрения кассационной жалобы, Высочайшей Властью все осужденные были помилованы. Вместе с тем все узнали, что помилование было исходатайствовано Распутиным, вообще очень благоволившим к евреям, на которого воздействовал его секретарь, также еврей Симонович, за что последнему осужденными было заплачено 200.000 рублей. Распутин же по простоте душевной, удовлетворился значительно меньшим вознаграждением: ему было уплачено 10.000 рублей и подарена бобровая шуба, которая была надета на него в день его смерти. В Москву Распутин приезжал довольно часто, останавливаясь у своей большой почитательницы старой купчихи Решетниковой на Большой Царицынской улице. Вел он себя обыкновенно довольно пристойно, всегда бывал окружен сонмом своих поклонниц (мужчин вокруг него бывало мало), ездил по ресторанам, но скандалов не учинял. Местной полиции и Охранному Отделению было приказано иметь за ним тщательное наблюдение и о каждом его шаге доносить начальству, но до марта 1915 года ничего предосудительного в его поведении замечено не было.

В середине марта Адрианову было доложено, что сия высокопоставленная особа прибыла в Москву и остановилась по своему обыкновению у Решетниковой. В этот приезд Распутин находился в особо приподнятом состоянии, почему поездка его к Яру ознаменовалась довольно значительным скандалом. Приехал туда Распутин в довольно большой компании, но против своего обыкновения не пожелал скрывать свою личность и через несколько минут весь ресторан облетело известие, что в большом кабинете кутит «старец». Через несколько минут из кабинета слышались крики, пение и пляска, целый ряд незнакомых ему лиц был допущен в кабинет, в том числе два корреспондента, Кугульский и Солдов. «Старец» быстро охмелел, снял свою поддевку и, оставаясь в одной рубашке и шароварах, пустился в пляс с хористками, в то же время проявлял по отношению к ним весьма предприимчивую нежность. Для поднятия своего в их глазах престижа он стал демонстрировать всем присутствовавшим свою вышитую шелковую рубашку, рассказывая, что эта рубашка подарена ему самой Государыней, собственноручно вышившей и сшившей ее. «Не погладила бы она меня, матушка, по голове, заявил он хористкам, если бы узнала, что я здесь с вами, стервами, вожусь». Разговор продолжался все время в том же направлении и подробности этого вечера Адрианов и я узнали на следующее утро из доклада Начальника Охранного Отделения. Адрианов был очень встревожен всем происшедшим. Сначала он думал сохранить всю эту историю в тайне, но через несколько дней вся Москва стала открыто говорить о поведении Распутина, и тогда Градоначальник решил обо всем лично доложить Министру Внутренних Дел.

Это совпало со смертью дяди моей жены Начальника Главного Управления по Делах Печати гр. С.С.Татищева, и потому в Петербург мы уехали вместе с Адриановым, который в вагоне рассказал мне о главной цели его поездки. Маклаков выслушал доклад Адрианова очень внимательно, но затем расхохотался и сказал: «То ли еще нам Гриша выкинет», но однако он просил Адрианова представить ему письменный доклад, заявив, что доложит об этом Государю. При выходе из кабинета Министра, Адрианов встретил Джунковского, знавшего очевидно из доклада Начальника Охранного отделения о цели поездки Градоначальника. Джунковский отвел его в сторону и сказал, что Маклаков безусловно ничего не предпримет, но что он, Джунковский, занят в настоящее время подбором материала о недостойном поведении Распутина для всеподданнейшего доклада и просит Адрианова срочно препроводить ему подробное описание пребывания Распутина в Москве, что и было исполнено.

Не знаю, как в Петербурге, но после пребывания Распутина в Москве, сплетни о нем стали возрастать во много раз, рассказывали грязные подробности об его отношениях к Царской Семье, перечислялся целый ряд случаев, когда его мнение оказывало решающее влияние на разрешение государственных вопросов (в частности левые круги распускали слух, что Государственная Дума не собирается вследствие нежелания Распутина) и имя его все чаще и чаще произносилось. Приходится отметить, что дворянские круги Москвы были осведомлены о роли Распутина некоей Ек.Ив.Тютчевой, которая состояла при Великих Княжнах, дочерях Государя и незадолго до войны была отстранена от этой должности вследствие противодействия, по ее словам, недостойному и неприлично-

му поведению Распутина по отношению к Великим Княжнам. Вся семья Тютчевых была тесно связана с высшим московским обществом, поэтому к ее словам все отнеслись с полным доверием.

До широкой публики об этом доходили только неопределенные слухи, но среди высшего дворянства, группировавшегося вокруг А.Д.Самарина, эти сведения вызвали глубочайшее возмущение и когда Самарин был назначен Обер-Прокурором Святейшего Синода, все надеялись, что он сумеет использовать свое влияние на Государя в целях немедленного и окончательного удаления Распутина.

Самарин, действительно, с первых же шагов решил повести открытую войну против Распутина, твердо веря в свои силы и рассчитывая на любовь к нему Государя он, видимо, решил вести всю эту борьбу единолично, и хотя он лично мне этого не говорил, но по целому ряду соображений мне кажется, что с первых же дней его вступления в должность он стал влиять на Государя в этом направлении. Его первые попытки не увенчались успехом и это по-видимому его сильно раздражало.

Приблизительно через месяц по его назначении состоялось известное заседание Совета Министров в Ставке под председательством Государя и при участии Великого Князя Николая Николаевича. Подробности этого заседания я слышал со слов тогдашнего Министра Внутренних Дел кн. Щербатова, который рассказывал, что Самарин выступил с длинным докладом о Распутине, причем, видимо, базировался на сообщенных ему Джунковским фактах, с которым он был очень дружен. Щербатов говорил, что ни он и никто из присутствовавших даже и не предполагал, что в таком тоне можно разго-

варивать с Государем. Самарин горячился, стучал кулаком по столу, прямо требовал от Царя немедленного изгнания Распутина и закончил свою речь словами, что Распутин идет сам на верную гибель и влечет за собой Государя и все правительство на эшафот. Государь выслушал все, не возразив ни слова, и, не смотря на общее изумление, внешне совершенно не изменил своего хорошего отношения к Самарину. Однако последний уже чувствовал, что почва под его ногами поколеблена и что он уже не в силах победить Распутина, ибо положение последнего совершенно не поколебалось. Спустя недели две после этого, разбирая возвращенные ему всеподданнейшие доклады и резолюции Государя, заметил на одном, сделанную возле его подписи рукою Государя отметку: «Это мой самый страшный враг». В управлении своим ведомством Самарин не проявил никаких талантов администратора. Он явился очень полезным членом Совета Министров, но также никакой существенной пользы не принес и, сохранив репутацию честного и порядочного человека, ничем не оправдал возлагавшиеся на него правыми кругами и не проявил качеств Государственного человека.

Во время пребывания Самарина в должности Обер-Прокурора разыгрался скандал с тобольским епископом Варнавой, и это послужило ближайшей причиной к его отставке. Подробности этой истории я слышал лично от епископа Варнавы и передаю их в этом освещении.

Епископ Варнава являлся весьма интересным человеком и, если его нельзя назвать хорошим архиереем, достойным этого высокого сана, то во всяком случае он имел полное право считаться человеком исключительно умным. Происходя из простой мужицкой семьи, Варнава, благодаря только своему

уму, пробил себе дорогу, т.к. не имел ни академического образования какой-либо протекции. Будучи еще архимандритом коломенского монастыря, он обратил на себя внимание покойного Великого Князя Константина Константиновича, и тот представил его Государю. Вскоре после этого он был назначен архиереем в Тобольск, а там, неизвестно для меня каким способом, познакомился с Распутиным. Отношения у него с последним были довольно странные. То они были в дружбе, то, напротив, Варнава начинал ругательски ругать Распутина, которого он обыкновенно называл «граф Грегуар», и последний добивался его высылки в Епархию. Во всяком случае, Варнава добился близости к Государю и Государыне, благодаря Распутину, и получил право сноситься с ними личными телеграммами и письмами. Хитрый архиерей сразу учел выгоду такого положения и стал наводнять Царскую Семью своими письмами, наполненными то благословением, то просьбами и получал всегда милостивые личные ответы. Очевидно его недюжинный мужицкий ум, напускные простодушие и откровенность, остроумие и сама манера говорить простым крестьянским языком, пересыпаемая разными пословицами и побасенками и выразительное лицо аскета понравились Царю и Царице и они считали его преданным человеком. Однако честолюбивому епископу снился уже митрополичий престол, и он решил использовать свое пребывание в Тобольске, чтобы обратить на себя общее внимание.

В Тобольске был похоронен почитаемый всей Сибирью праведник Преосвященный Иоанн Максимович. Память этого праведника епископ Варнава и решил использовать для своих честолюбивых целей и возбудил ходатайство перед Синодом о канонизации Преподобного Иоанна. Синод, по каким-то

формальным основаниям решил отложить эту канонизацию, но Варнаву не так легко было заставить отказаться от своих целей, и он стал засыпать Государя своими просьбами о разрешении прославления Святителя. Эти просьбы сначала оставались без результата, но воспользовавшись принятием на себя Государем Верховного Командования, Варнава послал всеподданнейшую телеграмму, в которой сообщал, что целую ночь молился у гробницы Святителя о даровании победы Государю и заканчивал мольбой о разрешении канонизации. Не знаю, кто посоветовал Государю, но Варнава получил в ответ Высочайшую телеграмму, в которой сообщалось, что прославление пока невозможно, но разрешается пропеть возле гробницы Святителя величание. Варнава не мог не знать, что телеграмма основана на недоразумении, т.к. величание есть часть обряда канонизации и совершается уже после признания канонизируемого Святым, но он не стал останавливаться на этом вопросе и поспешил воспользоваться Высочайшим разрешением. Когда о совершившемся дошло до Синода, Владыки вознегодовали, но более всех был возмущен Первоприсутствующий член Синода Петербургский Митрополит Владимир, злодейски убиенный впоследствии в Киеве, не любивший Варнаву за его наглость и связь с Распутиным. Варнаву вызвали в Петербург, где его пригласил явиться к нему Митрополит Владимир, у которого Варнава застал Самарина. Митрополит резко напал на Варнаву за неисполнение постановления Синода, но Варнава возразил, что имел на это Высочайшее разрешение и представил телеграмму Царя. Митрополит прочитав телеграмму, бросил ее на стол со словами «нечего было эту дурацкую телеграмму исполнять», стал доказывать Варнаве всю бессмысленность такого разрешения. Варнава после

свидания с митрополитом полетел в Царское, где всем сообщил, что митрополит Владимир назвал Царскую телеграмму «дурацкой», а присутствовавший при этом «око Царево» Обер-Прокурор Самарин ни слова не возразил. Несмотря на это Митрополиту Владимиру совместно с Самариным удалось придать Епископа Варнаву суду Святейшего Синода, где этот мятежный архиерей обвинялся не только в нарушении канонических правил, но и в знакомстве с Распутиным. Весь этот процесс кончился ничем и в итоге всей этой истории Митрополит Владимир был переведен в Киев и заменен ставленником Распутина Питиримом. Самарин был уволен в отставку, а Варнава, добившись вскоре отмены первого постановления Синода и окончательного разрешения канонизации святителя Иоанна, получил орден Св. Владимира II ст. и был возведен в сан Архиепископа. Подробности отставки Самарина мне известны со слов его самого и А.В.Кривошеина и я считаю необходимым на них остановиться т.к. они лишний раз характеризуют отношение Государя к своим Министрам и обычный его способ увольнения их в отставку.

В день своего увольнения Самарин был с очередным докладом у Государя, который был с ним особенно милостив и долго беседовал с ним по поводу различных мероприятий, предполагавшихся Самариным к осуществлению через несколько лет. Опоздав вследствие этого на заседание Совета Министров, Самарин проехал туда прямо с вокзала и сел рядом с Кривошеиным. В то время в городе уже все говорили о предполагавшейся отставке Самарина и поэтому Кривошеин спросил его, как прошел доклад. «Превосходно, — ответил Самарин, — Государь был очень приветлив и все время касался вопросов, которые будут проводиться через несколько лет.

Очевидно слухи о моей отставке неверны». На это Кривошеин ему ответил, что в рассказе Самарина он видит только подтверждение слухов об его отставке, и они оба прекратили разговор, приняв участие в заседании Совета. За несколько минут до окончания заседания в комнату вошел секретарь Премьера и подал ему со словами «из Царского» запечатанный конверт. «Знаете ли Вы, что это такое?» — спросил Кривошеин Самарина и на его отрицательный ответ, прибавил: «Это Ваша отставка». Самарин недоверчиво пожал плечами, но, по окончании заседания, Горемыкин отозвал его в сторону и, показав ему письмо, сказал, что Государь, вследствие просьбы Самарина, увольняет его в отставку.

Такой способ увольнения Министров в отставку был излюбленным Государя. Министр юстиции Акимов о своей отставке узнал от назначенного уже на его место Щегловитова, приехав по обыкновению в Министерство. Коковцев, слышавший о своей предполагаемой отставке, во время своего последнего доклада спросил Государя об этом, на что последний ответил, что надеется еще долго пользоваться его советами. В тот же вечер Коковцев получил личное письмо Государя, в котором он писал, что он так любит Коковцева, что ему было тяжело сказать ему правду, но что он действительно не соглашаясь с политикой Коковцева, решил «омолодить» Правительство и поэтому вместо него назначает Председателем Совета Министров Горемыкина (бывшего лет на двадцать старше Коковцева), а заместителем ему по Министерству Финансов еще не подыскал.

Когда Ал.Ал.Хвостову, занимаемому должность Министра Юстиции, Государь предложил портфель Министра Внутренних Дел, он отказался и вынужден был изменить свое решение

лишь вследствие личной просьбы Государя. Неохотно соглашаясь на этот пост, Хвостов сказал: «Я знаю, Ваше Величество, что не долго останусь на этом посту, поэтому обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой: когда Вы придаете необходимым меня уволить, скажите это мне Сами». Государь пожал ему руку и сказал: «Даю Вам мое честное слово». Однако это не помешало Хвостову узнать о своей отставке из газет. Трудно объяснить причину таких поступков Государя. Пусть это делают лица близко к нему стоявшие, мне же кажется, что это происходило вследствие мягкости его характера и нежелания лично причинять кому-либо огорчение.

Хорошо узнавший Государя за свое сравнительно короткое пребывание на должности Министра Внутренних Дел, заместитель князя Щербатова, А.Н.Хвостов, рассказывал, что в отношениях Государя к Министрам наблюдались четыре различных периода. Первый период — влюбленность: Государь внимательно выслушивает все доклады, подолгу беседует с Министром и всячески выражает ему свое благоволение и поддержку. Второй период — охлаждение: Государь начинает зевать при виде Министра, скучать во время его докладов и всячески старается их избегать. Первые два периода для Министра не опасны, и пока они продолжаются, он может быть твердо уверен в прочности своего положения. Опаснее всего третий период — вторая молодость: Государь снова начинает проявлять интерес к докладам Министра, засыпает его вопросами и говорит о проектах, снова подчеркивает свое милостивое отношение; при наступлении этого периода, Министры обыкновенно обманываются, им кажется, что их могущество укрепились и, вместо того, чтобы быть особенно осторожными, они решаются на самые серьезные выступления и быстро

вылетают в отставку. Самый же спокойный и прочный период четвертый — равнодушие. Столыпин осторожно перешел через Третий период и поэтому во время четвертого он заставил Государя проводить свои планы.

Возвращаясь к Самарину, приходится еще раз отметить, что он также не оправдал возлагавшихся на него надежд, но выступления в придворных кругах этим не ограничились и несколькими близкими Государю лицами были сделаны в это период попытки убедить Его удалить от себя Распутина. Должен оговориться, что мне до сего времени неясно, являлись ли при этом главным стимулом преданность Царю и долг перед Родиной или же, выступая против Распутина, придворные преследовали свои карьерные цели и надеялись, победив Распутина, приобрести большее влияние на Царя. Поощрением к борьбе с Распутиным лично служит еще то обстоятельство, что всякий видел с какой ненавистью вся благомыслящая часть русского общества относится к темным силам, окружающим Престол, и понимал, что заявив себя открытым врагом Распутина и пострадав за это, каждый человек немедленно завоеует общее одобрение и популярность. Поэтому всякий уходящий в это время сановник, старался внушить всем, что он жертва Распутина и пострадал за попытку открыть глаза Государю в отношении этого позорного лица.

Считаю необходимым прибавить, что все сказанное совершенно не относится к выступлению против Распутина Начальника Военно-Походной Канцелярии Его Величества князя Вл.Н.Орлова, т.к. все, что мне пришлось по этому поводу слышать убеждает меня в том, что князем руководила исключительная любовь и дружеские чувства к Государю. Как мне пришлось слышать, князь на коленках умолял Царя изгнать

Распутина, откровенно изложил все имевшиеся в его распоряжении позорные сведения о нем и заклинал Государя во имя их дружбы (князь был друг детства Государя, с самых ранних лет находился при Особе Государя и был с ним на ты) отстранить от себя Распутина. Говорят, что Государь даже поблагодарил Орлова за верность, но на следующий день он от Министра Двора узнал, что Государь собственноручно вычеркнул его из списка лиц, назначенных сопровождать Государя при поездке в Ставку и через несколько дней был уволен от своей должности и назначен в распоряжение Наместника на Кавказе.

Перед Орловым, за несколько дней до отставки Самарина, о позорном поведении Распутина сделал доклад Государю Джунковский и через несколько дней был отчислен от должности Товарища Министра и назначен в действующую армию. Такая же участь через несколько дней постигла и другого, подобно Орлову близкого Государю человека, а именно генерала А.А.Дрентельна, который также был назначен в армию за выступление против Гришки. Приходится отметить, что пока трудно сказать, действительно ли Джунковский пострадал за Распутина или же он, видя, что его отставка после речи А.Н.Хвостова в Государственной Думе и так предрешена, решил отыграться на этой благодарной теме. Последнее предположение несколько подтверждается последующим поведением Джунковского, который вместо того чтобы подобно Орлову, в целях сохранения престижа Государя, скрыть всю эту историю, он, забыв, что он Свитский генерал, выступил в Московском Дворянском Собрании, где в частном заседании подробно рассказал присутствовавшим все имевшиеся в его распоряжении сведения о Распутине (что, между прочим являлось служебной тайной), передал свой доклад Государю и

старался внушить всем, что он невинная жертва Распутина. Грустно сказать, что и Самарин, забыв свой долг, поддержал в этом направлении Джунковского и даже сам открыто заявил, что вероятно и его в ближайшее время по той же причине ожидает та же судьба.

Выступление Джунковского совпало с той противоправительственной лихорадкой, которая охватила в это время русское общество и выражалась в самых нелепых резолюциях. Московское дворянство не проявило приличествовавшего ему, как первому сословию, Государственной выдержки и, вынеся резолюцию в духе Союзов, вместе с тем в виде протеста против действий Государя, избрало Джунковского выборщиков Государственный Совет. С глубоким прискорбием приходится сказать, что поведение Самарина и Джунковского в эти дни принесло больше вреда Царской Власти, чем может быть годовая деятельность Союзов. Теперь прошло 3 года и трудно понять, как эта лихорадка могла охватить самые консервативные элементы, самых благонамеренных людей, а главное, заставить их забыть не только вековые традиции их сословия, но даже свои собственные интересы, т.к. выступления дворянства против Царя нисколько не отличались от поступков того мужика, который рубил сук, на котором сидел.

Бешеное желание доказать свою либеральность охватило всех. Дворянские собрания на перебой выносили резолюции, сановники открыто критиковали Правительство, совершенно не стараясь действительной работой помочь России выйти из тяжелого положения. Не было ни одного собрания или съезда, безотносительно были ли это льняные торговцы или врачивенерики, которое не заканчивало бы свои труды резолюцией, направленной против правительства.

Мне приятно сознаться, что в числе немногих голосов, возражавших против этого повального безумия, раздался голос моего тестя гр. В.С.Татищева, который на съезде выборщиков в Государственный Совет от промышленности, выступил против предложения вынесения противоправительственной резолюции и тем разрушил план Рябушинского и его единомышленников обратить это узко специальное собрание, созванное лишь для производства выборов, также в левую демонстрацию.

В это время, благодаря содействию Военного Министра Поливанова, были образованы Военно-Промышленные Комитеты, которые немедленно были целиком захвачены левыми партиями и первый год больше заботились о борьбе с Правительством, чем о выработке снарядов. Позднее я подробнее остановлюсь на их деятельности, но пока должен лишь напомнить, что во главе Всероссийского Комитета встал А.И.Гучков, а во главе Московского — П.П.Рябушинский, которые оба поспешили во всеуслышание заявить, что они приобрели патент на спасение России, что всем успехам, которые могут возникнуть в дальнейшем, отечество будет обязано им, а не Правительству. Земский и Городской Союзы радостно встретили своего нового собрата и, глядя на их ликование, можно было ясно себе представить в какую сторону повлечет Россию эта троица.

Часть III

В сентябре 1915 г. в настроении Правительства происходит снова перелом. Июньские попытки пойти навстречу желаниям общества не увенчались успехом. Несомненно, что назначая кн. Щербатова и Поливанова Министрами, Правительство думало удовлетворить желанию левых кругов, требовавших Министерство «Общественного доверия», т.к. введение этих двух новых лиц в Совет Министров дало либеральной части Совета, Кривошеину, Сазонову и гр. Игнатьеву, которые также считались «общественными» Министрами, преобладающее влияние в вопросах управления Россией, тем более, что вслед за Маклаковым и Сухомлиновым были уволены в отставку еще два их противника: Щегловитов и Саблер. Однако, как я уже говорил выше, Правительство не решилось продолжать последовательно политику уступок и, сделав назначением Поливанова и Щербатова кивок влево, нашло необходимым кивнуть и вправо, пригласив в состав Министров Самарина и Хвостова. Назначение последнего в этот момент не вызвало никакого удовлетворения в Обществе, т.к. его мало знали, но встречен он был сочувственно, т.к. один факт увольнения Щегловитова вызвал в Обществе бурное ликование. Скоро однако из Министерства Юстиции стали распространяться в Обществе слухи, что новый Министр резко порвал с политикой своего предшественника, что он твердо проводит в жизнь принцип невмешательства в дела Суда и начал это с того, что изменил почти состав прокуроров Палат, которые были главнейшими орудиями Щегловитова. Вместе с тем Хвостов все время старался подчеркнуть свою справедливость и беспристрастие и потому все недовольные политикой Щегловитова

старались особенно подчеркнуть свое восхищение Хвостовым. Благодаря этому, хотя он и ни разу не свернув влево и не сделал ни одной попытки завязать более тесные отношения с оппозиционными кругами, А.А. Хвостов в течение своего 14-ти месячного пребывания на должности сначала Министра Юстиции, а затем Министра Внутренних Дел пользовался поддержкой Государственной Думы и левых кругов и, оставив свой пост, не только не повредил свое доброе имя, но напротив, стал известен всей России, как безукоризненно порядочный и неподкупный человек.

Как и следовало ожидать, уступки Правительства повели к еще большему обнаглению левых кругов. Надо сознаться, что уступки были сделаны весьма неудачно. Во-первых, изменение состава Министерства не сделало деятельность Правительства более плодотворной и энергичной. Новые Министры яростно вмешались в придворные Интриги, но никаких новых способов к упорядочению внутренней жизни России и снабжения Армии не изобрели. Во-вторых, и сами новые Министры не соответствовали переживаемому времени и оказались, кроме Хвостова, не в силах даже в своих собственных ведомствах наладить расшатанный войной и предшествовавшей политикой механизм. При этом генерал Поливанов вошел в Министерство, очевидно, с единственной целью подготовить и упростить предполагаемый кадетской партией государственный переворот (впоследствии я приведу по этому вопросу более конкретные данные), Щербатов, совершенно не зная своего ведомства, своим заигрыванием с левыми невольно шел по тому же пути, как и Поливанов, а Самарин, своей неудачной борьбой с Распутиным и неумением побороть свое личное раздражение против Государя, как я говорил уже выше, в значительной мере

завершил падение в глазах населения Царского престижа. Таким образом, и сам Премьер Горемыкин, несмотря на свою дряхлость, кажется единственный из Министров, имевший задатки государственного человека, и некоторые из окружавших Государя лиц, поняли, что уступки обществу кроме зла России и Правительству ничего не принесли. В то же время и собравшиеся законодательные Палаты, совершенно открыто показали Правительству, что, если оно еще раз не попытается взять всю полноту власти в свои руки, то в самом скором времени смешно будет говорить не только о самодержавии, но даже вообще о каком значении Царя в деле управления Россией. Это все сознавали и Правительство решилось вновь проявить свою силу. Было ясно, что, как для победоносного окончания войны, так и для укрепления своего положения, Правительство должно обратить свое внимание главным образом не на фронт, а на тыл, т.е. организовать планомерное снабжение армии, наладить продовольственное дело в самой России, а главное, поставить препоны деятельности кадетской партии и общественных организаций. Я должен вновь указать, что и в это время социалистические партии никакой самостоятельной политики не вели, а если и начинали в это время противоправительственную агитацию, то лишь при помощи Союзов и Военно-промышленных комитетов, во главе которых стояли члены партии Народной Свободы. Поэтому вся Россия с напряженным вниманием ждала, кто окажется преемником Щербатова, т.к. только Министр Внутренних Дел мог бы оказаться в силах справиться с общей разрухой.

Как я уже упоминал, в конце августа привлекла к себе общий интерес фигура Правого Члена Государственной Думы Алексея Николаевича Хвостова, племянника нового Министра

Юстиции А.А.Хвостова, вследствие произнесенной им речи по поводу немецкого засилья. Через несколько дней после ее произнесения Хвостов напечатал эту речь отдельной брошюрой, и она получила большое распространение среди высшего общества. Экземпляр такой брошюры появился и на письменном столе Государя. Как я узнал несколько позже, Царь, слушая доклады Министров, когда последние касались вопросов, затронутых в речи Хвостова, немедленно просматривал брошюру и давал ответы, сообразуясь с пожеланиями или указаниями пленившего его оратора. Последние года перед этим русское общество мало интересовалось личностью А.Н.Хвостова, т.к. газеты систематически замалчивали его предшествовавшие выступления в Думе. В 1909 году его имя очень нашумело. Сын влиятельного члена Государственного Совета Н.А.Хвостова, А.Н.Хвостов, прослужив несколько лет в Прокурорском Надзоре, был назначен Минским Вице-Губернатором. Вскоре после его назначения у него произошло серьезное столкновение с его Губернатором Мусиным-Пушкиным, либерально настроенным и заигрывавшим с польскими элементами, принявшими сначала сторону Хвостова. Министерство уволило Мусин-Пушкина, но вслед за тем ветер переменился и подавший уже в отставку А.Н.Хвостов, лишь благодаря настоянию его отца, был переведен на должность тульского Вице-Губернатора. Тяжелый 1905 год застал его на этой должности и опять в подчинении либерального губернатора М.М.Осоргина. Население Тулы сразу учло разномыслие высших представителей Администрации и в то время как левые круги группировались вокруг Губернатора, только зарождавшийся в Туле Союз Русского Народа избрал своим Председателем молодого (Хвостову было 32 года) Вице-Губернатора. Естественно, что такое

положение долго продолжаться не могло и в ноябре 1905 года Осоргин был отчислен от должности, а Хвостов принужден был в течение полугода, в самое тяжелое время, самостоятельно управлять Губернией и уже рассчитывал быть утвержденным в должности Тульского Губернатора, как вдруг, к большому своему неудовольствию, получил назначение Вологодским Губернатором. В Вологде А.Н. пробыл года 2 и был назначен в Нижний Новгород. Министерство Внутренних Дел не особенно было довольно Хвостовым за его слишком большую независимость и самостоятельность. В то же время и Общество, натравливаемое левыми газетами так же его не любило, т.к. с первых же дней вступления его в должность Нижегородского Губернатора, Хвостов решил в своей Губернии совершенно искоренить либеральный дух и повел ожесточенную борьбу с кадетами, отдавая под суд целые составы Земских Управ и разтесняя левых кандидатов в Государственную Думу. Надо добавить, что в Вологде Хвостов вел себя совершенно в ином духе, даже несколько заигрывая с общественными кругами, и поэтому в то время газеты, простив ему Тульскую правизну, оставляли его в покое. Уже будучи Министром, Хвостов говорил, что у него две политики — Вологодская и Нижегородская и что первое время своего пребывания на Министерском посту он будет придерживаться Вологодской политики.

Незадолго до выборов в IV Государственную Думу у Нижегородского Губернатора произошло небольшое недоразумение амурного порядка с одной актрисой, которое было подхвачено всеми газетами и превращено во всероссийский скандал. Министерство не сделало никакой попытки защитить своего Губернатора, и обозленный и в то же время уже начинавший скучать на должности Губернатора, Хвостов подал в отставку и

выставил свою кандидатуру в Государственную Думу от Орловской Губернии. Несмотря на открытое противодействие Орловского Губернатора, которому тогдашним Министром Внутренних Дел Макаровым, боявшимся, что обиженный Губернатор окажется весьма неприятным депутатом, было предложено принять все меры к его провалу. Хвостов был избран в Государственную Думу и, заняв место на крайних правых скамьях, был избран правой группой своим лидером. Я лично знал А.Н.Хвостова и много о нем слышал от общих родственников и поэтому несколько подробнее остановлюсь на его личности, тем более, что и деятельность его, как Министра Внутренних Дел, заслуживает особого внимания.

И друзья, и враги Хвостова открыто признавали его выдающийся ум и исключительные способности. Казалось, что при этих условиях его пребывание на должности Министра должно было принести России в такое тяжелое время громадную пользу, и поэтому правая часть русского общества, обманувшись в Самарине, перенесла все свои надежды на Хвостова. Далее я попытаюсь подробно описать его деятельность, но сейчас, в дополнение к сказанному, нахожу нужным добавить, что в характере Хвостова были три черты, которые мешали ему стать настоящим государственным человеком, а именно его лень, властолюбие и беспринципность. Эти три черты одинаково помешали ему осуществить свою программу. Будучи по своей натуре настоящим русским богатым помещиком, Хвостов презирал всякую обязательную работу. Работа привлекала его как спорт. Ему было интересно создать какой-нибудь остроумный проект, дать руководящие указания, быстро разрушить встречающиеся на пути препятствия, но впрягать себя в рабочее ярмо, довести свои проекты до их полного

осуществления он не мог, да и не желал. Если бы при нем находились настоящие помощники, которые бы все свое время и опытность посвящали на исполнение воли Министра, то может быть и история России приняла бы иное направление, но, как я укажу ниже, ничего подобного не было. Властолюбие Хвостова не давало ему возможности мириться с Горемыкиным. Хотя последний во время их совместной службы послушно исполнял все указания Хвостова, А.Н. никак не мог примириться с мыслью, что над ним сидит какой-то, с его точки зрения абсолютно беспомощный, человек и с первых же дней своего вступления в должность стал выталкивать Горемыкина, стремясь занять его место. Это ему удалось только наполовину, т.к., столкнув Горемыкина, он получил взамен Штюрмера и таким образом променял кукушку на ястреба. Беспринципность Хвостова, с моей точки зрения, выражалась в том, что он, стремясь к какой-нибудь цели, совершенно не разбирался в средствах для ее достижения. Возможно, что в другое время и при других условиях эта черта, напротив, очень облегчила бы ему работу, но в тяжелое военное время, окруженный сонмом ожесточенных врагов, Хвостов играл опасную игру и, погибнув сам, не достигнув цели, вследствие неудачно избранных им средств, он вместе с тем, падая, обрызгал липкой грязью ступени Престола.

Все это я постараюсь описать дальше, но пока должен сказать, что указ о назначении Хвостова Министром Внутренних Дел все искренно и бескорыстно любившие Россию люди встретили со вздохом облегчения. Положим, многие с грустью указывали на «подмоченную», говоря словами Климовича, репутацию Хвостова, но все в его назначении видели резкий и твердый поворот вправо Правительства и верили, что новый,

молодой и способный Министр сумеет справиться и с тяжелым внутренним положением России, и с происками левых.

Уже на следующий день после произнесения Хвостовым своей на шумевшей речи, в Петербурге со всех сторон стали распространяться слухи, что Хвостов в ближайшее время получит ответственное назначение.

К его выступлению отнеслись, как к экзамену на звание Государственного человека и признавали, что экзамен выдержан блестяще. Сам Хвостов был не прочь выступить в роли активного государственного деятеля и предчувствуя скорое падение Щербатова, нажал все имевшиеся в его распоряжении пружины, как явные так и тайные, чтобы получить пост Министра Внутренних Дел. Однако он не особенно был уверен в успехе и так как эпоха совпала с тем периодом его личной жизни, когда проснулась вся его энергия и способности, он, независимо от борьбы за достижение Министерского кресла, продолжал прилежно готовиться ко второй своей речи против спекуляции банков, которая так и не была произнесена. В конце сентября в один день были уволены кн. Щербатов и Самарин и вместо них назначены Министром Внутренних Дел А.Н.Хвостов, а через несколько дней Обер-Прокурором Синода А.Н.Волжин, бывший Директором Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел.

Назначение последнего для широких кругов общества явилось полной неожиданностью, т.к. его почти никто не знал, но никаких особых разговоров это назначение не вызвало, т.к. все уже давно свыклись с мыслью, что назначения новых Обер-Прокуроров всегда является сюрпризом, ибо в большинстве случаев они назначались из других ведомств и казалось, что до того времени ничего общего с Синодальным ведомством не

имели. Уже на посту Обер-Прокуроров мы видели Губернаторов, Предводителей Дворянства и даже акушеров и не далек был тот день, когда это место будет занято Профессором Высших Женских Курсов, почему же и Директору Департамента Общих Дел при Министерстве Внутренних Дел не оказаться на этом посту. Кандидатура Волжина была выдвинута чрез посредство Горемыкина Министром Юстиции А.А.Хвостовым, находившимся в свойстве с новым Обер-Прокурором и, кажется, за все время их совместной службы Волжин следовал всем указаниям Хвостова и подобно ему оставил свою должность, сохранив репутацию вполне чистого и порядочного человека. Однако не следует думать, что все последние назначения явились усилением влияния самого Хвостова на решение судеб России. Напротив А.Н.Хвостов входил в Совет Министров совершенно одиноким, не имея там никакой поддержки. Все прежние Министры встретили его почти враждебно, как человека нового и придерживавшегося совершенно иных взглядов, чем они, в своем же дяде, Министре Юстиции, он ветретил с первого же дня глухую оппозицию, т.к. тот его очень недолголюбил и ко всем его начинаниям относился с особой осторожностью.

Через несколько дней после назначения А.Н. старший Хвостов был поставлен в весьма затруднительное положение вопросом Государя, что он думает о своем племяннике. Ответил он довольно красиво, но не вполне искренно, сказав: «Это могучий паровоз, поставленный на правильные рельсы опытной рукой Вашего Величества».

На следующий день, после своего назначения, А.Н.Хвостов вступил в управление Министерством, а его предшественник был возвращен своему любимому делу, получив должность

члена Главного Управления Коннозаводства. Любопытный эпизод разыгрался во время передачи дел прежним Министром новому. Хвостов, как старый Губернатор, знал, что у всякого Министра Внутренних Дел в отдельном ящике стола хранятся особо секретные дела, в которые он не находит возможным посвящать даже своих ближайших помощников. Поэтому Хвостов и обратился к Щербатову с просьбой передать ему такие дела, на что последний с некоторым смущением пожав плечами ответил: «Да в общем у меня никаких таких секретных бумаг не было».

Уже незадолго до назначения Хвостова и в связи с принятием на себя Государем Верховного Командования, значительно усилилось и без того громадное влияние Императрицы Александры Феодоровны в делах управления России. Уже и ранее Государыня вмешивалась в распоряжения отдельных Министров, принимала деятельное участие в их назначении и т.д., но со времени переезда Государя в Ставку, она неофициально стала регентшей, и Министры были принуждены, независимо от докладов в Ставке, ездить к ней с очередными докладами, а ее повеления сделались почти равнозначными Царским распоряжениям. Все близко знавшие Государыню, как преданные ей, так и не любившие ее люди, единогласно утверждают, что она поражала всякого входившего с ней в общение, своим обширным, мужского склада, умом и разносторонними знаниями в делах государственного управления.

На первый взгляд, казалось бы, что возросшее участие ее в направлении судеб России, не могло принести особого вреда, т.к. всем было известно, что в течение последних лет ее влияние на Государя было безгранично и вследствие этого направление политики не должно было бы измениться. Однако

некоторые обстоятельства повели к тому, что участие ее в управлении оказалось гибельным для России. Во-первых, часть Министров, как например старший Хвостов, не признавали ее непосредственного права вмешиваться в Государственные дела и поэтому всячески уклонялись от докладов ей, во-вторых, Государь сидя в Ставке, несколько освободился от ее влияния и будучи окружен новыми людьми, начал проводить политику, несогласованную с отдаваемыми ею из Царского Села распоряжениями и поэтому Министрам подчас приходилось прямо становиться в тупик, не зная чью волю исполнять. В-третьих, и это было самым главным, Государыня была окружена весьма темными личностями, которые старались использовать ее власть для своих личных, в большинстве случаев низких, целей. При этом Государыня, как женщина и при этом наделенная большим темпераментом, во все свои действия вносила недопустимую в Государственных делах страстность, так что с отвлеченным политическим направлением ее деятельности и общими взглядами все время боролись ее личные чувства симпатии или антипатии к тому или иному Министру.

Как я уже говорил выше, младший Хвостов смотрел на свою предстоящую деятельность не только, как Государственный человек, но и как спортсмен. И та, и другая точки зрения заставляли его отнестись к полученному им министерскому посту не как к конечной цели его стремлений, а только как к средству для того, чтобы получить возможность единолично управлять Россией. Поэтому, как Государственный человек, он принес с собой в Совет Министров целого разработанную программу своей будущей деятельности. Просидев последние года в Государственной Думе и наблюдая со стороны за разви-

тием событий, он ясно увидел, что для успешного окончания войны необходимо обратить все внимание Правительства на жизнь тыла, т.е. исправить начинавший сильно хромать производственный аппарат Государства и вместе с тем парализовать противоправительственную деятельность Союзов, Военно-Промышленных Комитетов и органов самоуправления, если возможно заставив их служить своим основным целям, а если невозможно, разрушить их значение. Однако спортсмен усиленно боролся с Государственным человеком и мешал ему спокойно работать. Вследствие этого Хвостов, в течение своего пребывания в должности Министра часто забывал свою программу и более интересовался закулисной борьбой в придворных сферах, чем своими непосредственными обязанностями. Последнее, впрочем, развилось в нем не сразу, а через несколько недель после его назначения. В первое же время он желал зарекомендовать себя выдающимся, энергичным Министром и рьяно принялся за осуществление своих планов и изменением коренным образом политики своего предшественника. Он сознавал, что намеченная им программа выходит далеко за границы отмежёванного ему, как Министру Внутренних Дел полю деятельности и что, осуществляя ее, он неминуемо вторгнется в компетенцию не только отдельных Министров, но и всего Совета Министров. Поэтому он понял, что ранее, чем предпринять какие-либо серьезные шаги, ему надо укрепить свою позицию, обеспечив себе полную поддержку сверху и одновременно захватить руководство деятельностью Совета в свои руки, т.е. если удастся, встать во главе его и, кроме того, введя в его состав нескольких своих единомышленников. Все эти цели могли бы быть достигнуты только тесным союзом с Государыней, для чего было необхо-

димо привлечена свою сторону окружавших ее лиц. На поддержку Государя Хвостов не мог особенно рассчитывать, т.к. я уже выше указывал наблюдения Хвостова об его непостоянстве в отношениях к Министрам, а видно было ясно, что, как только Хвостов начнет осуществлять свою программу, противники его толпой кинутся к Государю и начнут убеждать его отделаться от слишком предприимчивого Министра. Приблизиться к Государыне Хвостову было нетрудно т.к. уже добиваясь своего места, ему пришлось войти в общение с окружавшими ее лицами. Наиболее близкой Государыне была, снискавшая все-российскую известность Анна Александровна Вырубова, рожденная Танеева, которая, вследствие неизвестных мне причин, имела на нее громадное влияние. Живя всегда в самом непосредственном соседстве с Государыней, Вырубова почти во всякий час дня и ночи имела право входа к Государыне и у последней у нее не было никаких тайн. В обществе ходило много сплетен, объяснявших их дружбу, говорили то о противоестественном влечении Государыни к сестре Вырубовой Пистольтаки, то о том, что они были связаны общей любовью к одному умершему, дорогому им обоим человеку и т.п., но я не берусь разбираться в этих слухах. Однако действительным остается только тот факт, что всякий желавший завоевать симпатии Государыни, должен был озаботиться приобретением симпатии Вырубовой. Я почти не знал этой женщины и поэтому разбираться в ее психологии не в состоянии, но, коснувшись ее, должен вновь коснуться того лица, о котором недавно говорил, а именно «старца» Григория Распутина.

К моему большому сожалению, я никогда в жизни не видел этого человека. Говорю — к сожалению — т.к. что ни говори о нем, во всяком случае это была оригинальная личность,

волею судьбы связанная с историей России и мне очень хотелось бы разобраться лично в его «неведомой силе». Два раза в моей жизни мне представлялась возможность познакомиться с ним, но оба раза я уклонился от этого, т.к. не смотря на мое желание лично его узнать, мне было противно войти в сношение с этой грязной личностью. Однако некоторые из моих близких друзей имели случай основательно изучить это лицо и, пытаясь здесь записать несколько штрихов, могущих характеризовать Распутина и несколько объяснить его влияние, я буду базироваться на их рассказах.

Говорить о внешности Распутина бесполезно, т.к. об этом и так слишком много писалось. Надо только сказать, что ничего демонического в его облике не было, рассказы о его страшных пронизывающих глазах являются плодом досужего вымысла, а впечатление он производит обыкновенного поволжского мужика, неопрятного и неотесанного, с быстро бегающими хитрыми глазами. Надо сказать, что портреты и фотографии Распутина довольно плохо передают его внешность. Известный портрет его, нарисованный английской художницей, кажется Клервэ, висевший в квартире Распутина, совершенно не был похож на него. Портрет был написан в Рембрандтовском стиле, он был изображен со страшно пронизывающими глазами, почти брюнет, тогда как в действительности был светлым шатеном. Фотографическим карточкам никогда не следует доверять, т.к. снимаясь Распутин, будучи хорошим артистом, всегда принимал искусственную позу, стараясь дать тип какого-то провидца или пророка.

Говорил он, конечно, обыкновенным простонародным языком, все манеры у него были также мужицкие, но, безусловно, был он человеком далеко не глупым, великолепно

учел выгоду своего положения «придворного пророка» и был не прочь и посторонним внушать убеждение о какой-то своей необычайной духовной силе и о связанном с ней влиянии его на Царскую Семью. Однако в трезвом виде Распутин открыто никогда не хвастался своим влиянием, напротив, в его словах обыкновенно сквозили жалобы на то, что его недостаточно слушают, что мало с ним советуются, что он человек маленький и никакого серьезного значения не имеет, но говорилось это таким тоном, что собеседники его получали твердую уверенность в противоположном.

Будучи далеко не первым «старцем», попавшим в придворные круги, Распутин в противоположность своим предшественникам и соперникам сумел быстро уловить тон господствовавшего вокруг Царицы мистического настроения и, дорожа своим положением, старался поддержать среди интересовавшихся им Высочайших Особ уверенность в своей сверхъестественной силе.

Несмотря на свою склонность к пьянству и развратному поведению, Распутин при Дворе появлялся всегда в трезвом и благопристойном виде и вследствие этого ни Царь ни Царица не желали верить рассказам об устраиваемых им оргиях. Царь иногда советовался с Распутиным, видя в нем Божьего человека, последний старался так формулировать свои ответы, чтобы не попасть впросак, не раздражить Государя каким-нибудь резко противоречащим его желаниям советом. Все это производилось, конечно, под маской утрированной простоты и правдивости, а надлежащие указания по этому поводу Распутин получал от Вырубовой.

Царя Распутин страшно боялся. Всякий раз, как ему сообщалось, что Царь желает его видеть, он приходил в сильное

волнение, подолгу готовился к предстоящему разговору и под руководством Вырубовой заучивал целые фразы для ответов, на могущие быть заданными Царем вопросы. Надо сказать, что Распутин виделся с Царем довольно редко. За все министерство А.Н.Хвостова Царь только раз пригласил к себе Распутина, причем последний так волновался во время разговора, что, как выяснилось впоследствии, забыл все указания Вырубовой для данного случая и перевел весь разговор на совершенно иную тему. В этих случаях Распутина спасали его природные актерские дарования. Он талантливо разыгрывал взятый на себя тип Божьего человека и сбить его с этой позиции, если он сам этого не хотел, было невозможно. При этом надо сказать, что несмотря на свое притворство, Распутин в глубине своей души твердо верил, что Волей Всевышнего он призван помогать Царю управлять Россией, и его головокружительная карьера, превратившая его из несчастного ни к чему не способного мужика в тайного советника Царя и в особенности Царицы, с каждым днем все более и более укрепляла его в этом сознании. Это вполне подтверждалось всеми донесениями приставленных к нему агентов Департамента Полиции, которых он считал своими телохранителями, но которые ежедневно представляли начальству подробные доклады о его жизни.

Одно из таких донесений очень характерно. Распутин очень любил своего старшего филера и часто делился с ним своими мыслями. Вот один из таких разговоров, происшедший в то время, как они вдвоем занимались чаепитием: «Что это ты, Гриша, такой грустный?» — спросил филер. «Все я думаю, Федя, так думаю, что голова может лопнуть», — был ответ. «О чем же ты думаешь?» — «А все думаю созывать ли Думу или не

созывать. Созовешь Думу будет плохо, а не созовешь, будет еще того хуже».

Ввиду того, что возникшая по поводу отношений Распутина с Государыней грязная легенда получила громадное, почти всемирное, распространение, мне хочется особенно внимательно остановиться на этом вопросе и поделиться имеющимися в моем распоряжении безусловно достоверными и неопровержимыми данными. До момента отставки А.Н.Хвостова я старался не думать об этом вопросе. Предположить, что наша Императрица — любовница грязного и развратного мужика мне было слишком больно и опровергнуть это сплетни я не мог за неимением достаточных фактов. После увольнения А.Н. я встретил его у моего зятя, его двоюродного брата И.С.Хвостова.

В то время А.Н., несмотря на свою лень и равнодушие, был крайне раздражен своей отставкой и, конечно, более всего обвинял в этом Царицу, Распутина и Вырубову. Разговаривая с ним, я сообразил, что это как раз подходящая минута, чтобы спросить его об отношении Государыни к Распутину, т.к. видел, что в силу своего раздражения он в это время забудет свою обычную сдержанность и, если не прямо, то хотя бы известным намеком, даст мне понять правду. На заданный мною вопрос Хвостов снисходительно рассмеялся и сказал: «Поверьте мне, что я лучше, чем кто-либо знаю действительные отношения в Царском. За все время пребывания моего в должности Министра и Царь и Царица и близкие им лица были окружены моей тайной полицией и я лично знал каждый их шаг и каждое их слово. Никаких любовных отношений между Царицей и Распутиным не было, да и не могло быть, т.к. Рас-

путин был невенчаный муж Вырубовой, которая этого не скрывала и ревниво следила за каждым его шагом».

И в этих последних словах, как мне кажется, я нашел самое правильное и правдивое объяснение влияния Распутина. Вскоре со всех сторон я стал получать подтверждения словам Хвостова, при чем, в числе прочих доказательств приводилось между прочим и то, что сердце Государыни принадлежало совсем другому лицу, а именно одному из чинов ближней Свиты Государя — флигель-адъютанту Саблину.

Я не знаю точно, когда и благодаря кому Распутин познакомился с Вырубовой. Говорили, что привез его впервые к ней епископ Гермоген, но повторяю, наверное я этого не знаю. Во всяком случае еще за несколько лет до назначения А.Н.Хвостова, Распутин был любовником Вырубовой и последняя влюбилась в него со всей силой своего громадного темперамента. Разобраться в причинах такой любви мне трудно. Вырубова своей внешностью напоминала здоровую цветущую русскую бабу и, возможно, что любовь простого мужика более соответствовала ее вкусам, чем любовь людей ее круга. При этом у Распутина был особый способ действовать на женщин и его актерские дарования и в этом случае очень ему помогали. Он напускал на себя личину безудержной, чисто звериной, страсти, стараясь быть особенно груб и жесток со своими любовницами, и может быть развращенных полуистерических женщин высшего петербургского круга привлекала к себе и восхищала такая непосредственная животная любовь. Во всяком случае, Вырубова молилась на Распутина как на Бога. Возможно, что вначале их связи она не обращала внимания на его пророческие дарования, но впоследствии она не только убедила себя в этом, но очевидно и искренно этому поверила и каждый его

поступок, даже самый гнусный, старалась оправдать его удивительной добротой и необычайной чистотой его души. Может быть в целях несколько оправдать свою позорную связь она старалась и окружающим внушить такое же отношение к Распутину, но Государыню она систематически убеждала в его сверхъестественной духовной силе, в его способность правильно разбираться в людях, и Государыня искренно ему поверила, тем более, что, как я говорил, обратной стороны его личности она не знала. Царь иногда к дарованию Распутина относился скептически, но Вырубова и на него старалась действовать в этом смысле. Причем для поднятия престижа Распутина иногда разыгрывала целые комедии.

Говоря о Вырубовой, мы дошли естественно до выяснения причин знаменитого влияния Распутина на судьбы России.

После всего сказанного мне кажется ясно, что никакого самостоятельного влияния Распутина не было. Его темная личность, подобно луне, отражала сияние придворного солнца, Вырубовой, а все его значение вытекало из громадного значения его любовницы. Умри Вырубова и через несколько недель мы бы уже забыли о Распутине. Умер Распутин, а обстановка нисколько не изменилась и по-прежнему Министры и экс-Министры, желающие тайно влиять на Царствующие Особы, как например Протопопов, Штюрмер, Белецкий, Питирим и т.д. по-прежнему продолжали посещать Вырубову, ухаживать за ней, а власть со смерти Распутина ни на шаг не вышла из сферы влияния пресловутых «темных и безответственных сил». Сам Распутин понимал ту роль, которую играла в его жизни Вырубова. Основой своего поведения он ставит культивирование значения своей любовницы, всеми способами ее ублажает и всячески старается, чтобы до нее не доходили

слухи о его неверности и разврате. Сравнительно редко видя Государыню, Распутин старался в своих целях использовать ее дружеские отношения с Вырубовой. Последней он часто поручал говорить с Государыней по разным вопросам, обращаться с самыми разнообразными просьбами приговаривая: «Ты говори от себя, меня не поминай».

Попытавшись разобрать эти отношения, приходится перейти к вопросу, откуда все русское общество получило твердую уверенность в огромном значении Распутина и в его связи с Государыней. Объяснить это одной только склонностью русской интеллигенции к грязным сплетням нельзя и придется, конечно, более глубоко вдуматься в этот вопрос. Однако признав, что Распутин заимствовал все свое значение от Вырубовой, ответить на этот вопрос довольно просто. Весь Петербург был наполнен всевозможными темными дельцами, которые всегда искали способы наиболее легким образом обделывать свои скверные делишки. Идти прямым законным способом они не находили для себя удобным и поэтому, еще задолго до появления Распутина искали для себя темные ходы, причем обыкновенно находили их или в лице членов семьи какого-нибудь влиятельного Министра или же среди его подчиненных, которые за известное вознаграждение помогали им осуществить их планы. Для таких лиц появление Распутина до крайности было выгодно. Темный мужик, сознававший, что всякий порядочный человек относится к нему с презрением, естественно группировал вокруг себя всевозможные подонки общества и близость его, хотя и не непосредственная, к Царской Семье, при наличности его корыстолюбия, давала им возможность делать из него своего постоянного ходатая. Пользуясь значением Вырубовой, Распутин легко добивался

вначале удовлетворения своих, тогда еще не сложных просьб, а добившиеся благодаря ему исполнения своих желаний дельцы по всей России распространяли слухи о его могуществе. Вместе с тем часть Министров, зная о влиянии Вырубовой, со своей стороны также быстро учли возможность эксплуатировать в своих целях Распутина и поэтому, стремясь завоевать его симпатию и поддержку, ухаживали за ним и, предоставив ему право непосредственно обращаться к ним с различными просьбами, старались по возможности их удовлетворять. Вследствие этого громадное большинство удовлетворенных благодаря вмешательству Распутина ходатайств, никогда до Царского Села не доходило и разрешались келейно единоличным распоряжением Министров. Однако из этого не следует заключать, что всякий Министр за последние годы старого режима должен был иметь общение с Распутиным. Было много Министров, которые абсолютно его игнорировали, не считались с его просьбами, отказывали ему в приеме и в то же время нисколько не вредили себе в глазах Государя. Я точно знаю, что старший Хвостов резко отверг все попытки Распутина приблизиться к нему, в течение своей службы не имел с ним ничего общего, а просидел на должности Министра 14 месяцев, что по тому времени, при наличности министерской чехарды, было громадным сроком.

Таким образом, если можно так выразиться, само общество главным образом и создало значение Распутина и, желая одновременно с тем объяснить это и не зная сущности вещей, создало ту грязную легенду, которую никто не попытался пока открыто опровергнуть. Надо сказать, что и все неудачные выступления в придворных кругах против Распутина, слухи о которых доходили до населения, еще больше способствовали

вере в его всемогущество в то время, как неудача этих попыток освободить Государя от посторонних темных влияний объяснялись тем, что попытки эти делались не по адресу и что за всякое нападение на своего любовника, Вырубова, оставшаяся, вследствие близорукости врагов Распутина, в стороне, мстила самым решительным образом, собрав все свои силы. Понятно, что все слухи о связи Государыни с Распутиным были, как нельзя более на руку всем левым партиям, стремившимся подорвать в народе уважение к Царской власти. Поэтому большинство этих слухов всячески муссировалось левыми, создавались самые легендарные рассказы, которые с большой энергией левые депутаты Государственной Думы и общественные деятели распространяли среди своих знакомых.

Поднятию престижа Распутина помогало еще то обстоятельство, что Вырубова, будучи другом Государыни, жила всегда в непосредственной к ней близости и поэтому почти ежедневные поездки Распутина к Вырубовой «в Царское», как он говорил, толковались его окружающими, а также лицами, случайно встречавшими его в поезде или в другом месте, как едущим к Государыне, тогда как даже Государыню Распутин видел очень редко, т.к. она почти не заходила к Вырубовой, предпочитая вызывать ее к себе. В частых этих поездках можно найти подтверждение, что Распутин ездил только к Вырубовой, т.к. когда он получил приглашение к Государю, он был доставлен по специальной ветке в специальном вагоне, что, как я говорил, за всю службу Хвостова было только раз. Обыкновенно же Распутин ездил в простом служебном вагоне на общих основаниях. В числе «неопровержимых доказательств» близости Распутина к Государыне приводится часто, напечатанная после переворота, переписка ее с Распутиным,

но если рассмотреть внимательно эту переписку, то значение ее в этом направлении значительно уменьшится. Писем Государыни очень мало. Преимущественно опубликованы письма Распутина к ней, и к последним приходится относиться очень осторожно. Писал Распутин Государыне массу писем и телеграмм. Писал он их в довольно фамильярном тоне, называя ее мамой, а государя папой. Письма эти изобиловали всевозможными благословениями, пожеланиями, советами, а иногда и просьбами и, казалось, могли свидетельствовать об интимности их отношений. Между тем для доставления Государыне этих писем был один путь — это Вырубова. Она тщательно их просматривала, цензуровала и всякое письмо, которое могло чем-нибудь оскорбить Государыню или вызвать ее неудовольствие против Распутина, оставлялись ею у себя, где они и были обнаружены после революции.

Когда Распутин бывал пьян, он очень любил хвастаться своей близостью к Царствующим Особам и очень часто для поддержания своего престижа перед присутствовавшими тут же писал письма или Царю или Царице в самом интимном тоне и показывал их окружающим. Такие письма никогда по адресу не попадали и или бывали уничтожены самим старцем после протрезвления, или же случайно оставшись на руках у кого-нибудь из присутствовавших впоследствии получали огласку, как неопровержимые документы. Фамильярность тона писем, дошедших до Государыни, также не должны никого удивлять, т.к. она смотрела на Распутина, как на преданного ей простого непосредственного человека из народа, да к тому же еще почти святого, «блаженного» и, естественно, была склонна многое прощать ему вследствие его невежества. Ответы Распутину Государыня писала всегда под руководством Вырубовой,

которая сама выбирала выражения и указывала, как надо писать, чтобы не оскорбить или не обидеть Святого Старца. Таким образом повторяю, что вся легенда об особой близости Распутина к Государыне абсолютно ложна.

Возвращаюсь снова к А.Н.Хвостову, как я уже говорил, с первых же дней своего вступления в должность он убедился в необходимости обеспечить себе полную поддержку Государыни и для этой цели установить тесное общение с окружающими ее лицами, которые уже принимали известное участие в деле его назначения. Такими лицами являлись члены кружка Вырубовой. В состав его кроме ее самой входили: дворцовый интендант генерал В.Н.Воейков, строитель Феодоровского Государева Собора полковник Ломан, личный секретарь Вырубовой московский купец, а в последствии член Совета Министра Торговли и Промышленности Н.И.Решетников, Распутин и небезызвестный петербургский делец, кн. Н.Н.Адроников, который, между прочим, и ввел А.Н.Хвостова, еще до назначения его Министром, в этот кружок. Назначение А.Н.Хвостова состоялось в то время, когда Распутин находился в Тобольске, и поэтому назначение неизвестного ему лица очень его взволновало. Он даже послал Вырубовой телеграмму, возражая против такого назначения, но телеграмма эта запоздала и в Петербург Распутин вернулся в то время, когда Хвостов прочно сидел на министерском кресле. Поэтому по приезде Распутина Вырубова решила познакомить нового Министра и Распутина и пригласила его к себе. Предлогом для этого свидания послужило то обстоятельство, что в последнее время со всех сторон стали распространяться слухи, что готовятся покушения на вешего Старца. И Вырубова, и Старец получали в большом количестве анонимки самого угрожающего характера, и трус-

ливый по своей натуре Распутин просто не находил себе места от страха. Поэтому Вырубова обратилась к А.Н.Хвостову с просьбой принять меры к охране дорогой ей особы, и Хвостов с особым удовольствием ухватился за эту идею, так как увидел в ней возможность всецело поставить Распутина под свой надзор и иметь самые подробные сведения о его жизни и времяпрепровождении. Немедленно, под предлогом охраны его жизни, Распутин был окружен целой сетью филеров, а во главе этой охраны был поставлен жандармский полковник, скоро произведенный в генералы, М.С.Комиссаров. Выбор этого лица очень поразил всех, знавших дела Департамента Полиции. Даже среди жандармов Комиссаров пользовался репутацией отъявленного негодяя и едва ли не разбойника. Хвостов, назначая его, не мог не знать этой репутации, но характерной чертой его характера было полное презрение к людям и он считал, что приятнее иметь дело с открытым мерзавцем, чем с человеком несущим личину порядочности, думал, что производством Комиссарова в генералы, наградами и большим жалованием, он заставит его понять выгоду, получаемую им от повиновения Министру и сделает из него преданного и беспрекословно исполняющего все его приказания слугу. Репутация Комиссарова убеждала его в том, что в случае необходимости он не задумается исполнить самые невероятные распоряжения Министра, хотя бы даже и убийства или, как это называется на жандармском языке, ликвидацию Распутина. О последнем Хвостов еще серьезно не думал, но между прочим поручил Комиссарову всячески спаивать Распутина, что было совсем не трудно. Головокружительная карьера и страх за свою жизнь совершенно вывели из равновесия «святого» человека и он в вине старался утопить все свои волнения. К

этому времени известная сдержанность и опасение погубить себя в глазах своих покровителей совершенно покинули Распутина и он все чаще и чаще стал появляться в совершенно пьяном виде, иногда приезжая в таком состоянии и к Вырубовой. Ничего нет удивительного, что Хвостов обманулся в Комиссарове. Последний, оказавшись дядькой Распутина, тотчас признал выгодным для себя взять его в свои руки и, следуя инстинктам своей разбойничьей природы, решил, что проще всего достигнуть этого не только спаивая, но и систематически терроризируя старца. Последнее ему удалось блестяще, т.к. на средства он не скупился. Он сразу стал обращаться с Распутиным особенно грубо, ругал его самыми скверными словами, часто давал пинки, а иногда и просто бил, отравлял его каши, которые Распутин очень любил и получал в большом количестве от своих поклонниц, причем этим еще более вызывал в Распутине страх за свою безопасность. Распутин не решался жаловаться на грубое обращение Комиссарова, потому что явно сознавал, что в случае какого-либо воздействия на его дядьку сверху, последний не задумается его прикончить, что тот ему, впрочем, и сам откровенно сказал. Известным облегчением в его жизни была поездка Комиссарова в Москву, во время которой Распутин набрался смелости и пожаловался на него Вырубовой. Последняя была глубоко возмущена этим и в свою очередь пожаловалась Хвостову, в результате чего Комиссаров получил строгий выговор. Обозленный этим, он прямо с вокзала примчался к Распутину, который в это время отдыхал в своей спальне, и, не смотря на протесты семьи старца и нескольких бывших в это время поклонниц, ворвался к нему. Последний, увидав его, в страшном испуге побежал по квартире, но был в кухне достигнут рассвирепевшим генера-

лом, который просто стал упрекать Распутина за жалобу. Еще более струсивший старец встал на колени и, крестясь на икону, уверял, что ничего против него не предпринимал, на что получил резкий и довольно оригинальный ответ, что «ты, каналья, крестишься, потому что знаешь, что Святая икона тебе, подлецу, в глаза не плюнет» и т.д. Однако все же, в отсутствие Комиссарова, Распутин набрался смелости и снова пожаловался Вырубовой, и в результате всего этого Комиссаров был отставлен, но и у Хвостова отношения с Вырубовой сильно пошатнулись, т.к. она чувствовала, что Комиссаров действовал не без ведома Министра.

Впрочем, это произошло уже в конце декабря 1915 г., поэтому, чтобы не забегать вперед, приходится временно оставить в покое и Вырубову и Распутина и вернуться к тому периоду, когда Хвостов только что укрепил свое положение, завоевав поддержку Императрицы.

Мне трудно изложить здесь ту программу реформ, которую выработал для себя Хвостов. Во всяком случае, первым, чем он занялся, было привлечение местных органов Министерства Внутренних Дел, т.е. Губернаторов и Градоначальников к участию в борьбе с начинающимся продовольственным кризисом и соответственно с этим стремление усиления их власти и поднятие поколебленного политикой его предшественника, престижа их и подведомственных им чинов полиции. Последнее Хвостов во все время пребывания его на должности Министра педантически проводил, причем иногда доходил прямо до крайности. Я помню какое странное впечатление произвела его речь членам корпуса жандармов при приезде его в Москву.

Мы все встречали его в парадных комнатах Курского вокзала и были выстроены в две шпалеры. Направо от входа стояли все высшие гражданские чины Министерства Внутренних Дел, а налево жандармы и полиция. Войдя в сопровождении Градоначальника, Хвостов сделал нам общий поклон, прямо подошел к жандармам и произнес им целую речь. Смысл ее был таков: еще в 1905 году, имев возможность в качестве Губернатора убедиться в блестящей работе Корпуса Жандармов, он на всю свою жизнь сохранил к ним искреннее уважение. Для офицеров Корпуса Жандармов его дверь всегда открыта и всякий, желающий лично к нему обратиться с докладом или просьбой, будет желанным гостем. Закончил он свою речь словами: «Душой я всегда с вами», и только тогда, пожав им всем руки, повернулся к нам и стал с нами знакомиться.

Почти одновременно с назначением Хвостова, для урегулирования продовольственного вопроса было образовано Особое Совещание по продовольствию, во главе которого встал Министр Земледелия. Во всех губернских городах должны были быть образованы местные Совещания во главе с уполномоченным по продовольствию, назначенным Министром Земледелия. Кто именно должен быть назначен Уполномоченным, в Положении об Особом вещании сказано не было, но среди общественных кругов воцарилась уверенность, что таковыми окажутся Председатели Земских Управ и Городские Головы, что даст возможность общественным элементам захватить в свои руки и это дело. Новый Министр Внутренних Дел на этот вопрос смотрел совершенно иначе. Он уже раньше ясно усвоил себе, что в ближайшее время самым серьезным вопросом Государственной жизни будет продовольственное

дело и поэтому считал, что, тот кто возьмет его в свои руки, будет играть первую скрипку в управлении Россией. Он уже не мог поднять вопрос о пересмотре Положения о Продовольственном Совещании, но решил использовать его в интересах своего ведомства тем, чтобы Уполномоченными по Продовольствию назначались бы Губернаторы и Градоначальники. Таким образом, хотя по этой должности они попадали бы в известную зависимость от Министра Земледелия, но зато Министр Внутренних Дел имел бы полную возможность, пользуясь ими, регулировать продовольственное дело.

Ему было не трудно добиться согласия Совета Министров, т.к. все они понимали, что только местные представители Министерства Внутренних Дел, располагая подведомственной им полицией, могут в надлежащей мере распоряжаться в этом сложном деле, другие же лица, будь то общественные деятели или чиновники иных ведомств, окажутся не в состоянии действительно влиять на продовольственные дела без поддержки Министерства Внутренних Дел.

В соответствии с этим всем Губернаторам и Градоначальникам были посланы телеграммы, в коих Министр указывал, что в случае предложения им Министром Земледелия обязанностей Уполномоченного по продовольствию, отказ представляется недопустимым. Благодаря этому почти во всех городах России Уполномоченными по продовольствию стали чины Министерства Внутренних Дел. Однако это еще не вполне удовлетворило Хвостова, и он в конце ноября добился Высочайшего Повеления, согласно коего Губернаторам предлагалось обратиться, независимо от участия в работах Продовольственного Совещания, все свое внимание на урегулирование продовольственного вопроса в пределах своей Губернии,

причем в связи с этим им разрешалось все остальные дела по управлению Губернией передать Вице Губернаторам, а в случае необходимости даже менять свое постоянное пребывание, покинуть губернский город и избрать своим местожительством какой-либо иной важный в продовольственном отношении пункт Губернии. Вместе с тем и сам Министр лично проявил особенный интерес к продовольственным делам. Вскоре после назначения он прибыл в Москву и почти все свое время посвятил вопросу о разгрузке железнодорожного узла, вопросу, который относился к компетенции Министров Путей Сообщения и Земледелия, но отнюдь не Внутренних Дел. Было созвано Особое Собрание из представителей заинтересованных ведомств, органов самоуправления и торговцев, причем Министр откровенно заявил им, хотя это непосредственно к нему не относится, но что Государыня поручила ему разобраться и наладить это дело. В виде исключения созванное Собрание не оказалось совершенно бесполезным и, благодаря ему, через несколько дней московский железнодорожный узел был очищен от залежавшихся грузов и была получена возможность доставлять в большем количестве предметы первой необходимости.

Во время пребывания в Москве Хвостову удалось успешно окончить еще другое, значительно более мелкое, но весьма щекотливое дело. Я уже упоминал выше о московском дворянском собрании, на котором Джунковский был избран выборщиком в Государственный Совет. На том же собрании состоялись выборы Губернского Предводителя Дворянства вместо назначенного Обер-Прокурором Синода Самарина, и избранным оказался П.А.Базилевский, бывший московский уездный Предводитель. Однако, т.к. Самарин в частном совещании

откровенно заявил, что вероятно в ближайшее время он будет уволен, то дворяне, избрав Базилевского, условились с ним, что в случае возвращения в Москву Самарина, он выйдет в отставку, а Самарин будет переизбран. Отставка Самарина последовала раньше, чем все ожидали, и Базилевский еще даже не был утвержден в новой должности, как бывший Обер-Прокурор вернулся в Москву. Желая проявить протест против увольнения Самарина, группа московских дворян потребовала от Базилевского отказаться от должности Губернского Предводителя. Хвостов, узнав об этом, сообразил, что это явится новым выступлением дворянства против Престола и решил воспользоваться своими дипломатическими способностями, чтобы урегулировать этот вопрос. На следующий день по приезде в Москву он вместе с Климовичем отправился к Базилевскому и так повел с ним разговор, что последний ясно сознал невозможность для него отказа от должности Предводителя и на следующий день вступил в исполнение своих новых обязанностей, что лишило возможности либеральную часть московских дворян сделать новую демонстрацию против Правительства.

Еще за несколько времени до назначения Хвостова, Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием, Статс-Секретарь Кривошеин, недовольный направлением политики Правительства и очевидно не желавший компрометировать свою популярность среди общественных кругов дальнейшим участием в работах Правительства, стал подумывать об отставке. По его словам, назначение младшего Хвостова окончательно укрепило это решение, и он в этот же день подал прошение об отставке. Через несколько дней это прошение было удовлетворено одновременно с преобразованием Главного Управе-

ния в Министерство Земледелия и временное управление новым Министерством было возложено на Товарища Министра Глинку. Такой оборот дела, как нельзя более соответствовал желаниям Хвостова. Во-первых, он избавился от весьма опасного политического противника, во-вторых, он получал возможность, в связи с предполагаемым участием в продовольственных делах, заручиться поддержкой Министра Земледелия, проведя на эту должность лицо, на которое он мог бы положиться. Подходящим для этой роли, с точки зрения Хвостова, был правый член Государственного Совета по выборам, Самарский Губернский Предводитель Дворянства А.Н.Наумов, который вскоре и был назначен Министром Земледелия. Насколько я знаю, за все время их совместной службы Наумов поддерживал Хвостова и с этой стороны он не ошибся. Но он ошибся, предполагая, что в лице Наумова Совет Министров найдет убежденно правого деятеля, который благодаря своей продолжительной службе по выборам и хорошему знанию Земского дела, окажется исключительно полезным в предполагаемой борьбе с общественными организациями. Этих надежд Наумов не оправдал, как не оправдал и Самарин, и это обстоятельство наводит меня на мысль, что ничего случайного в этом нет и что вообще люди, долгое время служившие по выборам, совершенно не годились для административных должностей.

Объяснение тому я склонен находить в противоречии характеров этих служб. Всякий общественный деятель, проявивший даже административные способности, всю свою работу должен был делать на виду. Уже не говоря о том, что все гласные имели право в любой момент потребовать у него отчета в его действиях и открыто их критиковать и осуждать, он все время в своей деятельности находился под контролем прессы,

которая знакомила с его работой и личностью всю читающую Россию. Поэтому, чтобы не повредить себе в глазах своих избирателей и не разрушить репутации выдающегося общественного деятеля, каждый из таковых должен был несколько заигрывать с печатью и, если не делать, то по крайней мере говорить в ее духе. Но всем известно, что дух печати в это время был либеральным, а, следовательно, всякому общественному деятелю, без различия его политического убеждения, приходилось иногда делать либеральные жесты. Вместе с тем, независимо даже от отношения к печати, всякому человеку, служащему по выборам, приходилось сильно считаться со своими избирателями и стремиться заслужить их одобрение. Вот это-то стремление завоевать общее одобрение и было тем ядом, который разъедал политические убеждения общественных деятелей.

Совершенно иной характер носила правительственная служба. Там каждый деятель также нуждался в одобрении, но не широких кругов, а или лично Государя, или же своего непосредственного начальства. В этом случае отношение печати почти всегда играло противоположную роль. До последнего времени с ней считались очень мало и даже в правительственных сферах (существовал определенный взгляд, что чем больше какого-нибудь администратора ругают, тем более он на своем месте, т.к. очевидно пришелся 'поперек горла либеральной части населения, которая, как известно, создает общественное мнение. Многие деятели Старого Режима на газетной травле составили свою карьеру: так было с Курловым, Нейгардтом, Муратовым и многими подобными им. Многие сановники, уже предназначенные к увольнению в отставку, укрепляли свое положение вследствие травли газет или напа-

док на них в Государственной Думе, т.к. Правительство считало, что после этого их отставка была бы истолкована всеми, как уступка общественному мнению и придала бы смелости врагам Государственного Строя. Таким образом, самые правые общественные деятели, попадая в непонятную им бюрократическую среду, со своими привычками выборной службы оказывались сразу в весьма неопределенном положении.

Либеральная часть общества и послушная им пресса давно учли это обстоятельство и, обыкновенно, сочувственно встречая новых сановников, быстро ловили их на эту удочку и последние, читая с чувством глубокого удовлетворения лестные о них отзывы, старались, чтобы и впредь отношение к ним печати не изменилось. Поэтому они продолжали делать либеральные жесты, осыпали знаками внимания журналистов и всячески стремились не скомпрометировать своей популярностью какой-нибудь реакционного законопроекта. Вследствие этого верные слуги Царя, незаметно для себя делались слугами его врагов. Так было с Самариним, так было с Наумовым, с тов. Министра Народного Просвещения А.Н.Рачинским, это погубило кн. Щербатова, человека тоже правого по своим убеждениям и многих других, их же имена Ты Господи веши.

Организация Продовольственного дела не являлась единственным вопросом, который принес с собой в Министерство Хвостов. Не менее важным для него являлось и изменение направления деятельности органов самоуправления и общественных организаций, привлечения их на сторону Правительства, а также подготовка желательных для Правительства выборов в V-ю Государственную Думу, которые должны были произойти в 1917 году. Соответствующий законопроект про-

диктовали Хвостову его презрение к людям и уверенность в могуществе золота. К сожалению, Хвостову не удалось по независящим от него обстоятельствам осуществление этого проекта, но во всяком случае нельзя не признать, что он был очень остроумен и давал сильнейшее оружие в руки Правительства. Хвостов предполагал для осуществления своей цели произвести реформу Государственных Ссудосберегательных Касс и провинциальных отделений Государственного Банка. Согласно этого проекта, эти учреждения, значительно изменив свой характер, сливались воедино и учреждались не только в Губернских, но и уездных городах России. Во главе каждого такого учреждения назначался специальный чиновник Министерства Финансов, но при нем, наподобие частных банков, образовывался особый совет из нескольких членов. В число последних должны были входить местные председатели местной Управы, Городской Голова и еще несколько общественных деятелей, назначаемых по соглашению Министра Финансов с Министром Внутренних Дел, причем должности эти являлись платными и хорошо оплачивались. Официальным объяснением учреждения такого совета явилось бы указание Правительства на желательность привлечения местных общественных сил для правильности функционирования этих учреждений, что, конечно, встречено было бы общим сочувствием. Действительной же целью было поставить провинциальных деятелей в денежную зависимость от Правительства. Для какого-нибудь Председателя Уездной Управы, получающего в год около 3.000 рублей, место члена совета с жалованьем в 4.000 рублей, явилось бы свалившимся с неба сокровищем и несомненно, что он обеими руками ухватился бы за вторую должность. Однако он должен был бы помнить, что на эту

должность он назначен Правительством и что последнее вряд ли отнесется с особым сочувствием к каким-либо враждебным ему выступлениям этого лица. Поэтому немым условием сохранения приятной должности являлась бы поддержка Правительства, которое во всякое время имело возможность изгнать неугодного ей общественного деятеля из теплого гнездышка.

Этот проект, получив полное одобрение Государя, встретил неожиданное противодействие в лице Министра Финансов П.И.Барка, который, хотя принципиально и признавал целесообразность проекта Хвостова, но в то же время опасался, что его осуществление даст Министру Внутренних Дел возможность открыто вмешиваться в дела Министра Финансов. Это противодействие заставило Хвостова вновь перейти из плоскости государственного строительства в плоскость интриг и он, решив, что для проведения своей программы ему необходима поддержка Министра Финансов, повел кампанию против Барка, выдвигая на его место кандидатуру моего тестя гр. В.С.Татищева, обратившего на себя особое внимание в придворных сферах своим выступлением на собрание выборщиков в Государственный Совет, о котором я уже говорил. Однако с Барком не так легко было справиться, несмотря на то, что Хвостову удалось привлечь на свою сторону Государыню, Вырубову, которая в присутствии Государя открыто называла Барка вором, и многих других, близких Государю лиц. Министр финансов сидел крепко и даже, во время самой ожесточенной кампании против него, получил знак Монаршего доверия назначением его членом Государственного Совета с оставлением Министром Финансов. Даже сейчас трудно объяснить эту прочность Барка. Говорили, что он имел какие-то особые

основания на расположение Государя, доставив ему возможность лично выиграть колоссальные суммы на валюте, чему я впрочем абсолютно не верю, т.к. судя по всему, что я слышал о Государе, он вообще не имел ни малейшего представления о значении денег. Говорили, что Распутин на жаловании Барка и поэтому содействие его падению со стороны Вырубовой только призрачное. Говорили, что Государь просто из-за собственного ему упрямства не желает исполнять общее желание своих близких. Трудно сказать, что было правдой, но во всяком случае Барк до революции досидел на Министерском кресле, несмотря на то, что и правые и левые признавали, что его финансовая политика ведет Россию к неминуемому банкротству. Предпринятая Хвостовым против Барка кампания еще более утвердила его в мысли, что простым открытым путем при настоящей конъюнктуре от Царя ничего добиться нельзя, что управление Россией возможно только путем интриг, но и что никому из приближенных Государя нет ровно никакого дела ни до войны, ни до России, а все стремятся лишь к достижению своих личных выгод. Получив такое убеждение, Хвостов не нашел необходимым отказываться от своих целей, но еще более ухватился за возможность получить пост Председателя Совета Министров и вместе с тем найти тайный способ влиять на Государя. Последнее он думал достичь благодаря своему положению, как Министр Внутренних Дел, и рассчитывал, окружив всех близких придворным сферам лиц своей тайной полицией, быть в курсе всех интриг, знать все их планы и, держа таким образом все нити интриг, заставить придворных играть роль марионеток в его большой игре. Как легко догадаться, здесь в нем больше играл спортсмен, чем Государственный человек и скоро он, с головой бросившись в омут

придворных страстей, вошел в их вкус и сам так в них запутался, что уже не удержался на министерском посту.

Мысль о возможности стать Председателем Совета Министров его долго не покидала. В этом его надежды поддерживала не только Государыня, которая до назначения Штюмерера говорила с ним, как с Главой Правительства, но и сам Царь. Сначала довольно осторожно, а затем все более ясно Государь стал с ним совещаться по вопросам общей политики, но особенно рельефно это проявилось во время состоявшейся 10 декабря 1915 года поездки Государя в Ставку, во время которой его сопровождал Хвостов, с которым он все время говорил уже не как с Министром Внутренних Дел, а как с Премьером. В эту поездку Государь обратил особое внимание на его проект реорганизации отделений Государственного Банка и громко высказал свое восхищение. В этот период Хвостов только что крепко взял в руки нити придворных интриги, убедившись, что Государь просто желает видеть его премьером, направил все свои усилия на сокрушение Горемыкина.

Я точно не знаю, путем какой интриги удалось заставить Горемыкина не исполнить одного Высочайшего Повеления, но когда это дошло до Государя, он сказал: «Действительно, Иван Логинович стал слишком стар», и действительно, Горемыкин, сделанный Действительным Тайным Советником I-го Класса, навсегда отошел от активной деятельности. Но столкнуть Горемыкина было гораздо легче, чем занять его место. Скоро Хвостову пришлось убедиться, что он вытаскивал каштаны из огня своими руками для другого. Как я уже говорил, в середине декабря жалобы Распутина на грубое обращение с ним Комиссарова вызвали раздражение Вырубовой против Министра Внутренних Дел и, благодаря этому, параллельно возрастанию

надежд Хвостова на получение места Премьера, шло охлаждение к нему Государыни. В это же время Хвостов, совершенно об это не думая, приобрел себе нового опасного врага в лице недавно назначенного Петроградского Митрополита Питирима. Трудно сказать по каким причинам, но Хвостов совершенно не учел возраставшего влияния этого прелата. Всем было известно, что своим высоким назначением новый Митрополит был обязан Распутину, с которым он уже несколько лет поддерживал дружеские отношения. В вопросе назначения Митрополитов и Архиереев Распутин имел большое значение, т.к. естественно, считаясь блаженным Божьим человеком и пророком, он, в силу своих дарований касался ближе всего духовных ведомств. Это не является только злой насмешкой, но, к сожалению, вполне соответствовало действительности, тем более, что Государыня искренно верила в сверхъестественную способность Распутина правильно оценивать людей и считала, что в выборе Владык Господняя воля всего ярче проявится через этого пророка. Все это Хвостову было известно, но он легкомысленно полагал, что Питириим успокоится, достигнув желанной Митрополии, и потому не только не проявил желания завоевать его симпатии, но просто позволял себе острить над некоторыми весьма неблагоприятными чертами интимной жизни этого своеобразного Князя Церкви. Некоторые из острот Хвостова дошли до ушей Питирима и он, сильно раздраженный этим, решил использовать все свое влияние, чтобы не допустить усиления власти враждебно относящегося к нему Министра.

Кампанию против Хвостова Владыка повел очень умело. Выбрав подходящего кандидата на должность Премьера в лице известного своей реакционностью члена Государственного

Совета Б.В.Штюрмера и заручившись через посредство близкого ему лица, небезызвестного Манусевича-Мануйлова его заверениями в преданности и уважении, Владыка стал рекламировать своего кандидата в качестве истинного Государственного человека вполне подходящего для занятия столь ответственной должности и одновременно рисовал Хвостова, как неуравновешенного молодого человека, использовав для этой цели легкомысленное поведение его в своей частной жизни. Благодаря энергии и ловкости Митрополита, кружок Вырубовой принял весьма оригинальную позицию. С одной стороны, он еще не порвал отношений с Хвостовым, который по-прежнему продолжал считаться в Царском своим человеком, с другой стороны, он не только не противодействовал проискам Питирима и соединившихся с ним других врагов Хвостова, но даже тайно поддерживал их.

В итоге этих интриг, 31-го декабря 1915 года Штюрмер был назначен Председателем Совета Министров, а Хвостов в его лице получил нового и весьма сильного врага, не брезговавшего никакими средствами. Нечего говорить, что Штюрмер с первого же дня своей службы сделался близким другом и Вырубовой, и Распутина, сумев внушить им, что в его особе они получили самого преданного и влиятельного помощника. Обозленный своей неудачей Хвостов быстро понял, кому он этим обязан и, располагая еще всей полнотой власти Министра Внутренних Дел, решил надлежащим образом им отомстить.

Теперь приходится коснуться ближайших помощников Хвостова по службе, а именно: Товарищей Министра Внутренних Дел П.Белецкого, кн. В.М.Волконского, Н.В.Плеве и, назначенного незадолго до отставки Хвостова, А.И.Пильца. Последний, равно как и Плеве, не принимали никакого участия в

интригах и занимались почти исключительно своими обязанностями. Кн. Волконский, еще недавний Товарищ Председателя Государственной Думы, также не принимал большого участия в придворных интригах, т.к. строил все свое будущее благополучие на хороших отношениях с Думой и в течение всего своего пребывания на посту Тов. Министра занимался сообщением лидерам думских фракций интересных дел своего ведомства и осторожно принимал участие в проектируемых в парламентских кругах заговорах и интригах. Охранное Отделение неоднократно доносило об его отношениях с кадетскими деятелями и о тайных обедах с ними в отдельных кабинетах петербургских ресторанов. Но Хвостов смотрел на это сквозь пальцы, не считая его опасным и надеясь в случае необходимости использовать в своих целях его добрые отношения с Государственной Думой.

Самым же опасным врагом Хвостова в его же Министерстве являлся третий Товарищ Министра — Белецкий, на котором приходится несколько остановиться. Происходя из совсем маленьких людей, Белецкий пробил себе дорогу и сделал большую карьеру благодаря двум своим выдающимся чертам: работоспособности и подлости. Генерал Джунковский, при своем назначении Товарищем Министра, заведующим полицией, застав его на должности Директора Департамента Полиции, в первые же дни своей новой службы резко потребовал его увольнения и только усиленные просьбы друзей Белецкого убедили Джунковского не протестовать против назначения его Сенатором. Однако Белецкий не желал остановить на этом свою карьеру и получив, благодаря сенаторству много свободного времени, за свой страх и риск вмешался в паутину придворных интриг и, благодаря своему вышеуказанному второму

качеству, скоро завоевал симпатии Вырубовой и Распутина. Поистине можно сказать, что дружбу Распутина Белецкий завоевал в поте лица.

Мне невольно вспоминается один из рассказов о Распутине, за достоверность которого я ручаюсь. Приглашенный в один из великосветских домов Петербурга неким X на обед, Распутин приехал с большим опозданием и в очень веселом и возбужденном состоянии. На вопрос хозяйки: «Что это Вы, Григорий Ефимович, такой веселый?», старец, смеясь, ответил: «Распотешил меня этот шут, Белецкий (старец сделал ударение на первом слогe), уж как пляшет, как поет». Надо лишь добавить, что этот случай произошел в то время, когда Белецкий, сделавшись Товарищем Министра, снова стал особой, и потому легко себе представить, что в погоне за этим постом «дирекция (добиваясь поддержки Распутина, вероятно) не жалела никаких затрат».

Во всяком случае, при назначении Хвостова Министром, ему кружком Вырубовой было поставлено непременно условием, чтобы в Товарищи себе он пригласил бы Белецкого. Хвостов долго в этом не сознавался и со свойственным ему остроумием на общие изумленные вопросы, как он мог выбрать себе такого заведомо недобросовестного помощника, давал следующее объяснение. По его словам, в бытность его Нижегородским Губернатором, Министерство Внутренних Дел усиленно травило его за самостоятельность и всем Директорам Департаментов было приказано засыпать его всевозможными запросами. По большей части все эти придирки оказывались настолько нелепыми, что он даже не находил нужным на них отвечать. Только запросы Директора Департамента Полиции Белецкого были настолько остроумно и хитро задуманы, что

он проникся к нему полным уважением и поэтому и решил назначить его своим Товарищем, надеясь, что он будет так же верно служить ему, как служил Макарову, травя совершенно неизвестного ему Губернатора.

Получив желанное назначение, Белецкий учел все возрастающее влияние нового Министра и противопоставляя Хвостовской лени свою исключительную работоспособность, а также проявляя готовность служить ему, не гнушаясь никакими средствами, быстро стал для Министра необходимым человеком. Сваливая большую часть работы со своих плеч на Белецкого, Хвостов совершил две непростительные ошибки: во-первых он добился Высочайшего Повеления предоставлявшего право Белецкому подписывать за Министра все денежные ассигновки по Министерству Внутренних Дел, чем поставил себя в известную зависимость от своего подчиненного, которому, благодаря этому, были известны все производимые Министром самостоятельно расходы.

Во-вторых он позволил Белецкому вместо себя делать Всеподданнейшие доклады о политическом положении России и таким образом может быть первый и внушил своему честолюбивому помощнику мысль, что тот и сам мог бы стать Министром. Положим, Хвостов считал, что он обезвредил достаточно Белецкого, несколько раз сострив в присутствии Государя о его наружности и тем придав ему в глазах Царя комический оттенок: Белецкий был очень некрасив, и его отталкивающая наружность произвела на Царя неприятное впечатление, о чем он и сказал Хвостову, последний же ответил: «Конечно, Ваше Величество, его послом в Испанию назначить нельзя, но у него доброе матерное лицо». Государь долго смеялся и после первого же доклада Белецкого сказал Хвосто-

ву, что все время рассматривал Белецкого и представлял его себе испанским послом. На последнего же это произвело совершенно иное впечатление, и он, вернувшись с доклада, с восторгом рассказывал Хвостову, что Государь был особенно милостив и все время, глядя на него, приветливо улыбался.

Однако за первым докладом последовали дальнейшие, и с каждым днем честолюбивый Товарищ Министра все более и более убеждался в своем значении, а параллельно этому у него росло недоверие к прочности положения своего начальника, благодаря чему Белецкий в конце декабря стал уже серьезно подумывать о возможности получить место Министра Внутренних Дел. Вероятно, первое время он надеялся получить тот пост естественным путем, т.е. после назначения Хвостова Председателем Совета Министров, но когда эта возможность провалилась, Белецкий решил использовать всю свою власть и все значение, представленные в его руки ленью и попустительством Министра, для того, чтобы вытолкнуть последнего с его кресла. Хвостов скоро почувствовал, что вокруг него собираются грозные тучи, но, оставаясь по-прежнему спортсменом, решил понапрямь все свои силы и, не брезгуя никакими средствами победить своих врагов.

События последних дней заставили его внимательно приглядеться к окружавшей его обстановке и признать, что предшествовавшая его политика была ошибочной. Как я уже говорил выше, на постоянство симпатии к нему Государя он не рассчитывал, но строил свои надежды на поддержку Государыни. Назначение Штюрмера ясно ему показало, что приближенные Царицы ему изменили и что кроме того Штюрмер с их согласия, опираясь на Белецкого, подводит под него подкоп. Эти обстоятельства, видимо, заставили Хвостова вспомнить,

что он не только Министр, но и член Государственной Думы и что в предстоящей борьбе ему надлежит опереться на Думу и общество.

План кампании совершенно естественно вытекал из этого: война должна была начаться походом против Распутина. Выше я уже говорил, что эта позорная личность, вследствие неосторожности его поклонниц, была окружена людьми Хвостова. Однако последний, видимо, не стремился избавиться от Распутина путем простого убийства, и я склонен утверждать, что, не смотря на все ходившие во время отставки Хвостова слухи на эту тему, он такового намерения вообще серьезно не имел. Но сломать голову Распутину открыто и доказать всей России, что она этим обязана исключительно Хвостову, он желал со всей силой своей природы и быстро стал проводить это в жизнь. Хвостов предполагал погубить Распутина, сделав доклад Государю, но с тем, чтобы его доклад был поддержан одновременно и Государственной Думой, которая должна была открыто показать, что Министр в этом отношении пользуется ее доверием и что она требует, чтобы Правительство отнеслось к его словам с полным вниманием. Частным образом Хвостову быстро удалось добиться в этом отношении поддержки президиума Думы во главе с Родзянкой, но Дума в это время была распущена, и поэтому раньше всего требовался срочный ее созыв. Впоследствии Хвостов, смеясь, рассказывал, какое недоумение вызвал в Совете Министров его доклад о необходимости созыва Государственной Думы, т.к. большинство Министров, привыкнув смотреть на Хвостова, как на крайнего реакционера, никак не могли объяснить себе его энергичного выступления в защиту прав Думы.

Действительно, в начале января 1916 года, кажется седьмого, была созвана Государственная Дума, а 11-го ее посетил Государь, чем в значительной степени поднял патриотическое настроение членов Думы. Судя по докладам прикомандированных к Распутину филеров, последний утверждал, что посещение Государем Думы было сделано по его мысли, и что он посоветовал Штюмеру убедить Царя сделать этот жест по адресу Законодательной Палаты. Созыв Думы не оправдал надежд Хвостова. Большинство главарей думских партий относились к нему весьма враждебно и хотя и не имели ничего против того, чтобы воспользоваться его выступлением против Распутина для своих целей, но почти не скрывали, что в этом случае они смотрят на Хвостова, как на орудие в своих руках. Последний же наоборот, желал сделать из Думы свое орудие и поэтому, при взаимном недоверии, планы Хвостова налаживались чрезвычайно медленно. Помимо правой части Думы, которая смело шла за ним, Хвостову удалось заручиться поддержкой некоторых левых членов Думы, но все это далеко не удовлетворяло его желаний. Параллельно его неукладке в его переговорах с членами Думы шло дезертирство его приближенных и прежних сторонников из его лагеря в лагерь Штюмера, т.к. все видели, что этими двумя сановниками завязалась борьба не на живот, а на смерть и полагали, что вернее встать на сторону Штюмера, т.к. это более сильный противник. Как видно, в жизни людей полоса удач сменяется полосой неудач и, вступив в последнюю, человек уже неизбежно должен идти к своей гибели. Так было и с Хвостовым. В этот опасный момент он не только не стал осторожнее, но напротив, продолжал вести по-прежнему легкомысленный образ жизни, о котором все громче и громче стали говорить в Петербурге. В общество

стали проникать слухи, что молодой Министр, наняв в городе несколько квартир для конспиративных служебных дел, проводит там время значительно веселее, чем предполагали, что он далеко не чуждается легкомысленного женского общества и т.д., и все эти слухи лишь увеличивали число козырей в игре Штюмера и его союзников.

В то же время Хвостов, видя все происходящее, все более и более раздражался и делался неосторожнее, и это обстоятельство удаляло от него многих его влиятельных сторонников из придворных сфер. Однако надо добавить, что от этого и до отставки было еще очень далеко. Скорей это было борьбой за власть, чем за сохранение Министерского поста.

В конце января разыгралась пресловутая история с Ржевским, о которой все были хорошо осведомлены благодаря тому, что Штюмер разрешил печатать о ней в газетах и на которой строились обвинения Хвостова в желании умертвить Распутина. Так как эта история могла забыться, я изложу ее вкратце с добавлением тех подробностей, которые не были известны газетам. Хвостов, будучи нижегородским Губернатором, познакомился с неким административно высланным Борисом Ржевским, который подобно многим революционерам, быстро перешел из категории страдальцев за свободу в категорию агентов Департамента Полиции. По назначении Хвостова Министром, Правительством были получены из Норвегии сведения, что проживающий там мятежный монах Иллиодор написал книгу о Распутине, обливающую грязью Царскую Семью, и хотя и предполагает продать ее редакции одной американской газеты, но в то же время не прочь за хорошую цену уступить рукопись русскому Правительству.

Придворные сферы заволновались, и Министру Внутренних Дел поручено было уладить это дело. Хвостов решил, что покупка рукописи ни к чему не приведет, т.к. нет никакой гарантии, что у Иллиодора нет второго экземпляра, а потому предложил последнему вместо продажи рукописи получать ежегодно пенсию за ненапечатание своей книги. Иллиодор согласился, и для окончательных переговоров с ним Хвостов решил командировать в Норвегию Ржевского с деньгами. Однако, снабжая его деньгами, Хвостов вынужден был испытать неудобство передачи Белецкому права подписывать денежные ассигновки, т.к. последний сразу узнал, что Министру на какие-то секретные расходы понадобилась значительная сумма, а установить кому передаются эти деньги Белецкому было очень легко, т.к. он стоял во главе Департамента Полиции. Получив эти сведения, Белецкий, очевидно с согласия Штюрмера, решил использовать факт командировки Ржевского в Норвегию для обвинения Хвостова в желании умертвить Распутина.

Казалось бы, что одно с другим несколько не было связано, но не Белецкому было останавливаться перед этим, т.к. в истории Департамента Полиции были тысячи подобных, провокационно раздутых дел. Все началось, видимо, с подкупа Ржевского, который вследствие этого согласился дать в случае необходимости показания, что Министр командировал его в Норвегию для переговоров с Иллиодором об организации убийства Распутина. Для того, чтобы дать основание для вмешательства в дело командировки Ржевского жандармской полиции, последний учинил на границе Финляндии какой-то скандал, во время которого громко кричал, что он состоит на службе Министерства Внутренних Дел и едет за границу по

секретному распоряжению Министра. Имевшая уже по этому вопросу соответствующие указания, жандармская полиция отнеслась к его заявлениям подозрительно, задержала его и произвела обыск в его вещах, причем обнаружила среди них его письмо на имя Министра Внутренних Дел, в котором он, если не ошибаюсь, как бы отвечая на указания Министра, излагал свой план убийства Распутина. Ржевский был арестован, дал показание, в котором открыто раскаивался в своем намерении организовать по желанию Хвостова убийство Распутина и весь материал по этому делу был препровожден Председателю Совета Министров.

Последнее совершенно ясно показывает, что вся история с арестом Ржевского была инсценирована сверху, иначе поведение жандармов не может быть объяснено: ведь Хвостов по должности Министра Внутренних Дел являлся главноначальствующим над Корпусом Жандармов, т.е. высшим его начальником, а подведомственные ему чины, отобрав у подозрительного лица письмо на его имя, не только не представляют его своему начальнику, но дают всему делу совершенно незаконное направление, даже не донеся Министру о совершившемся факте.

Получив желаемый материал, Штюмер устремился в Царское и сделал доклад о раскрытом покушении на убийство Распутина, обвиняя во всем Хвостова. В ответ на это последовало Высочайшее Повеление о производстве расследования по этому делу, для каковой цели была назначена Особая Комиссия. Состав этой Комиссии также не был лишен пикантности, да и вся эта история скорее напоминает грязный фарс, чем государственное дело. Во главе Комиссии встал только что назначенный с благословения Распутина взамен Поливанова

Военный Министр Генерал Беляев, а членами комиссии были — Белецкий, представитель Штюрмера небезызвестный Мануевич-Мануйлов, представитель Митрополита Питирима его незаконный сын и личный секретарь И.В.Оцепенко, называвшийся в придворных кругах Ванька Каин и, наконец, сам Распутин. Казалось бы, что при таком составе Комиссии Хвостову было невозможно выйти из этой истории благополучно. Однако даже и при этом составе Комиссия признала, не смотря на полное раскаяние Ржевского во всех преступлениях, в которых ему было приказано сознаться, что все это дело раздуто и что Хвостов совершенно не виновен. Сам Распутин принимал живейшее участие в допросах свидетелей, моментами приходил в ярость, иногда плакал и хотя величал Хвостова «своим убивцем», но все время пытался его умиловить и вновь установить с ним добрые отношения. О результатах расследования, произведенного Комиссией, было доложено Государю и последовало Высочайшее Повеление все дело прекратить. Перед своим очередным отъездом в Ставку, Государь принял Хвостова, милостиво с ним беседовал и казалось, что положение Хвостова снова упрочилось. Главный инициатор «истории Ржевского» Белецкий был назначен, против своего желания, Иркутским Генерал-Губернатором и ему было предложено немедленно отправиться в эту почетную ссылку.

Однако вся эта история не могла так кончиться. В-первых, в обществе, осведомленном обо всем происшедшем газетами, продолжала царить уверенность, что Хвостов действительно собирался совершить убийство Распутина, и хотя лучшая часть общества в тайниках своей души мечтала об этом, но, т.к. убийство не удалось, а кроме того участие Министра в организации убийства да еще при помощи самых тем-

ных сил производило крайне невыгодное впечатление, на имя Хвостова легла тень, и многие благомыслящие люди от него отшатнулись. Во-вторых, и сам Хвостов, хотя и выйдя победителем из этой интриги, чувствовал, что дни его пребывания на министерском кресле сочтены и это обстоятельство с одной стороны его чрезвычайно раздражало, а с другой, вносило известную неуверенность в его действиях.

За некоторое время до истории с Ржевским Хвостов получил сведения из Охранного Отделения, что германские шпионы начали группироваться вокруг Распутина и что нити этого шпионажа при их выяснении неизбежно приводят к квартире Распутина. При ближайшей проверке было установлено, что приближенные Распутина, в особенности же его секретарь Симанович, находятся на жаловании у известного банковского дельца Дм.Льв.(«Митьки») Рубинштейна, на последнего же падало серьезное подозрение в шпионаже, вскоре после этого вызвавшее его заключение в тюрьму. Естественно, что для шпионов Распутин был чрезвычайно полезен, т.к. постоянно бывал в Царском, он от Вырубовой узнавал много секретнейших вещей, а затем охотно делился ими со своими приближенными. Хвостов обеими руками ухватился за эти данные и, желая отомстить за сделанную ему гадость, совершенно внезапно отдал распоряжение о производстве обыска у большинства приближенных Распутина. За обысками, давшими Хвостову некоторые ценные сведения, последовали аресты и высылки, и одним из первых пострадал Симанович, принимавший деятельное участие в истории Ржевского. При ближайшем рассмотрении все эти выступления Хвостова носили случайный характер, т.к. уже если он признал необходимым встать на эту дорогу, то конечно, начать следовало с самого

старца. Однако эти аресты произвели самое потрясающее впечатление в Царском. Царица и Вырубова решили, что Хвостов не замедлит обрушиться на самого Распутина и совершенно не знали, действует ли он за свой собственный страх и риск или же имеет на это разрешение Государя. Поэтому Государыня поспешила вызвать Государя из Ставки, Вырубова же совершила невероятную неосторожность, написав Хвостову от имени Государыни письмо, в котором умоляла его пощадить Распутина и не губить его жизни. Это письмо после отставки Хвостов вернул Вырубовой, но предварительно его сфотографировал. Возвращение Государя в Царское в первые дни окончилось торжеством Хвостова. Последний сделал подробный доклад о Распутине, не только о его поведении, но и о его невольном участии в шпионаже, в результате чего последовала Высочайшая Резолюция, одобряющая все сделанное Хвостовым и предлагающая ему выслать Распутина в 24 часа из Петербурга, запретив ему перед отъездом появляться в Царском. Однако торжество быстро превратилось в поражение, т.к. ранее истечения 24-х часов Хвостов получил от Государя записку отменяющую высылку Распутина, и когда Хвостов попросил немедленного приема, то ему в этом было отказано. На следующий день Штюрмер уведомил его, что согласно его прошению Государь Император увольняет его в отставку.

Не имея возможности лично проститься с Государем, Хвостов написал ему длинное и очень красивое письмо, в котором излагал свое поведение и общее положение России, которая, по его словам, неудержимо летела в пропасть революции. Через несколько дней это письмо было возвращено Хвостову Министром Двора гр. Фредериксом с резолюцией на нем

Государя: «Верю в Вашу преданность». Так закончилась карьера Хвостова, который безусловно был в состоянии принести много пользы России, но который вследствие невыдержанности своей натуры и увлечения придворными интригами, принес России больше зла, чем многие из злейших врагов Государственного порядка.

Первые дни после отставки Хвостова носили исключительно комический характер. За бывшим Министром по пятам следовали жандармы и филеры, за ним следили энергичнее, чем за самым страшным революционером и даже ходили слухи о возможности его ареста. Последнее по-видимому требовала Государыня, которая также ожесточенно настаивала на лишении его придворного звания. Хвостов видимо искренно наслаждался своим новым положением поднадзорного и всячески старался поставить своих сыщиков в глупое положение. Особенно мне запомнился один случай. Уезжая из Москвы в свое имение, Хвостов наполнил свой портфель старыми газетами и все время не выпускал его из рук. В соседнем с ним купе поместились два филера, которые жадными глазами смотрели на этот портфель. Промучив их до Тулы, Хвостов, выходя на вокзал, как бы по рассеянности забыл в купе свой портфель, вернувшись через несколько минут, увидел, что он похищен. Можно себе представить разочарование жандармов, когда они познакомились с содержимым этого портфеля.

Покончив с историей придворных интриг, связанных с пребыванием на министерском кресле Хвостова, мне придется еще несколько вернуться назад, чтобы закончить вопрос о попытках Хвостова бороться с все возрастающим противоправительственным направлением деятельности Государственной Думы и общественных организаций.

Тот факт, который я собираюсь затронуть, а именно взаимоотношения Хвостова с завоевавшим немного позднее всемирную известность членом Государственной Думы А.Ф.Керенским настолько серьезен, что я вынужден буду остановиться на нем по возможности подробно. При этом я должен оговориться, что все эти сведения были получены мною приблизительно с декабря 1915-го года по январь 1916-го года, т.е. в то время, когда Керенский был еще мало известен и личность его невзрачная и отталкивающая не привлекала к себе общего внимания. Говорю это потому, что когда Керенский впоследствии стоял во главе Государства, об его личности стали распространяться всевозможные слухи, и тогда можно было думать, что слухи эти фабрикуются его политическими врагами в целях дискредитирования его в глазах населения. В конце же 1915 года мало кто из широкой публики интересовался им, и лично я только через полтора года оценил всю серьезность случайно полученных мною о нем сведений.

Во второй половине 1915 года Керенский часто появлялся в Москве. Появления его были подобны молнии, он редко проводил в Первопрестольной более одних суток, в течение нескольких часов появлялся на нескольких тайных партийных собраниях, произносил зажигательные противоправительственные речи и быстро скрывался. Об его приездах я знал из докладов Охранного Отделения, но мало обращал на них внимания. В середине декабря ко мне в Градоначальство пришел мой родственник Н.С.Хвостов, о котором я уже упоминал выше, и возмущенно рассказал мне следующее. За несколько минут до этого Хвостов встретил репетитора своего младшего брата — студента московского Университета, который сообщил ему, что в тот же день в студенческую столовую, находившую-

ся, если не ошибаюсь, на Моховой, приехал Керенский и, взобравшись на стол, произнес горячую и резкую речь, направленную против Царской Семьи, в особенности против Государыни.

Громя Высочайших Особ, Керенский закончил свою речь словами, что недалеко то время, когда народ расправится с ними, причем выразил пожелание, что Государыня не избежит виселицы. Как всегда речь Керенского закончилась бурными овациями, студенты его качали и т.д. Случайно во время рассказа Хвостова ко мне в кабинет вошел начальник Охранного Отделения полковник Мартынов и мы с Хвостовым обрушились на него, доказывая, что если полиция будет допускать подобные выступления, то не мудрено если вспыхнет революция. Мартынов ответил, что это выступление Керенского ему известно и что Керенский сегодня же возвращается в Петроград. На мой вопрос, почему же Керенского не арестуют, Мартынов ответил с улыбкой, что опасного в такой деятельности Керенского ничего нет и что, напротив, она даже полезна для Правительства, т.к. во время таких приездов в Москву Керенский группирует немедленно вокруг себя все противоправительственные элементы, вследствие чего, после его отъезда Охранному Отделению не трудно произвести их ликвидацию, т.е. произвести у них обыск и переарестовать их. Должен сказать, что такое отношение к Керенскому меня очень поразило. Через несколько дней после этого у меня сидел мой товарищ, инженер Д.И.Стольников, приехавший из Петербурга, которому я рассказал эту историю. Стольников также выразил свое изумление и добавил, что Керенский жил в течение нескольких лет в одном с ним подъезде, если не ошибаюсь на Загородном, но что несколько дней тому назад он

переехал на гораздо более дорогую и роскошную квартиру, где-то около Невского.

Перед самым новым годом в Москву вернулся мой зять И.С.Хвостов, двоюродный брат Министра, находившийся, благодаря близким отношениям, в курсе всех секретных дел Министерства. Случайно у нас зашел разговор относительно Керенского и И.С. под большим секретом сообщил мне, что незадолго до этого А.Н.Хвостову удалось так наладить отношения с Керенским, что он теперь будет действовать в Правительственных целях. Хвостов предполагал в начале ближайшей Сессии Государственной Думы, а именно в январе, внести в нее несколько законопроектов, которые неизбежно должны будут встретить самую резкую оппозицию в прогрессивных кругах Думы. Для сбережения Правительству большинства и для посрамления кадетов, Хвостов договорился с Керенским, что последний, во время обсуждения этих проектов, совершенно неожиданно набросится на кадетские возражения и поддержит точку зрения Правительства. За это Хвостовым было уплачено Керенскому шестьдесят тысяч рублей, а последний имел неосторожность выдать расписку в получении денег. Эту расписку И.С. видел собственными глазами и в ней значилось: «Получил от А.Н.Хвостова шестьдесят тысяч рублей. А.Керенский». Расписка эта была спрятана Хвостовым в Стокгольме и надо надеяться, что в будущем она получит огласку.

В начале марта шнырявшими по Петербургу революционными бандами, в числе других Министров Старого Режима, был арестован и А.Н.Хвостов, которого доставили в Таврический Дворец. Подобно другим Министрам, Хвостов был передан в распоряжение нового Министра Юстиции Керенского, который, допросив наедине Хвостова, освободил его и выдал

ему охранную грамоту, после чего Хвостов уехал в свое имение. Когда многие из близких советовали Хвостову скрыться, указывая на судьбу других Министров, он только улыбался и говорил, что пока Керенский у власти, он чувствует себя в полной безопасности. Видимо, слухи об этом проникли и в революционные сферы, т.к. в июле 1917 года известный разоблачитель Бурцев, недовольный Керенским за то, что тот запретил ему посещать заключенных в Петропавловской крепости, объявил в газетах, что он в ближайшие дни с документами в руках, обличит в провокаторстве одного из главных вершителей судеб России так, что весь мир будет потрясен. Для меня тогда было ясно, что Бурцев намекал на Керенского.

Однако и сам знаменитый разоблачитель был не так далек от Департамента Полиции, и мне иногда казалось, что его дореволюционные разоблачения делались с ведома и согласия последнего. Во всяком случае, как достоверный факт я могу указать, что тот же И.С.Хвостов, приехав однажды по делам к Белецкому на его казенную квартиру на Морской и пользуясь правом в качестве близкого родственника Министра входить без доклада, застал Белецкого мирно обедающим с бывшим Начальником Петербургского Охранного Отделения генералом Герасимовым, секретарем Штюмера Манусевичем- Мануйловым иБурцевым, при чем все обедавшие имели весьма дружеский вид. В качестве пикантной подробности могу добавить, что, когда приблизительно в это время Министром Внутренних Дел было разрешено Бурцеву проехать на несколько дней в Москву, то Градоначальником была получена шифрованная телеграмма за подписью того же Белецкого, в которой предлагалось установить самое тщательное наблюдение за Бурцевым, выясняя всех лиц, с которыми он будет встречаться.